

Станислав Балабин

Бурелом

Ж[redacted]
Саше от Валерия
М[redacted]
поздравляю тебя с днём
рождения. желаю тебе даль-
нейших успехов в учёбе.
XI/-26-63 год

Станислав Балабин

БУРЕЛОМ

Роман

ПРИМОРСКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВЛАДИВОСТОК
1962

Балабин Станислав Прокопьевич

Бурелом. Роман. Владивосток. Прим. кн. изд:, 1962
252 с.

Редактор Ф. Чернова
Художник В. Гешелев
Техн. редактор Н. Шайкова
Корректор Л. Калашников

* * *

ВД 00157. Сдано в набор 2.III-62 г.
Подписано к печати 7.VI-62 г.
Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$=7,87 физ. печ. л.,
12,91 усл. печ. л. (12,88 уч.-изд. л.)
Тираж 30 000. Цена 54 коп.

* * *

Приморское книжное издательство, Ленинская, 43
Типография № 1 Крайполиграфиздата,
Ленинская, 43. Заказ 1031

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Сапоги обыкновенные — кирзовые, со сбитыми задниками, размер — 41: самый ходовой размер. И носил их Платон без малого год, но никогда не жаловался, что они тесны, а здесь вдруг жать стали. «Черт-те что!» — Он повел крутыми плечами, гимнастерка на спине, просоленная потом, топорщилась и шуршала, как накрахмаленная... А солнце жжет, будто через увеличительное стекло... В голове у Платона карусель — «а для тебя, родная, есть почта полевая»... Рыжий каптенармус Васька Кишко сует Платону эти самые сапоги совсем еще новенькие, связанные за ушки таким же, как он сам, рыжим шпагатом и, подражая старшине, ворчливо приговаривает: «Не нр-равятся, можить, хр-ромовые, чтоб голенища гар-рмошкой»...

Платон указательным пальцем потер переносицу — привычка. Что же делать? То ли ехать в Унанхинский леспромхоз, то ли остаться здесь, снова пойти работать в порт? В армии дружок Виктор, уроженец тех мест, много порассказал о тайге, о быстрых и говорливых таежных речках... Схожу в порт к ребятам, а там видно будет, решил Платон. Встал со скамьи, привычным движением расправил складки гимнастерки. Ворот нараспашку: какое дело патрулю до демобилизованного солдата.

Людской поток на улице, все равно что весеннее половодье — шумлив, напорист. Захлестнул парня, за-

вертел — и потащил по городу. Лица. Они как разноцветные стеклышки в калейдоскопе: хмурые, озабоченные, беззаботные, веселые... Платон смотрел на них жадно, без стеснения, будто земляков выискивал, а из головы, хоть тресни, не выходили сапоги.

Вот и контрольно-пропускная будка, серая от пыли. На стене кто-то пальцем вывел «люблю». «При входе в порт предъяви пропуск». Вот так, запросто, возьми да и предъяви. А если нет пропуска, а если к бывшим товарищам по работе пришел, тогда как?

— Не положено, гражданин, не положено,— бдительно загородила дверь женщина-вахтер.

— Винтовку не умеешь держать, а гоноришься, — не вытерпел Платон.

— Я-те не умею, — вскипела та, сбрасывая с плеча винтовку.— Вмиг живот продырявлю...

— Сказано — баба,— Платон сплюнул на дорогу, потер переносицу. Что делать? И вдруг вспомнил, что в конце забора у самой воды некогда существовала лазейка. Ею пользовались рабочие, чтобы сократить путь до трамвайной остановки.

На набережной тугой ветер наградил парня приятельским шлепком по разгоряченным щекам. У ног море лизало дамбу. Та гудела в ответ, глухо, строптиво. В порту море особенное, не такое, как у пляжа — чистенькое, точно изнеженное. Здесь вода грязно-зеленая, с радужными поплавками мазута...

Платон тронул одну из досок. Она предательски скрипнула и отошла. Оттого, что сохранилась старая лазейка, парню стало неожиданно весело. «А для тебя, родная, есть почта полевая»... — тихо насвистывая, он обошел бухты промасленного троса.

У стенки стоял под разгрузкой теплоход. Черная громада борта подпирала дымчатый небосвод над заливом. А над ним, еще выше, как бы сама по себе, висела стрела портального крана с пакетом груза. Около весовой площадки суетились грузчики. Вон и дядька, Петр Тарасович, высокий, как каланча. Рядом с ним бывший бригадир Платона Федор Портнягин, все такой же крикливый, неугомонный. «Старый прощелыга»,— отчего-то называл его Петр Тарасович. Портнягин не обижался и в свою очередь называл Петра Тарасовича: «Хрен с редькой»...

— Давай, давай! — приплясывал Федор, грозя маленьким кулаком крановщику. — Не молоко подаешь, не расплескаешь!..

Портнягин смешно вытягивал шею, привставал на цыпочки, словно хотел дотянуться до крановщика. «И Маруся здесь!» — не то удивился, не то обрадовался Платон. Весовщица Маруся, заслонившись ладошкой от солнца, тоже смотрела вверх на стрелу. На девушке была синяя рабочая блуза. Платон видел гибкую, тронутую загаром шею... На первом и втором году службы Платон частенько получал от Маруси письма, потом все реже, наконец и вовсе ни одного...

Пакет груза плюхнулся на весовую площадку. Тонко, как пес, которому вдруг наступили на лапу, заскулил транспортер. Грузчики хватали ушастые мешки, бросали их на движущуюся ленту. Та бережно уносила мешки к складским дверям...

Платона встретили по-мужски: каждый норовил хлопнуть по плечу, крепче залапить ладонь, сказать скупо: «Привет, Корешов. Отслужил?» Сидели на ржавых рельсах железнодорожного полотна, курили. С судна прибежал Василий Коржин, парень с черным жгутом бровей под шишковатым лбом, некогда хороший приятель Платона. Подсел к нему, тоже не преминул хлопнуть по плечу. Сейчас он великое начальство — бригадир.

— Вот ты, солдат, скажи, будет война? — допытывался Портнягин.

— Кто его знает.

— Нет, скажи,— не отставал Федор.

— Ну, чего прилип к парню,— перебил Петр Тарасович. — Его дело солдатское — винтовку в руки и пошел...

— И отъелся же ты на казенных харчах! — тянул Василий, оглядывая рослую, крепко сбитую фигуру Корешова.— Вот бы тебя в нашу бригаду, а? Ребята у меня что надо подобрались.— Он бросил быстрый взгляд на Портнягина, вопросительно посмотрел на Платона.

— По шее дам, чего переманиваешь!— погрозил Федор. — Откуда в армию призвался, туда и должен пойти...

— Пойдем к нам в трюм, с ребятами познакомлю, — настойчиво потянул Корешова за рукав Василий.

Платон понимал, что значит работать в трюме, да еще в такой солнцепек. В трюме душно и пыльно. «Зато денежно»,— шутили портовики.

Многие ребята в бригаде Коржина, так же как и Платон, недавно демобилизовались из армии. Так же донашивали кирзовые сапоги, гимнастерку и солдатские шаровары с замасленными наколенниками. Благодать эти самые наколенники! Протрутся — невелика беда — спарывай, а под ними еще прочная диагональ, и валяй носи...

Знакомство было коротким.

— Степан,— браво откозырял высокий парень.

— Виктор,— добродушно назвался другой.

Зато третий — увалень, с круглым, как футбольный мяч, лицом неизвестно для чего выпалил:

— У нас, когда поверяющих ждали, так старшина-сверхсрочник тротуар возле казармы заставлял драить... — и, выкатив глаза, вытянулся перед Платоном «во фрунт».

Из порта Корешов возвращался вместе с Петром Тарасовичем. По армейской привычке шагал в ногу.

— Так на чем порешил, в порт или еще куда подашься?

— Не знаю еще. Поживем — увидим. Может, к дружку в Унанху двину.

— Ну-ну... — Брови Петра Тарасовича вдруг осели, нависли над глазами, завязались на переносице в тугой узел. То ли ему не нравилось колебание племянника, то ли еще что, но до самого дома он больше не проронил ни слова. Только за ужином заметил:

— Дело, конечно, хозяйское, хоть в порт, хоть еще куда, главное — за дело надо браться... На казенных харчах пожил, теперь о своих думать надо. Батьки с маткой нет, надеяться не на кого.

— Не бойтесь, вас не объем,— склонившись над тарелкой, буркнул Платон.

— Вот уж, сразу и в пузырь. Я тебе не хочу плохого. Ишь, упрямец! — Петр Тарасович потрепал племянника по голове и снова повторил:— Упрямец, весь в батьку... Кстати, в Унанхе ведь дед твой и отец жили...

— Спасибо за ужин.— Платон ослабил ремень.— Когда у солдата копилка полная — все в порядке. Пойду малость прогуляюсь.

Вечер теплый, стоялый, как вода в бухте. Свет от лампочек брызжет по ней, переливается ртутными дорожками. Вот так бы, кажется, встал на одну из них и зашагал... В ту же Унанху зашагал. Ведь за душой ни дома, ни сундуков — сборы недолгие. До этого времени Платон не очень-то задумывался, как ему эту самую жизнь начинать. На ротных политзанятиях достаточно ясно об этом толковалось: поезжай туда, поезжай сюда, везде рабочие руки требуются. Вся страна пареньку представлялась этаким огромным домом в лесах... Но в армии за Платона думал старшина, а сейчас, выходит, и самому надо мозгами пораскинуть. «Да что ими особенно раскидывать...— Сапоги Платона мягко утопают в прибрежном песке. И море у самых ног плещется, и остро пахнет морской капустой. Громкоговоритель разносит по набережной мелодию популярной песенки «...мы с тобой два берега у одной реки». — Вот завтра приду к Марусе и спрошу, почему она письма писать перестала...»

2

Утро вкатилось вместе с волнами в узкую гортань бухты. Свежее, подрумяненное, оно расплескалось над городом в кружеве пароходных дымков, в грохоте трамвайных колес, шарканье людских ног.

Рита спешила в управление лесдревпрома. У нее под мышкой красная кожаная папка с застежкой «молния». В папке среди других бумаг хрустящая калька. На кальке тушью вычерчен водораздел реки Тананхезы, маленькими значками условно обозначена тайга, также условно нанесены горы, одним словом все, как положено.

С этой картой и кое-какими личными соображениями Рита Волошина должна сегодня предстать перед начальником краевого управления лесдревпрома Алексеем Алексеевичем Цветочкиным. Но Алексей Алексеевич в командировке. Так по крайней мере объяснила молоденькая секретарь-машинистка.

— Что же мне делать? — с решительным видом подступилась Волошина к секретарю.

Та удивленно вскинула наведенные брови, обиженно надула губки.

— Гражданка, я же вам сказала, что Алексей Алексеевич уехал,— и снова ее пальцы живо забегали по пуговкам машинки «Олимпия»: человек занят, у человека уйма работы, а здесь ходят и надоедают.

Однако Рита не уходила. Можно сказать, от этой командировки зависела судьба ее предложения. Директор леспромхоза — человек новый, он ничего путного не ответил Рите на ее докладную. Он сказал — поезжайте в управление, попробуйте убедить их.

«А кого убеждать? — Волошина села на стул, со злостью уставилась на секретаря.— Ее, что ли? Да эту мызю ничем не прошибешь... А он тоже хорош, поезжайте,— вспомнила Рита нового директора. — На внешность так куда тебе, а смелости решить самому не хватило, привык в управлении за спины начальства прятаться...»

Дверь, ведущая в кабинет начальника, по-прежнему отмалчивалась. Зато противоположная, с табличкой «главный инженер», вдруг распахнулась, из кабинета выскочил тучный, приземистый мужчина. Рита его никогда в жизни не видела, но он счел нужным кивнуть ей, как старой знакомой. Вероятно, решил, что она тоже на прием к главному инженеру, и ей нагорит не меньше, чем ему. Мужчина не упустил бы случая задержаться и рассказать, за что же ему нагорело, но в распахнутых дверях показался главный инженер.

Он был низенького роста, бритоголовый, в мешковатом костюме.

Секретарша вскинулась от машинки. Только сейчас Рита разглядела, что она тоненькая, совсем девчонка.

— Иван Сергеевич, вот эта гражданка настойчиво добивается на прием к Алексею Алексеевичу...

— Я не по личным, а по служебным делам,— поспешила вставить Волошина.— Приехала из Унанхинского леспромхоза...

— Как же, как же, помню вас. Здравствуйте, Маргарита Ильинична,— протянул руку главный инженер.— Мне ваш директор только что звонил. Верочка,— обернулся он к секретарю,— я же вас предупреждал, как появится Волошина — тотчас ко мне.

— Простите, забыла,— виновато потупилась Верочка.

Рита ободряюще ей улыбнулась. Обида как-то сама по себе улетучилась. Ей даже стало жалко эту худенькую девчушку, целыми днями просиживающую за пишущей машинкой. «Ее бы к нам, в тайгу», — подумала Волошина.

Кабинеты главных инженеров отчего-то всегда напоминают комнаты для занятий по техминимуму. На этажерке, на столе и даже на подоконниках лежали выпиленные кубики древесины разных пород. В углу стояли рулоны карт, в противоположном — макет тарного цеха. И, что очень удивило Риту, в багетовой раме на стене висел портрет Пушкина. В служебных кабинетах такое лирическое отступление — редкость. Однако портрет существовал, точно нарочно вывешенный здесь, чтобы опрокинуть сложившееся представление о служебных кабинетах. Пушкин смотрел на Риту умными глазами и как бы порывался что-то сказать...

— Иван Сергеевич, расстояние вывозки у нас большое, объем лесозаготовок невелик, так целесообразно ли нам гробить технику на летней вывозке? — Волошина запнулась, подыскивая в уме что-либо веское, бесспорное.— Я вот здесь подсчитала,— она вытащила из папки тетрадь, положила на стол,— что при нормальной работе автомашины можно вывезти весь плановый лес за зимние месяцы...

Главный инженер понимающе кивнул головой. Конечно, кивать головой — не ново. «А молодчина все-таки эта технорук»,— отметил про себя Иван Сергеевич. Хотелось закурить. Пачка папирос лежала рядом, чего стоило протянуть руку, но он впервые изменил своей привычке. Он не закурил, он продолжал слушать Волошину.

— Маргарита Ильинична, я ничего не имею против вашего предложения,— главный инженер заговорил медленно, глядя в окно. За окном сомлевшая от жары ветка дерева склонилась к самому стеклу, касаясь его поблекшими листочками.— Однако ваше предложение, так сказать, специфическое, для других лесопунктов, возможно, и не приемлемое...

— Но я говорю о своем лесопункте,— перебила Рита.— Хотя и соседние участки работают в таких же условиях. У меня в докладной все подсчитано: за и против.

— Хорошо, хорошо, Маргарита Ильинична, мы изучим ее и позвоним директору леспромхоза. Кстати, как вам нравится новый директор?

— По-моему, он нерешительный,— ответила Рита.— Ведь можно было мое предложение изучить на месте...

Главный инженер улыбнулся. Встал.

— Всего хорошего, Маргарита Ильинична. А в Турасове вы ошиблись. Поработаете, измените о нем свое мнение.

— Я была бы только рада,— сказала Волошина. Очутившись в той же приемной, она приветливо кивнула секретарю и даже спросила, где она делала такую чудесную завивку.

3

Дождь хлынул нежданно-негаданно. Он промочил до нитки тех, кто не успел спрятаться под навесами или хотя бы защититься зонтиками. Платон поспешил юркнуть в калитку.

Тесный двор, выложенный камнем, слепо упирался в крыльцо домика, очевидно старой кладки — кирпичи были коричневого оттенка. Такие домики, смотрящие на улицу окнами с резными наличниками, остались еще от старого купеческого города.

Подкованные сапоги Платона цокают по выщербленным камням громко, тревожно. У дверей на крыльце тряпка. Платон долго и старательно вытирает ноги, собирается с духом. Настойчиво и требовательно стучится. Нагнув голову, чтобы не задеть притолоку, входит в кухню. Уже так заведено, что все старые дома начинаются с кухонь. А кухни, как правило, до последнего гвоздя пропахли варевом. У печи — Марусина мама — тетя Поля, высокая, сухая и вся в черном. Лицо сияющее. С чего бы это?

— Помолодели, тетя Поля,— поздоровавшись, говорит Платон.

— А-а, приехал, солдатик,— дружелюбно сощурилась тетя Поля. Но глаза стали вдруг растерянными, длинные сухие пальцы беспокойно затеребили передник.

За перегородкой, в комнате, поспешно двинули стулом, зашушукались. Из комнаты вышла Маруся. На ней была белая капроновая кофточка и черная юбка с широким поясом.

Платон даже рот раскрыл — до того привлекательной показалась ему Маруся. В эту самую минуту он и пожалел, что письма писал ей так, больше от нечего делать, чем от души.

— Проходи, Платон, — дрогнувшим голосом сказала Маруся. — Гостем будешь... — последние слова резанули слух Платона — чужими они были.

В комнате Корешова подстерегала другая неожиданность. За круглым раздвижным столом сидели Василий Коржин и его приемные родители: Ксения Арсентьевна и Николай Трофимович. Перед ними на столе бутылка коньяку и шампанское. Бутылки нераспечатаны. «Значит, к самому торжеству попал»,— подумал Платон. И вдруг вслед за этой мыслью его прожгла другая... Платон попятился назад, но поздно, его уже тянули за стол, для него уже освободили место рядом с Василием, около него хлопотали, как возле долгожданного гостя.

— Садись, садись, Платон,— говорит Василий таким тоном, словно он теперь здесь хозяин.

Ксения Арсентьевна, мать Василия, вздыхала, Платон шаркал по клеенке локтями. Руки, хоть отрубай, предательски выдают его. К Платону высоким бюстом придвигается Ксения Арсентьевна, с присвистом дышит в самое ухо, что-то говорит. Жалуется, кажется, на порок сердца. Платон не слушает ее. Он смотрит мимо Ксении Арсентьевны на комод. Там в дешевой рамочке его, Платона, фотография. Вид бравый — лихо съехавшая на правое ухо пилотка, грудь колесом, глаза навыкате. Ни дать, ни взять — Василий Теркин.

— Давайте я уж за тамаду,— скрипит родитель Василия и отчего-то мелко-мелко смеется, прикрывая вялый рот узкой прозрачно-белой ладонью. Платон знает, что это существо безвольное, бесхарактерное. В доме у них всем верховодит Ксения Арсентьевна. Это она некогда взяла из детского дома черноголового мальчугана Васятку.

Глядя на то, как муж неумело раскупоривает бутылки, Ксения Арсентьевна презрительно хмыкнула.

— Дай-ка сюда! — жесты у нее широкие, мужские.— Выпьем, сватьюшка, за молодых,— сопя вздыхает Ксения Арсентьевна, чокается с присмиревшей тетей Полей и подмигивает Платону: ну, что, мол, проворонил?

Потом еще чокнулись, еще выпили. Захмелели. А Маруся нет-нет да и бросит на него виноватый взгляд. Платон осмелел, стал шарить ногой под столом. Но солдатский сапог — не тапочек. Ксения Арсентьевна ойкнула и пухлым, коротким пальцем кокетливо погрозила Платону. Корешов смутился, готов был сквозь землю провалиться.

— Я покурить выйду,— солгал он. Прошмыгнул в кухню, оттуда на улицу. На самые глаза напялил кепку (единственную пока что гражданскую вещь), быстро зашагал прочь со двора. Не было ни обиды, ни досады, ничего не было. Было только твердое решение — он едет в леспромхоз.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Будка тесная, дощатая. Посредине длинный стол, в углу — печка-буржуйка. В папиросном дыму, как в тумане, плавают морковного цвета лица, расплывчатые, неясные в сумеречном свете раннего утра. У маленького оконца, заслоняя его крупной головой, сидит на чурбаке мастер подучастка Илья Волошин. Он скребет пальцами в затылке, зло прокашливается. Затем всем туловищем поворачивается к сидящему в углу парню.

— У-у, дурья башка! — Волошин вскидывает лопатистую ладонь, точно намереваясь рубануть по виновато опущенной голове парня.— Эх!— выдыхает Илья,— не я твой отец, спустил бы штаны да как следует выдрал.

— Выдрать его мало, судить надо за прогулы,— вставляет бульдозерист Марченко.

— Последний раз прощаем,— Волошин расстегивает ворот сатиновой косоворотки. Знает о причине запоя Генки Заворухина: в дочь по самые уши втрескался. И ее бы выдрал, да уж взрослая, технорук лесопункта, отцом командует...

— А ты, Полушкин, до каких пор тонкомер на лесосеке будешь оставлять? — снова заговорил мастер.

Тот, к кому на сей раз обратился Волошин, сидит на корточках у двери, плюется семечками. Лицо остроносое, на верхней губе волосатая бородавка. На вопрос

мастера тракторист мычит что-то неопределенное, начинает суетиться.

— Айда!— кивает он своему помощнику Виктору Сорокину.

Следом за ними из будки цепочкой тянутся и остальные.

Над тайгой уже занялся рассвет. В бледном мареве вставшего из-за сопок дня все четче вырисовывались верхушки могучих кедров. С восходом солнца лучи его растопят на стволах смолу, и потечет она по извилинам коры — янтарная, пахучая, как липовый мед.

Полушкин шел впереди Виктора вприпрыжку, подергивая своей маленькой головкой. Настроение у него испортилось вконец: не хотелось трелевать тонкомер. С ним хлопотно, а оплата одинаковая...

И потолковать бы с глазу на глаз с Волошиным, да того точно злая собака укусила. Вчера его, Нестера, выставил за порог. Нестер только зубами заскрежетал, да, очутившись на дворе, бросил своей жене: «Видала, какой у тебя зять, по пустяку взбеленился!.. Свояк называется!» Анна, жена Нестера, шла притихшая. «Ну, подожди же,— думал Нестер.— Узнают люди, какой ты честняга! Таких несговорчивых когда-то к стенке ставил...»

Подумав так, Нестер, даже оглянулся, точно кто-то невидимый мог подслушать его. Но поселок спал, и его окружала тайга. Нестер плечи распрямил, за этим лесом он почувствовал себя, как за каменной стеной. «Пусть попробуют теперь, найдут». «Пусть попробуют»,— так, кажется и выговаривали его собственные шаги.

— Кончай потягиваться! — набросился Полушкин на помощника. Умостившись на сиденье трактора, придирчиво спросил:— Болты подтянул? Что за молодежь такая ленивая пошла...

Виктор не слушал брюзжание тракториста — привык. Отчего-то вспомнилась армейская жизнь. Наверное, потому, что вчера получил от своего дружка Платона Корешова письмо. Тот обещал приехать...

Полушкин гнал трактор быстро. В кабине становилось душно, пахло соляром. Волок с каждым метром становился круче, строптивей. Виктор, держась за боковину сиденья, думал о предупреждении мастера —

ни в коем случае не ездить через лысое место, что на гребне сопки. Можно сорваться в овраг. Недаром сопка называлась Медвежьей — головастая, крутая, густо поросшая толстыми, длинными, как свечи, кедрами.

— Не спи, сейчас самое трудное,— грубо толкнул Полушкин в бок Виктора.

Виктор и сам уже видел «лысину», как называли ее в бригаде. А справа овраг. Полушкин всей грудью налег на рычаги, глазки его беспокойно забегали. Через лысое место до поваленных деревьев рукой подать, в объезд далеко. Тракторист минуту колебался, потом потянул на себя правый рычаг, ногой выжал левую педаль. Трактор круто развернулся и на полной скорости ринулся к «лысине», лишенной травянистого покрова, отливающей желтой глиной.

От поваленных деревьев, навстречу трактору, косолапя бежит вальщик Семен Кошеида. Он что-то кричит, неистово размахивая короткими руками. Его безбровое лицо выражает испуг и крайнюю растерянность. И тут Виктор почувствовал, как неестественно, всем корпусом, задрожал трактор. Гусеницы проворачивались вхолостую. Комья глины залетали в кабину. Полушкин крепко и витиевато выругался. Трактор медленно затягивало в овраг. Полушкин дал задний ход. Тщетно.

— Фу! — выдохнул он и тут только вспомнил о помощнике. Не оборачиваясь, крикнул:— Прыгай!

Виктор не пошевелился.

— Прыгай, тебе говорят!

Виктор не рассчитал прыжка, кубарем скатился в овраг. Холодная ключевая вода попала за ворот. Правая щека кровоточила. Он поднял голову — краешек гусеницы уже свисал над оврагом. Виктор рванулся, полез по откосу, цепляясь пальцами за деревца и корневища. Вконец обессиленный, ткнулся носом в пахучую траву. Сердце, как движок — тук-тук-тук!

Вальщик участливо подал руку, в самое ухо спросил:

— Зачем вас сюда понесло?

— Значит, надо было! — отрезал Виктор, рассерженный неуместным вопросом.

— Я побегу на верхний склад,— снова сказал Кошеида.— Может быть, успеют помощь подослать...

Завидев убегающего Кошеиду, Полушкин выпрыгнул из кабины, закричал:

— Куда?! Вернись!..

Вальщик не слышал. Полушкин сплюнул, махнул рукой Виктору, приглашая за собой. Они приволокли хлыст, сунули его между гусениц. Потом второй, третий... Трактор больше не сползал в овраг. Но Полушкин и не думал отдыхать. Он велел рубить ветки и забрасывать ими злосчастное место. Наконец опасность осталась позади. Полушкин вывел трактор в безопасное место.

Перепачканные до ушей глиной сели перевести дух под деревом. Только сейчас Виктор увидел солнце. Оно, точно огненно-рыжий клубок, запуталось в густом переплетении еловых веток и теперь беспомощно повисло над тайгой. Под старыми слежавшимися листьями земля прела. По падям она курилась голубовато-белой испариной.

— Проскочили-таки,— первое, что вымолвил Полушкин.— Нашумит Кошеида зря... Давай-ка быстренько соберем пачку... Чокерист еще заболел, черт его!..

Минут через двадцать первая пачка хлыстов была сформирована. Она состояла из пяти толстых бревен.

— Опять от Волошина попадет,— осмелился напомнить Виктор, дотронувшись до больной щеки.

— Не твое собачье дело! — волосатая бородавка на верхней полушкинской губе грозно зашевелилась.

Забравшись на сиденье, Виктор подумал, что, может быть, этот рейс и стоит толстомерных хлыстов. Только Волошин настырный, если уж сказал, что тонкомер не брать и через лысое место не ездить, то от своего принципа не отступит.

2

Леонид Павлович Наумов, начальник лесопункта Тананхеза, любил начинать свой утренний обход с гаража. Гараж обнесен высоким дощатым забором. На юго-западной стороне скрипучие железные ворота. Из ворот выбегала резвая грунтовая дорога. Она огибала нижний склад, который находился на самом берегу реки, перемахивала через мост и безудержно устремлялась через перевал и хлюпкие мосточки к районному центру. В километре от поселка лесорубов от дороги резко в сторону отходила другая, менее резвая доро-

га — ухабистая, горбатая. Она лезла через буреломы и говорливые таежные ключи к мастерскому подучастку Волошина.

У Леонида Павловича приподнятое настроение; планы по вывозке и заготовке леса подучастками из месяца в месяц перевыполнялись, сплав по первичной реке закончен досрочно. При передаче зачистки Унанхинской сплавной конторе была выпита не одна бочка пива, а потом его, Наумова, как есть в одежде рабочие искупали в реке. Таков уж обычай у сплавщиков с незапамятных времен — купать по окончании сплава начальство. Когда-то и сам Наумов купал начальников лесопункта...

Леонид Павлович хозяйским придирчивым взглядом прощупал выходящую из ворот гаража машину.

— Митькин,— погрозил Наумов шоферу,— смотри мне, чтобы без калымов!..

У шофера в улыбке блеснули вставные зубы. Загорелое лицо так, кажется, и говорило: ну, что вы, Леонид Павлович, разве ж можно!

— Смотри мне! — повторил начальник лесопункта.

Машина в ответ тряхнула задом так, что над кузовом заклубилась пыль, и заурчала по дороге в районный центр. А Леонид Павлович нагнулся, подобрал с земли ключ, недовольно крякнул, сунул его в карман тужурки.

Заслышав голос Наумова и его грузные шаги, встрепенулся на деревянном топчане вахтер Данила Севрюк.

— Здравия желаю! — по старой солдатской привычке приветствовал он, отдав честь.

— Здравствуй, здравствуй, гварди-я! — Леонид Павлович стянул с головы фуражку, платочком вытер вспотевший лоб.— Без головного убора, а честь отдаешь,— сказал Наумов.

— Ить верно, запамятовал!—улыбнулся дед Севрюк.

— А сколько машин сегодня вышло из гаража, не забыл?

— Никак нет, девять! — отрапортовал он.— У двоих поломка: у Ерохова кардан полетел, у Ткаченко подшипники застучали...

— Опять у Ерохова авария,— вслед за дедом повторил Наумов.— Это уж третий раз за лето...— Леонид Павлович покачал головой. — А тебя, Данила, к премиальным представил за отличную службу,— согнал тень с лица начальник лесопункта.— Ну, бывай здоров!

На обширном дворе гаража кое-где в выбоинах поблескивали лужицы дождевой воды. «Непорядок,— отметил про себя Леонид Павлович.— Надо сказать Сычеву, чтобы сегодня же привезли гравия и засыпали». Потом мысли Наумова метнулись за сотни верст в город. Завтра-послезавтра должна приехать Волошина. Без нее Наумов испытывал нечто вроде одиночества, какую-то потерянность, неуверенность в себе...

От низкого, черного до самой трубы здания ремонтных мастерских доносилось заунывное жужжание сверл. Наумов направился туда. По дороге встретил механика, краснощекого здоровяка в комбинезоне, Сычева.

— Что у Ерохова?

— Болты, как ножом на кардане срезало,— ответил тот и указательным пальцем чиркнул по ладони.

— Когда в строй?

— Сегодня во второй половине дня сделаем...— и добавил: — Не впервой.

— Отлично! А Ерохова предупреди,— через плечо говорил Наумов,— еще одна авария, сниму с машины, пойдет слесарить. Комплект резины получил?

— Думаю Ткаченко отдать.

— А у Ерохова машина совсем разутая. Отдай ему,— неожиданно для механика заключил Леонид Павлович.

В мастерской шум от работающих станков ударил в уши Наумова. Он поздоровался с рабочими, подошел к верстаку, над которым склонилась курчавая голова.

— Здравствуй, Василий! — Леонид Павлович протянул руку. Стараясь перекричать шум, громко спросил:— Как дела с сучкорезкой?

Василий тряхнул головой, волосы рассыпались по высокому лбу.

— Идут дела, — так же громко ответил он. — Завтра будем испытывать...

— Молодец! — Наумов погладил ладонью детали, отшлифованные до блеска. Рационализаторское предложение Василия Лапшина сулило многое — отпадала надобность в топоре. «Теперь,— подумал Леонид Павлович,— сучкоруб станет называться сучкорезом. Головастый этот Лапшин»,— а вслух сказал:— Тут из районной газеты звонили, спрашивали о твоем изобретении, хотели расписать...

— Уже, наверное, похвалились? — поднял от верстака голову Лапшин.

— Как бы не так! Я им ответил, что пока курочка не снесет яичко, она не кудахчет...

3

Проехали около полукилометра. Вдруг из-за поворота волока выбежала целая ватага рабочих. Впереди Илья Волошин. Завидев идущий трактор, они, как по команде, остановились. Мастер погрозил кулаком.

Полушкин беспокойно заерзал на сиденье, процедил сквозь зубы:

— Чтоб этого Кошеиду черти съели! Удружил, называется!..

Трактор поравнялся с людьми. Пришлось остановиться. Волошин легко запрыгнул на гусеницу, протиснулся в кабину.

— Ты что, под суд захотел?! — так и задохнулся мастер. Кадык катался по шее то вверх, то вниз.— Ладно, — стараясь обуздать накипавший гнев, продолжал Илья,— зачем рисковал машиной — начальство разберется. Мне ответь, почему снова толстомер везешь?

— Обязательство выполняю,— осклабился Полушкин и вкрадчиво, чтобы не слышали рабочие, сказал: — Чего шумишь, свояк? Разве не знаешь из-за кого жилку рву, семья, дети...

«Так вот почему ты через «лысину» полез»,— мелькнуло в голове у Виктора. Он соскочил с трактора, подошел к рабочим.

— Ну, вот что, Нестер,— донесся до рабочих голос Волошина.— Ты мне дурака не валяй и свояченством не прикрывайся. Вот заставлю тебя назад лес везти, в другой раз умнее будешь...

— Да ну! — деланно удивился Полушкин.— Так и поеду!

Они сошли на землю и теперь, нахохлившись, стояли друг против друга. По сравнению с высоким и широкоплечим Волошиным Полушкин выглядел подростком. Рабочие плотным кольцом окружили их.

— И что человек на рожон лезет?! — Петр Суворов повел в сторону тракториста раскосыми татарскими глазами.

— Да это он сам на рожон лезет! — взмахнул короткими руками Полушкин.— Не все ли одно, какие хлысты?! В другой раз тонкомер возьму,— волчком крутился Нестер, ища на лицах рабочих сочувствие.— Разве я не передовик?! Вот мои руки!

— Стяжатель ты! — вдруг раздельно и отчетливо произнес Волошин.—Св-волочь!

Нестер, точно обжегшись, отдернул руки. В глазах его вспыхнули злые огоньки. Он весь подобрался, как для прыжка. Такие люди, как Нестер, хотя и не скрывают, что любят деньги, но попробуй скажи им об этом прямо в глаза, да еще при людях — обидятся кровно... Полушкин редко терял самообладание, а здесь вдруг одолела его злость. Ох, как он ее долго вынашивал в сердце — эту злость на людей, на все, что окружало его. Захотелось хоть чем-то отомстить им...

— Что же, пусть буду я стяжателем и подлецом,— подбородок у Полушкина вздрагивал.— Но, может быть, ты ответишь рабочим, как ты мне делал приписки... За такое дело сейчас под суд — и баста.— Нестер хлопнул ладонью по коленке, встретился с глазами Волошина — и понял, дал промашку, не надо было так... «А-а, черт!»— Нестер даже крякнул и поспешил залезть в кабину трактора. Он слышал, как неодобрительный шепоток пронесся среди рабочих, увидел, как Волошин опустил голову и, круто повернувшись, зашагал вниз по волоку.

И никто Волошина не окликнул, не остановил.

Волошин брел, не разбирая дороги. Слепо пересек площадку верхнего склада. До слуха, как и прежде, доносилось жужжание мотопил, перестук топоров. Каждой жилкой чувствовал старый мастер свою вину, знал, что говорят и думают о нем рабочие: старейший мастер, участок которого многие годы является передовым, пошел на такой позорный шаг.

Волошина многие знали еще с тех пор, когда он работал на конно-ледяных дорогах; как, рискуя собственной жизнью, кинулся под падающее дерево, чтобы спасти жизнь неопытному вальщику... А почетные грамоты? А фотографии в газетах? Все это теперь замарано. Замараны безупречно проработанные годы, авторитет — все, чем так дорожил и гордился старый мастер.

Волошин и не заметил, как очутился возле обогревательной будки. Точно желая скрыться от людских глаз, он поспешил войти в будку. Тяжело опустился на низенькую лавку, подпер руками седеющую голову, бессмысленно уставился на замызганный пол. Сегодня же о его позоре узнают все жители поселка, дойдет до директора леспромхоза, до райкома партии... А что потом?

Скрипнула отворяемая дверь. В будку боком протиснулся густобровый раскряжевщик Иван Прокофьевич Вязов, секретарь партийной группы лесоучастка. Молча сел рядом с мастером. Пошарил по карманам.

— Табачку, Илья, не одолжишь, дома кисет забыл...

Закурил, помолчал.

— Верно сказал Полушкин или оклеветал? — напрямик спросил Вязов.

Волошин засопел. Ему на мгновение пришла в голову мысль сказать, что Нестер его оклеветал. «Ведь сказал в горячке, сейчас, наверное, и сам жалеет. Тогда все станет на свои места. Только все ли?»

— Да, я однажды приписал ему,— не поднимая головы ответил Илья. Он смотрел в пол, но видел отчего-то лицо Полушкина. Откуда он вообще взялся, этот Полушкин?

Сестра жены жила на Украине. После смерти мужа у нее осталось четверо детей. Трудно. К тому же Анна была уже не первой молодости. И вдруг Волошины получают письмо.

«Я вышла замуж, — сообщала Анна. — Он старше меня на одиннадцать лет, работает в колхозе трактористом, не пьет, не курит, бережливый. Напишите, можно ли будет Нестеру, так зовут моего теперешнего мужа, устроиться у вас трактористом. Как узнал, что ты замужем за мастером, так и заладил — хочу в лесу работать. Вы уж сообщите все как есть...»

Посоветовались Волошины и решили пригласить их на свой лесопункт. Осенью Анна с детьми и мужем приехала к ним. Илья взял Нестера трактористом на свой подучасток.

Осенью, в период подготовительных работ к зимним лесозаготовкам, заработки были невелики, но вполне достаточны для семьи Полушкина. Но Нестер, как он выражался, «не затем столько верст киселя хлебал, что-

бы не завести сберкнижки». Познакомившись ближе со свояком, он сперва намеками, а потом и в открытую попросил Илью по закрытии нарядов приписать ему.

Волошин наотрез отказался. Из личных сбережений дал Полушкину две тысячи рублей. «Не тороплю, когда-нибудь отдашь», — сказал он. Нестер взял. На следующее воскресенье поехал в районный центр якобы купить детишкам обувь, жене пальто. Возвратился в кожушке. А дети? А Анна, у которой на зиму была единственная фуфайка?

«Сделай, Илья, ну, чего тебе стоит?» — снова надоедал Полушкин. «Отстань!» — хмурился Волошин и, не сдержавшись, выставил однажды свояка за дверь. «Брошу Анну и ее щенят и уеду!» — грозился тот с улицы.

«Скатертью дорога, — отвечал Илья. — Не чужие, поможем ей детей вырастить...»

Спустя час к Волошиным, обливаясь слезами, прибежала Анна, закатила истерику, повешусь, мол, если Нестер уедет. Не могу жить без него!..

Долго мучила Илью совесть. Но видел, что семья Анны может развалиться, а глупая баба, чего доброго, наложит на себя руки — сдался, завысил однажды норму выработки трактористу Полушкину. А сколько потом перестрадал, сколько выкурил махорки, один он знал...

— Да-а, дела! — протянул Вязов, пораженный рассказом мастера.

— Вот так! — хлопнул ладошками по коленкам Волошин.— Я виноват, мне и ответ держать!..

— Думаешь, спина широкая, выдержишь,— почему-то зло обронил Иван Прокофьевич.— Расхлебывать придется всем... Смалодушничал, Илья! По головке, конечно, за такие дела не погладят, но и пятнать рабочую честь из-за какого-то проходимца не дадим...

Вязов ушел.

Мастера до окончания смены так больше и не видели ни на верхнем складе, ни на лесосеках. Когда подошел за рабочими автобус, послали за Ильей в будку. Там его не оказалось. Кто-то высказал предположение, что он пешком отправился в поселок.

Солнце уже висело над притихшими сопками. Ни ветерка, ни стука топоров.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Платон оперся локтями о жесткую скамью. Дьявольская тряска, кажется, выворачивала все внутренности. «А ей хоть бы что, — скосил он глаза на свою попутчицу.— Сидит, как мумия». Чемодан Корешова то и дело выскакивал из-под скамьи. Платон водворял его на место ногой. На ногах у него все те же кирзовые сапоги, на ногах попутчицы — лакированные туфли. «У той тоже были лакировки»,— вспомнил Платон. И пустячный случай, а запомнился. В увольнение они ходили в город. На танцах он пригласил девушку. Она смерила его взглядом с ног до головы, остановилась на его кирзовых сапогах — и отказала... С тех пор у Корешова пропал всякий интерес к танцам, и все из-за этих дьявольских сапог...

Чахлые деревца болот сменились диким переплетением бурелома, густыми зарослями ельника и пихтача. «Вот он каков край родительский,— во все глаза смотрел Корешов.— Тайга...» — Он не видел деда, даже на фотокарточках. В семье избегали о нем говорить, как избегают говорить о чем-то очень плохом... Мать както обмолвилась, что, когда они переехали в город, отца не хотели прописывать, долго не давали квартиры...

Показалась река и просевший мост. Там постукивали топоры. Впереди и позади моста знаки, запрещающие проезд. Машина остановилась. Почти одновременно хлопнули дверцы кабины. По правую сторону соскочил на землю щуплый подвижной шофер в куцей кожанке. По левую — грузный мужчина в шуршащем плаще. Вытирая потное лицо, задрал голову.

— Не растрясло, Маргарита Ильинична? — Он причмокнул полными губами, словно посылал девушке воздушный поцелуй.

Платон не слушал, о чем они говорили дальше. Он наблюдал за шофером, который вытанцовывал на пологом илистом берегу. Шофер, видимо, не решался гнать машину через речушку — уж очень норовистым было течение. Возвратился к машине, дернул за козырек кепки.

— Эх, была не была! — притопнул он ногой.

— Зальет свечи, пропали,— как бы между прочим заметил Платон.

— А вы не из храброго десятка,— подала из своего угла голос девушка.

Платон промолчал. Машина, легко пробежав десяток метров, отделявшие автостраду от берега, с разгона ухнула передними колесами в воду. Капли залетели в кузов, бороздками изрисовали пыльный верх кабины. Глухое похрустывание гальки под колесами, шум ударяющейся о них воды заглушались надрывным воем двигателя. Доехали почти до середины реки, машина вдруг нырнула передними колесами в вымоину, мотор чихнул и заглох. Вода перекатывалась почти через капот. В наступившей тишине отчетливо раздалась крепкая брань шофера.

Плотники, что работали на мосту, побросали топоры, облокотились о перила. Им, видно, крепко наскучило работать молчком, теперь представился случай поглазеть на машину и позубоскалить.

Дверца машины приоткрылась. Натужась, через борт перевалился грузный мужчина. Снял сапоги, вылил из них воду. И все это он проделывал молча, только нижняя губа обидчиво отвисла пельменем. За ним в кузов вскочил шофер. Попросил у Платона папироску — свои размокли. Пустив дым, упавшим голосом сказал:

— Приехали! Можно загорать...

Нижняя губа-пельмень у мужчины в плаще отвисла еще ниже. Выжав портянки, он развесил их на борту и вообще расположился в кузове по-хозяйски, словно намереваясь здесь заночевать.

«Храбрая мне еще нашлась,— косился Платон на девушку. — Посмотрим, что сейчас запоешь, Маргарита Ильинична!»

Помолчали. Лезть в воду, добираться до берега никому не хотелось — купальный сезон миновал, тем более здесь, в горных речках, где вода дышит мертвецким холодом.

— Надо было правее, правее! — кричали на мосту плотники.

— А, идите вы!.. — зло отмахнулся шофер, щелчком отправил за борт недокуренную папиросу. — Советчики!.. — Течение подхватило окурок, завертело его и по-

несло к мосту. Все четверо проводили окурок задумчивыми глазами.

У девушки полоскались на ветру концы прозрачного нейлонового платка. Лицо у нее было не то смуглое, не то загорелое, нос прямой. «Ничего, красивая»,— отметил про себя Платон.

— Солдат спит, служба идет, — решил пошутить он, но шофер взбеленился.

— Тебе что, а у меня план, понимаешь, план!.. Высажу вот к чертовой бабушке, если не торопишься!..

Откуда-то издалека послышалось тарахтение.

— Машина с той стороны идет! — вскинулся шофер, забегал по кузову.

Пропылив по дороге, из-за реки к мосту подошла машина.

— Степка, эй, Степка, выручай! — сложив ладони рупором, закричал шофер.— Загораем...

Степка, водитель подошедшей машины, оскалил зубы.

— Позагорай, может, поумнеешь! Правее нужно было... Трос есть? Конец давай.

Шофер вопросительно посмотрел на мужчину в плаще; тот виновато потупился и буркнул:

— Года не те...

Скользнул взглядом по девушке и остановился на Корешове.

— Ладно, давай конец,— без лишних слов понял его Платон.— А то и верно высадишь еще...

Не спеша стащил гимнастерку, аккуратно, по-солдатски,— за плечи, рукавами внутрь,— сложил ее на скамье, стянул сапоги. Когда снимал шаровары, девушка отвернулась. «Тоже мне стыдливая,— ухмыльнулся Платон.— Людей в трусах никогда не видела, что ли...»

Мужчина в плаще хлопотал возле Корешова.

— Ничего, молодой, кровь горячая. Я, бывало...

— Ты наискосок бери, наискосок,— советовал шофер.— За крючки здесь я и сам зацеплю. Твое дело один конец троса до берега доставить. Как звать-то тебя? Ну, давай, Платон, руку.

В кузове лежал большой моток троса. Сделали на конце петлю. Платон просунул в нее руку, полез за борт. Вода обожгла тело, перехватило дыхание.

— Ты наискосок, наискосок,— свесившись через борт, наставлял мужчина в плаще. — Я, бывало, в твои годы...

Платон оттолкнулся. Лег на бок. Плыть тяжело — трос мешает. Молотком стучит сердце. Что есть силы Платон подгребает под себя свободной рукой. Позади, над бортом, мелькает лицо девушки. Она теперь не отворачивается, смотрит на парня во все глаза... «Эх!» — Платон дергает на себя трос, делает рывок. Что до того, что холодная вода, надо проплыть эти чертовски длинные метры, пожалуй, самые длинные, которые когда-либо приходилось проплывать парню... Чувствует, еще минута — и выпустит трос, который чугунной тяжестью волочится следом.

Ноги касаются дна. Встал, оступился — камни скользкие, течение быстрое. Но теперь легче, теперь все будет в порядке.

— Давай, давай, браток! — На берегу по колено в воде стоит Степка-шофер. Голос у него дружеский, будто сто лет знакомы.

Вот и берег. Вот и все. Раздувается мехами у парня грудь.

2

Волошин не пошел по главной улице. На окраине поселка он перелез через невысокую изгородь, да так неловко, что жердь надломилась под ним. Путаясь ногами в почерневшей картофельной ботве, огородами побрел к своему дому. Остро пахло отцветшей полынью, огурцами и переспевшим пасленом. Запах укропа щекотал ноздри.

Пешим дотопал сегодня Илья до поселка, не стал дожидаться автобуса. Хоть и крепок был, а сегодня вдруг почувствовал в ногах усталость, неприятно вспотела спина.

Софья Васильевна, жена Волошина, в это время кормила во дворе свиней. Как и ее сестра Анна, она была широка в груди, среднего роста с плавными, неторопливыми движениями. Рита, та больше в отца пошла. Завидев мужа, который брел через огород, неестественно широко переставляя ноги, Софья Васильевна выпрямилась, вгляделась. «Неужто выпил где? — подумала она: — Я тебе покажу, как на рабо-

те выпивать!» — женщина изломала хворостину, пока загнала свиней в загончик перед сараем. — Стыдно идти по улице, вот и поперся через огороды...»

Волошин, не глядя на жену, протиснулся в узкую калитку. Лицо осунулось, посерело.

— Что это с тобой? — не удержалась от вопроса Софья Васильевна. — Захворал, может быть?..

— Отстань! — не поворачивая головы, обронил Илья. Легонько отстранил жену, боком прошел по двору, ссутулясь, медленно поднялся на крыльцо.

Софья Васильевна, терзаемая беспокойством, засеменила вслед за мужем. Теперь-то она видела, что он не пьян. Когда выпивший, он весел, поговорить любит. Женщина терялась в догадках.

Илья, сопя, стащил запыленную куртку, снял сапоги, сел к кухонному столу. Склонил голову, молча скатал хлебный шарик. Софья Васильевна не лезла с вопросами — знала, если тяжелое что на душе, не тронь, сам скажет. Она налила полную миску борща, поставила на стол. Волошин помешал ложкой, зло выдавил:

— Не могла подогреть!

— Да ты же сам велишь холодный подавать!

— Велишь, велишь,— бурчал Илья, нехотя взбалтывая ложкой борщ и глядя поверх миски.— Ритка не приехала еще?

— Должна бы уже. Да в чем дело, что за душу-то тянешь?! Неприятность на работе какая?

— Хуже,— Илья отложил ложку, выпрямился. — Полушкин сегодня при всех объявил, что я приписал ему тогда...

— Боже мой! — ужаснулась Софья Васильевна, схватилась ладонями за щеки. Ноги ослабли враз, села на табуретку.— Боже мой! —несколько раз повторила она, все еще не придя в себя.— Да что же это он, а?! — женщина понимала, что доля вины и на ней лежит. Разве не она уверила мужа, что несладко придется ее сестре, если Нестер бросит ее с детьми. Тогда от жалости к Анне не просыхали глаза.— Илюша, может, я сбегаю в магазин, поллитровку возьму, сходим к ним, Нестер откажется от своих слов...

Совсем поглупела женщина, потеряла голову, лучше бы ей и не говорить такого.

— Не смей! — Волошин впервые за их совместную жизнь так хватил кулаком по столу, что подпрыгнула миска, расплескался по клеенке борщ.— Не хватало унижаться перед сволочью... Я виноват и баста! — Прошел в спальню, прилег на кровать. Софья Васильевна всхлипывала. — Слышь, мать, — позвал Илья, — ты покамест Ритке ни слова...

3

Мужчина в плаще уступил свое место в кабине. Платон было геройски отказывался, но потом согласился. Просиженное сиденье при встрясках мяукало, как кошка в марте. От железного полика тянуло теплом, наседал сон. Яркий пучок света от фар раздвигал темноту ночи, шарил по придорожным кустам, казавшимся какими-то неестественными...

Шофер оказался компанейским парнем. Он безумолку рассказывал анекдоты и сам же над ними смеялся. Платон слушал его и не слушал. Маруся, город, армия — все это осталось позади. Спидометр отсчитывал новые километры, все ближе и ближе поселок Тананхеза. «Интересно, сохранился ли дом, в котором жили дед или отец», — размышлял Платон. Виктору Сорокину, с которым они подружились в армии и который был уроженцем этих мест, Корешов ничего не говорил о деде и об отце... Если не деда, то отца наверняка хорошо знали старожилы.

Платона прижало к дверце. Машина сделала крутой поворот. Впереди он увидел бревенчатую стену дома и не сразу сообразил, откуда она взялась здесь. Но когда забелели стены других домов, понял — въехали в поселок. Под ветром раскачивались на столбах лампочки, рисуя на земле причудливые тени. Машина снова повернула. На этот раз перед ней выросли высокие железные ворота, справа маленькое гнездышко сторожки. На воротах красное полотнище лозунга: «Товарищи механизаторы, не допускайте простоев механизмов, используйте их на полную мощность!»

— Вот мы и приехали! — весело подмигнул шофер. — Может, у меня переночуешь?

— Спасибо,— продрал сонные глаза Платон. — Дружок должен знать, я ему телеграфировал. — Так

не хотелось вставать с насиженного места, идти в ночь, разыскивать дом Сорокиных.

— Как знаешь,— шофер открыл дверцу,— Маргарита Ильинична,— позвал он девушку,— вам по пути, покажите Платону сорокинский дом.

— Пусть догоняет, — сказала та и ускорила шаг.

Платон едва поспевал за ней. В потемках часто спотыкался о торчащие из-под земли не то корни, не то доски, аллах их разберет. Да и сама улочка, как новорожденный котенок, подслеповато тыкалась то в один, то в другой плетень огорода. Корешов даже угодил ногой в лужу, благо солдатские сапоги — пылевлагонепроницаемые.

Попутчица, вероятно, торопилась домой. Она ни разу не оглянулась на Платона, только однажды поинтересовалась, кем приходятся ему Сорокины.

Платон, которому осточертело ее молчание, добрых пять минут объяснял, что с Виктором они сослуживцы, что до призыва в армию Платон работал в порту, сейчас намерен здесь потрудиться...

— Вам сюда,— обрывая его, показала девушка на калитку, с которой они только что поравнялись. — До свидания.

— Подождите,— окликнул Платон.— Может, завтра встретимся?

— Обязательно... в конторе. Я вам технику безопасности преподам.

«Тоже мне, преподаватель нашелся, — он зло толкнул калитку. — Только бы пса не было, не то штаны спустит».

Сени темные и оттого кажутся тесными. «Ну и ну, что за порядки у них, — удивился Платон, — спят и сени открытыми оставили...» Но где же дверь в дом? — пошарил в карманах спички, не нашел, наверное, обронил в машине. Пришлось вытянуть руки, идти на ощупь. Сердце вдруг так и ушло в пятки — с гвоздя сорвалось коромысло, гремя крючками, плюхнулось сперва ему на плечо, потом на пол. Шум получился необыкновенный. Скрипнула отворяемая дверь.

— Кого здесь черти носят?! — На пороге вырос бородатый рослый старик в кальсонах и накинутом на плечи ватнике. — Кто таков? — вопросительно уставился он на Платона.

— Я к вам,— Платон еще не пришел в себя.— Корешов я, телеграфировал Витьке...

— А-а, так бы и говорил сразу. Проходи, Витька уже дрыхнет... — Он почесал в бороде, зевнул и прошлепал в комнату. До Платона донеслось: — Витька, вставай, дружок твой приехал...

— Да ну! — из комнаты выскочил заспанный, с всклокоченными волосами Виктор. Приплясывая на одной ноге, он второй никак не мог попасть в штанину.

— Это ты здорово сделал, что приехал! — Виктор почти на голову ниже Платона, но в плечах широк, мускулист, в движениях порывист. У него такой же, как у Василия Коржина, шишковатый лоб и сросшиеся на переносице брови.— Я тебя еще вчера ждал, батя даже кровать раздобыл... Перекуси и спать.

Однако заснуть они долго не могли. Вспомнили армию, сослуживцев.

— А у нас здесь такое заварилось,— сказал Виктор. — Наш лучший мастер и вдруг припиской занимался...

— Какой же он лучший, если припиской занимается?

— Именно, что лучший! — горячился Виктор.— Не знаешь и не говори!...

— Ладно, молчу, как рыба.

— Как разыскал наш дом?

— Провожатая нашлась. Ничего, симпатичная, можно влюбиться, — Платон зевнул. — Маргаритой Ильиничной один там называл ее...

— Да это же наш технорук! — приподнял от подушки голову Виктор. — Кстати, она дочь тому мастеру...

— Фью! — Платон даже присвистнул. «Час от часу не легче,— подумал он, засыпая.— Влип, значит».

Когда Корешов проснулся, Виктора уже не было дома. На столе лежала записка. «Отдыхай. Посмотри наш поселок. Приду — поговорим насчет твоей работы».

В квартире Сорокиных уютно, чисто. У печи хлопочет мать Виктора, полная, низенького роста женщина. Она назвалась Ниной Григорьевной и сразу же расположила к себе Платона своей непосредственностью в обращении, так свойственной простым людям.

Вошел сам хозяин. От него пахло смолистыми стружками — он, вероятно, столярничал во дворе.

— А-а, солдат! — протянул хозяин, щупая парня зоркими охотничьими глазами. — Ничего, гвардия! Ну, давай знакомиться.

— Корешов, говоришь? Так-так! — старик еще раз посмотрел на Платона сверху вниз, будто что-то припоминая. — Давай за стол, будем завтракать.

Нина Григорьевна принесла кувшин медовухи, хмельной, пенистой. Выпили. Молча стали закусывать солеными, хрустящими огурцами.

— Небось, таких не едал? — Поликарп Данилович пальцами расчесал бороду, выпятил грудь.— То-то! Вы, городские, все по базарам шастаете. Вас спекулянты пока что на поводку держат... — После трех кружек медовухи старик разговорился. — Фамилия твоя напомнила мне одних здесь. Жили когда-то...

— Ну и что? — не вытерпел Платон.

— А то, что Панас Корешов будто к бандитам переметнулся... Запутанная эта история и давняя... — Старик задумался. — Давай еще по кружечке, что ли, — наконец, вымолвил он.

После завтрака Платон отправился знакомиться с поселком лесорубов. Поселок, зажатый с востока и запада высокими сопками, дремотно лежал в узкой, как девичья ладонь, пади. Он делился как бы на два поселка — новый и старый. Последний отличался почерневшими от времени рублеными избами. Как рассказывал Поликарп Данилович, здесь некогда было село... Здесь, наверное, и жили Корешовы? Здесь. Платон оглянулся по сторонам. Избы одни меньше, другие больше, но в какой? У Платона вдруг не хватило смелости спросить. Он даже и старику Сорокину не признался, что Панас Корешов — его родной дед. Хоть и было это давно и вся история с дедом для Платона сейчас музейная реликвия, но что-то его удерживало открыться!.. И настроение вдруг испортилось. Возможно, оттого и поселок лесорубов показался Платону уж очень маленьким и неблагоустроенным.

Прямо на тесных улицах, задрав кверху щупальца корней, лежали пни. Сами улицы были разбиты колесами машин, изжеваны гусеницами тракторов.

Сопки, клочок выцветшего неба, маленькие домики и кружевные столбцы дымков над ними — вот та картина, которая предстала перед Корешовым. Оживляла

этот скучный пейзаж разве только река, по берегу которой долго бродил Платон. «Баста, не буду ломать голову, думать о деде», — решил он. Выбрал плоский камень и, размахнувшись, бросил его на ту сторону речки.

К Сорокиным он возвратился под вечер. Виктор только что приехал с работы, умывался.

— Завтра в леспромхоз еду за трактором,— радостно сообщил он. — Уже есть распоряжение, чтобы комплектовал бригаду... Вот и тебя возьму...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Леонид Павлович молчал. Счетовод Наденька знала, что если Леонид Павлович молчит, значит, он не в духе. Но сегодня в конторе лесоучастка служащие вообще разговаривали шепотом. И не потому, что Наумов был не в духе — всех одинаково потрясла весть о приписках Волошина. Как свое кровное, переживала по этому поводу всегда такая хохотушка Наденька — веснушчатая, тонкая, как лозинка, белокурая девушка. Она даже старалась тише стучать костяшками счетов. Бухгалтер, седоусый лысеющий мужчина, тоже отставил арифмометр и склонился над клочком бумаги. Когда Наденька нечаянно заглянула к тому через плечо, то к своему изумлению увидела: главбух рисует каких-то чертиков. Они были такие смешные — с хвостиками, ну, совсем как мышата. Наденька, будь это в другое время, не удержалась бы, наверное, чтобы не засмеяться...

Зашла Рита составлять авансовый отчет. Наденька, боясь встретиться с ней глазами, еще ниже склонила свою белокурую головку. Она слышала, как бухгалтер почтительно разговаривает с Волошиной и всё время покашливает в ладошку. Возможно, он всегда так разговаривал с техноруком, но сегодня Наденьке казалось, что бухгалтер переигрывает. У девушки краска залила лицо, даже веснушек не стало видно... Наденька вздрогнула, когда из-за дощатой перегородки раздался голос начальника лесоучастка.

— Маргарита Ильинична, зайди ко мне.

Леонид Павлович, несмотря на теплую погоду, был одет в кургузый ватник. Он ему тесен — и Наумов то и дело поводит плечами.

— Ну, что привезла, выкладывай? — Наумов грудью навалился на стол, отвел в сторону глаза.

— Ничего определенного. Цветочкина не было, разговаривала с главным инженером. Он сказал, изучим, подумаем...

Леонид Павлович, словно заранее знавший об этом, понимающе кивнул. Собственно, проект Волошиной перевести лесоучасток только на зимнюю вывозку он не вполне одобрял. Как старый руководитель, опытный практик, он понимал, что технорук в какой-то мере права, но, с другой стороны, ломать то, что устоялось с годами, просто не поднималась рука. Да и года не те, чтобы суетиться, чего-то выискивать и, закатав рукава, внедрять новую технологию. Глядя на Риту, Наумов думал: «Знает или не знает она об отце? Не лучше ли сейчас сказать об этом?»

Леонид Павлович шумно потянул носом, заерзал на стуле. Нет, пусть она узнает только не от него.

— Да-а, город наш растет,— мечтательно заговорил Наумов, чтобы как-то отвлечься от неприятных размышлений. О городе он всегда отзывался в таком тоне, будто бы только и мечтал, как вырваться из этой дыры. Но ничего подобного и в мыслях никогда не было у него. Родился и вырос Леонид Павлович в тайге, в городе бывал не иначе, как по служебным делам. Даже отпуск он проводил здесь же, в поселке...

Рите не понравилось, что начальник участка перевел разговор на другую тему. Ей только о своем проекте и хотелось говорить. Ей казалось, что и другие должны быть не меньше ее самой заинтересованы в нем. Но люди слушали, поддакивали, а практически никто и пальцем не пошевелил. И все-таки после разговора с главным инженером управления появилась какая-то надежда.

Поскрипывая портупеей, в кабинет вошел лейтенант милиции Коробушкин. Участкового Рита недолюбливала за въедливость и за дурную манеру — разговаривая, исподлобья смотреть прямо в глаза собеседнику. Можно подумать, что он всегда и всех в чем-то подозревал. Того и смотри скажет: «Прошу следовать за мной».

В кабинете у Наумова Коробушкин чувствовал себя, как дома — нога на ногу, тон начальственный, надо и не надо роется в планшетке.

Рита хотела уйти, но потом вспомнила, что надо поговорить с Наумовым по поводу Медвежьей сопки. Как ни велико было желание вести там вырубку, но, пока не подсохнет земля, лучше воздержаться. Перед самым отъездом они поспорили с отцом. Он даже накричал тогда на дочь, ты, мол, зелена и ничего не понимаешь... И, пожалуй, один из всех на лесоучастке открыто высказывался против ее проекта. Он считал, что сезонность морально устарела.

Коробушкин остановил свой взгляд на Волошиной, достал из планшетки аккуратно сложенный листок, вырванный из ученической тетради.

— Здесь у меня список,— он перевел взгляд на Наумова,— у кого в соседнем колхозе имеются пилы «Дружба»... Да-а, — Коробушкин причмокнул губами, снова уставясь на Риту. — Что же это получается, а?

Леонид Павлович кашлянул в ладошку, приложил палец к губам. Но Коробушкин то ли не видел, или не понял, что означают эти знаки, невозмутимо продолжал:

— Дочь комсомолка, руководитель, а такое в отце проглядела... А, может быть, вы тоже того?... — участковый растопырил пальцы, выпучил глаза.

— Чего «того»? — с вызовом спросила Рита. — Я вам не девчонка, чтобы со мной так разговаривать. И вообще, что за тон?! При чем здесь отец?

— А вы что, с неба свалились? — удивленно поднял брови Коробушкин. — Весь поселок только и говорит об этом...

— Минутку, — не выдержал Наумов. Ему подумалось, что пусть уж лучше он расскажет Волошиной о случившемся.— Видите ли, Маргарита Ильинична. — Леонид Павлович старался смягчить всю эту неприятную историю. — Тракторист Полушкин распустил слух, будто бы ваш отец однажды сделал ему приписку... Нам, мне лично, — поправился он, — не известны мотивы, побудившие Илью Филипповича пойти на подобный шаг. И вообще... — Наумов развел руками. — Пока ничего не ясно. И вы, Маргарита Ильинична, не расстраивайтесь. Давайте-ка о делах поговорим...

Рита слегка побледнела. В сознании никак не укладывалось — отец и приписки. Да еще кому? Она знала, что отец терпеть не может Полушкина. Да Полушкин просто оклеветал отца. Эти размышления хотя несколько и успокоили ее, но на сердце стало тревожно, настроение вконец испортилось. Надо было встать и уйти, но встать не хватило сил.

— И комсомол здесь, товарищ Коробушкин, совсем ни при чем, — медленно выговорила Рита.

— Вы извините, товарищ Коробушкин, у нас с Маргаритой Ильиничной неотложные дела, — нашелся Леонид Павлович.

Участковый нехотя поднялся со стула.

— Хорошо, я зайду попозже,— и, громко стуча тяжелыми сапогами, покинул кабинет.

Когда затихли его шаги, Наумов как ни в чем не бывало заговорил о том, что надо отводить лесосеки и что на сопке Медвежьей все-таки необходимо вести рубку, иначе можно провалить квартальный план. Конечно, об этом можно было бы поговорить в другой раз, но возвращаться к разговору о приписке ему совершенно не хотелось.

Только очутившись на улице, Рита вспомнила, что утром мать была чем-то расстроена, а отец даже не поинтересовался, привезла ли она трубочного табаку в пачках, который он заказывал ей купить в городе...

С нижнего склада в лес шел лесовоз. Рита остановила его, хотя еще не совсем решила, зачем, собственно, поедет на лесосеку. «Нет, нет, сегодня же, сейчас надо повидать отца», — с силой захлопнула она дверцу.

2

Старик Сорокин еще по весне собирался посетить Арсеньевский перевал. Перевал этот расположен на границе двух таежных районов. И влекла туда Поликарпа Даниловича не охотничья страсть, не корень женьшень, а нечто более таинственное. Так, по крайней мере, думал он.

Дело в том, что прошлой осенью, охотничая в тех глухих, необжитых местах, набрел на странную землянку. Она густо поросла чертополохом, волчьей ягодой. Отсюда Поликарп Данилович заключил, что зем-

лянка эта давняя. Но не этим привлекла она внимание старика Сорокина — мало ли ему за свою жизнь приходилось сталкиваться в тайге с древними, полуобвалившимися землянками, построенными то ли китайцами-корневщиками, то ли партизанами...

Когда Поликарп Данилович нашел вход, он был поражен: вход завален землей, лишь на два-три вершка выглядывала дверь, обитая листовым железом. Ко всему прочему у входа росли еще два дуба. Нечего было и помышлять, чтобы с одним охотничьим ножом открыть дверь. Так ни с чем и возвратился домой Поликарп Данилович. Снова побывать у землянки в том году ему не пришлось: пошли снега, ударили морозы, завьюжила, закружила зима. Всю зиму не выходила из головы Поликарпа Даниловича эта странная землянка. Никому до поры до времени не говорил он о ней, ждал удобного случая перетолковать с сыном. Но Витька, как ошалелый, зачастил к Сашеньке Вязовой. Каждый день уезжал на работу невыспавшийся. Но однажды Поликарп Данилович все-таки рассказал тому о землянке, агитировал вместе отправиться к ней. А Витька, надо же, набрался наглости рассмеяться в глаза — чепуха, батя, делать вам нечего, вот и фантазируете... Так вот прямо, кобель этакий, и сказал — «фантазируете». Поликарп Данилович крепко осерчал на Витьку, но с тех пор о землянке ни гу-гу. Другим тем более не расскажешь, раз собственный сын и тот гогочет...

— Тьфу ты, пропасть! — Поликарп Данилович с досады швырнул топорище под плетень — сегодня работа так и валилась из рук. И не в землянке дело — дошли слухи о Волошине и до него. Правда, с Ильей они большими друзьями не были, как-никак помоложе его Волошин, но не один год работали вместе в Березовом ключе...

Поликарп Данилович встал с чурбака, отряхнул с коленок кучерявые стружки, позвал жену:

— Нина, погладь-ка мне штаны и рубашку.

— Праздник какой? — отозвалась из летней кухни Нина Григорьевна.

— А что, разве только по праздникам глаженые штаны носят?! — вскипел Поликарп Данилович. — Сказано гладь, значит, надо!

Однако Поликарп Данилович и сам не отдавал себе ясного отчета, зачем ему понадобились глаженые брюки и рубашка. Но ему отчего-то казалось, что начинать надо именно с этого. Когда через час он шагал через свой двор, у него уже созрело определенное решение — первым долгом сходить в контору, узнать, не будет ли сегодня партийного собрания. Ведь кто как не коммунисты первыми спросят с Волошина. Еще бы лучше встретиться сейчас с секретарем партийной группы Иваном Прокофьевичем Вязовым. Но Вязов сейчас на работе, с ним можно встретиться только вечером.

Поликарп Данилович у конторы столкнулся с участковым.

Коробушкин остановил на нем желтые глаза.

— Слыхали, Поликарп Данилович, как неприлично сорвался Волошин. Такой почтенный человек и того...

— Чего «того?» — напыжился старик.— Не говори гоп, пока не перепрыгнешь.

— Удивительный вы народ, Поликарп Данилович,— поправил участковый сумку.— Гадаете, когда и так все ясно. Волошин делал незаконные приписки, а значит, крал из государственного кармана. За такие дела надо... И ваш начальник, и Вязов даже готовы выгородить Волошина...

— Выгородить, говоришь? — сразу оживился Поликарп Данилович.— Значит, не так уж плохо! Выгораживать, допустим, его никто и не будет, а разобраться — разберутся и по головке не погладят. А ты с милицейской стороны подходишь — хватай, вяжи, а может, человека и вязать то не надо, он и с развязанными руками не убежит. Надо человеком быть! — значительно заключил старик Сорокин.

— Ладно, ладно,— сердито засопел участковый, поправляя планшетку. — Мудрые вы очень стали, старики. В каждую дырку свой нос суете...

— Я тебе посую, — в свою очередь, осерчал Поликарп Данилович.

— Будет вам, Поликарп Данилович,— примирительно сказал Коробушкин.

— Наумов у себя? — все еще хмурился старик.

— Они с Волошиной делами заняты...

— Пусть себе занимаются.— Поликарп Данилович повернул назад. «Как мальчишка,— ругал он себя, — схватился, побежал, будто и без тебя некому разобраться...» А ведь подобное часто случалось с ним. Если даже на собрание никто не приглашал, Поликарп Данилович шел сам. Сердито двигая бровями, садился в заднем ряду. Сидел смирно, но стоило завязаться спору — не выдерживал, срывался с места... В прошлый раз какой-то желторотый инструктор из райкома обидел Поликарпа Даниловича. «Вы, папаша, — сказал он, — лучше бы помолчали... Пенсии вам мало, что ли?» Хотел пошутить, а вышло ох, как нехорошо. Поликарп Данилович, придя домой, сел строчить на инструктора жалобу в райком, но не дописал, скомкал бумагу и выбросил в печь... Потом взял ружье, припасы, и двое суток бродил по тайге. Много за эти дни передумал он. Пенсия. Старость. Кто-то метко назвал пенсию «аттестатом старости»... «Заряд бы картечи тому в сидячее место, — мысленно бранился Поликарп Данилович. — Тоже мне остряк нашелся... Аттестат старости...»

Домой возвратился Поликарп Данилович в наихудшем настроении. Долго шастал по двору, словно обронил что-то и не мог найти. Подобрал у плетня топорище, повертел его в руках.

— Старый дурак,— ругал он себя,— с сучком выбрал... Ма-ать, а где Платон? Что-то парень ходит будто не в себе...

— Да я уже тоже приметила,— отозвалась Нина Григорьевна. — По городу, видать, скучает. На работу устроится, скучать некогда будет... Сегодня все прошлым села нашего интересовался. Я ему уж порассказала...

Вошел Платон.

— Ну как, гвардия, устроился?

— Завтра на работу.

— Вот и отлично, Корешов... «Корешов,— старик пристально посмотрел на парня, на мгновение задумался, вышел во двор, беззвучно шевеля губами. — Корешов...»

— Мать, а мать?

— Чего тебе?

Поликарп Данилович оглянулся на дверь, что вела в избу, но так ничего и не сказал.

Звяк! Звяк! Звяк! Ну, что, казалось бы, такого, знай себе постукивают цепи о железные стойки прицепа. За все время работы в лесу Рита никогда не думала, что цепи могут стучать так надоедливо. Прямо можно сойти с ума. И дорога совсем никудышная — машину бросает из стороны в сторону, скрипит кабина.

— А, черт! — не обращая внимания на Риту, вполголоса бранится шофер.

«Кажется, зовут его Николаем, — зачем-то старается вспомнить Рита.— А фамилия, фамилия... Он весной приехал на лесопункт, демобилизованный, в колхоз домой не захотел ехать... — Тут же она вспомнила другого паренька в выцветшей солдатской гимнастерке.— Интересно, устроился ли он на работу. Навязчивый, как и все парни. А молодец, в такую ледяную воду полез. Не заболел бы? А этот Николай быстро гонит машину, надо предупредить, чтобы полегче — машины и так чуть ли не каждый день выходят из строя...»

Вместо этого Рита спросила:

— Каким рейсом едете?

— Третьим,— улыбается Николай.

— А по хорошей дороге, ну, скажем, по зимней, сколько бы дали за один день? — Волошина пытается уловить какую-то мысль. Ну да, все ту же.

— Пять, а то и шесть...

— Пять или шесть,— продолжает она размышлять.— Если бы столько же давали другие, то получается солидная кубатура. Годовой план по вывозке вполне можно дать за зимние месяцы и не гонять летом машины, не бить их по этим дорогам...

— Извините, Маргарита Ильинична,— перебивает ее мысли Николай,— слышали мы о вашем предложении. Шоферы между собой говорят, правильно, мол, вы надумали, интересуются, будет такое или нет?

— Допустим, что будет, — Рита в душе обрадовалась, что ее предложением заинтересованы рабочие. — Но ведь летом вам, шоферам, нечем будет заниматься?

— Так уж и нечем. В лесу для всех работы хватит, ну, а месяц какой у машин подшаманим. Зимой как часики будут работать...

«Отлично. Я так и написала в докладной»,— совсем уже повеселела Рита. Машину тряхнуло. Николай сбавил скорость. В нескольких местах дорога, идущая на

верхний склад, постоянно оседала. Клали бревна — не помогло. Возили гравий — бесполезно. И то, и другое одинаково всасывала всепожирающая трясина. Зимой на этих участках дороги нарастала наледь и с ней было ничуть не меньше возни, чем летом с трясиной.

Рите порою становилось невмоготу от всех забот, какие лежали на ее плечах. А, возможно, она просто много на себя берет? Наумову это было только на руку — он все реже стал посещать лесосеки, полностью полагаясь на технорука. «Тебя в институте учили, а я что, — частенько говорил он. — Я практик — и только».

Рита думала обо всем, но только не о предстоящей встрече с отцом. Она понимала, что открытый разговор у них едва ли получится, особенно вне дома. Может быть, и верно, не стоит разговаривать с ним на работе? Не стоит, не стоит... Зачем же надо было так спешно выезжать в лес? Скорее сказалась привычка — в трудную минуту быть на месте, быть на работе.

Миновали последнюю трясину. Николай снова повел машину на большой скорости, и снова Рита подумала, что надо бы одернуть шофера, но так и не сделала этого. Вылезая из кабины, Рита вспомнила, что на ней выходной костюм, и от этого ощутила какую-то скованность.

— Маргарите Ильиничне привет! — высунувшись из кабины автокрана, приветствовал Санька Тынянов. — Осторожно, запачкаетесь, — выкрикнул он, подтягивая хлыст. Если бы Рита появилась на верхнем складе в своем обычном рабочем костюме, тогда бы она для Саньки являлась техноруком, начальником, а так — обыкновенная девушка, к тому же симпатичная, так почему бы и не побалагурить.

Но Рите было не до балагурства. Она окликнула тракториста.

— Откуда трелюете?

— С Медвежьей, — было ей ответом.

«Вот упрямый, — подумала она об отце. — Я же не разрешала начинать вырубки, пока не подсохнет земля. К тому же, надо там загатить промоину. Шею бы только никто не сломал на ней»... — Рита прибавила шаг, надеясь найти отца в обогревательной будке. Там она застала только Машу Сиволапову, бракершу. Маша сказала, что Илья Филиппович на Медвежьей.

Рита решила дождаться попутного трактора, ведь не подниматься же ей по грязному волоку в туфлях. Ничто как будто не говорило, что отец провинился перед коллективом. Рабочие разговаривали с ней, как всегда. Может быть, верно, что Полушкин только оклеветал отца.

Послышалось рокотание трактора. Даже не видя его, Волошина безошибочно определила, кто его вел. Конечно же, Генка Заварухин. Кто, кроме него, на такой скорости трелюет лес...

Трактор, как загнанная лошадь, отдувался частыми выхлопами. Рита вышла ему навстречу. Генка, маячивший в окошке, скрылся в кабине. Двигатель взревел. Пачка хлыстов чудом не развалилась, когда Генка круто повернул машину и резко затормозил.

Рите не очень-то хотелось ехать на лесосеку с Заварухиным, но ничего не оставалось делать. Однако против обыкновения тот был молчалив. Сидел за рычагом управления весь подобравшись...

Илья Филиппович стоял около промоины. После случая с трактором Полушкина Илья решил проверить, насколько прочна гать. Он лично встречал и провожал каждый трактор. Гать была надежной, ездить в объезд теперь просто не имело смысла.

Увидев дочь, Илья не проявил ни радости, ни огорчения. Пряча глаза, сказал:

— Как видишь, можно и с Медвежьей трелевать... — помолчал. — Ты же хотела сегодня отдохнуть с дороги?..

Взгляд Ильи задержался на лакированных туфлях дочери, на сером габардиновом костюме. По тому, как обиженно отвисла у него нижняя губа, Рита поняла, что слухи о приписке верны.

— Что же, трелюйте,— едва сдерживая слезы, выдавила она и, не став дожидаться трактора, в туфлях ступила в грязь, пошла с лесосеки.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Толкались у ворот гаража, ждали, когда подъедет автобус. Платон забежал в сторожку — пить захотелось. В сторожке полумрак, у печи какой-то дед топчет-

ся, пытается в дверцу сучковатое полено запихать, а оно не лезет. Дед ругается. Увидел Платона, сказал:

— А ну, мил-человек, помоги. Выбеги на двор, расколи-ка полено. На топор.

Пришлось Платону помочь деду.

— Ты что, из новеньких? — спросил дед, когда возвратился Платон с расколотым поленом. — Я всех наперечет знаю, а вот тебя впервые вижу.

— Верно, недавно приехал. Демобилизованный я, — пояснил Платон — С Витькой Сорокиным вместе служили. — Он зачерпнул из ведра кружку воды. Вода теплая, кружка бензином пахнет.

— С похмелья, поди? — Деду, как видно, наскучило молчать — всю ночь один коротал, поговорить захотелось. — Звать-то тебя как? Платон Корешов? — Дед Севрюк присел около печки на низенькую скамейку.

— Корешов, — повторил он. — Знакомая фамилия... Да!..

— Чего? — насторожился Платон.

— Так... Был тут у нас один Корешов. Предатель: собаке собачья память...

— Ладно, я пойду! — Платон с такой силой саданул ногой в дверь, что дед даже прикрикнул на него:

— Ты что, взбесился?! Дверь с петель сорвешь!..

— «Опять дед», — выскочив во двор, подумал Платон. Слова сторожа неожиданно больно задели его. И дед вдруг стал для него реальностью. И все, что случилось с ним, будто приблизилось. И впервые Платон с каким-то страхом поймал себя на мысли, что ведь он носит фамилию деда... Значит и позор деда ложится на Платона... Сердце колотилось, как тогда, когда с тросом выскочил из ледяной воды на берег. «Собаке собачья память», — Платон поежился, как от холода, хотя утро было теплым. А что, если узнают в поселке, что я внук деда Корешова? Когда ехал сюда, и в помине таких мыслей не было...

Подкатил автобус.

То, что называлось автобусом, была обыкновенная деревянная будка, поставленная в кузов грузовой автомашины и обшитая снаружи листами фанеры. При движении машины она скрипела всеми четырьмя углами. Скрипела надрывно, плаксиво, точно жалуясь кому-то на свою участь: денно и нощно возить рабочих

из поселка на верхние склады и обратно, спешить за учениками старших классов в ближайшее село. Начальство ее пихало везде: и за кирпичом, и за дровами, и даже за кедровыми шишками. Такая уж участь этой работящей будки, незаметной, неказистой, обхлестанной ветками, обкусанной морозом и зноем.

— Наша будка резиновая,— в шутку отзывались о ней рабочие.

И верно. Казалось, и стоять уже негде, а в будку все лезли и лезли люди. Платона зажали между Виктором и плечистым мужчиной. Платон уперся носом тому в кадык. «Фу, ну и духота!» — старался повернуть голову, а из этой головы не выходил дед. «Чтоб ему ни дна, ни покрышки!» — в сердцах подумал он.

Все были в одинаковых белых парусиновых спецовках. Вчера и Платон получил со склада тужурку, брюки и жесткие брезентовые рукавицы. Теперь он мало чем отличался от других рабочих.

Машина, как видно, тронулась с места — будка издала протяжный скрип, потом скрип стал чаще и громче, людей стало раскачивать из стороны в сторону. Ощущение было такое, точно езда эта никогда не кончится... Наконец качание и скрип прекратились.

— Вылазь! — сразу закричали несколько голосов. Дверцы открылись. В лицо Платону пахнуло свежим утренним воздухом. Из будки, как горох, посыпались рабочие. Кто-то толкнул Корешова в бок, кто-то задел костистым локтем. Под ногами шелестело корье. Платон едва отыскал Виктора. Тот стоял около штабеля леса в окружении трех парней.

— Ну, вот и вся наша бригада! — сказал Сорокин.— Знакомьтесь. — В этих парусиновых спецовках ребята казались все на одно лицо. Даже имена их запомнились не сразу. Кряжистый и хмурый с виду парень, у которого на плече лежала рогатистая бензопила, махнул рукой, вразвалку, первым направился на лесосеку. Двое других — полнолицый и сухощавый — потянулись за ним. Платон и Виктор пошли к тепляку.

— Ребята хорошие,— говорил Виктор. — Вот увидишь. — И добавил: — Нашенские,— словно этим словом дал им окончательное определение. — Мы еще такие дела завернем!.. — Сорокин прищелкнул пальцами. — Ну, чего улыбаешься?

— Да так,— Платон хотел сказать, что рано пока что мечтать о героических подвигах, но промолчал. «Ребята, как ребята,— подумал он.— Ничего в них особенного. А тот, с бензопилой, вообще, кажется, молчун и, наверное, любит поучать...»

Над тайгой занималось ясное утро. А по распадкам, под густым переплетением еловых веток прятались еще предутренние сумеречные тени. Свой переезд Платон воспринимал, как обычное. И люди точно знакомы давным-давно. Может быть, к этому приучила армия. В армии так: перевели тебя в другое отделение, и с первого же дня солдаты — твои товарищи, с которыми ты делишь «все тяготы и лишения службы», ешь из одного котла, на привалах спишь под одной шинелью... И лишь единственное, что иногда заставляло задуматься Корешова,— это мысль: здесь земля отцов... Когда вчера в избе Поликарп Данилович пристально и как-то особенно посмотрел на него, у парня так и екнуло сердце. Нет никакого сомнения, что Корешовых многие, в том числе и Сорокины, знали и помнили в этих краях...

Неожиданно, словно из-под земли, вырос перед ними высокий пожилой мужчина. Взгляд колючий, брови насупленные. Он некоторое время разглядывал Платона.

— Инструктаж по технике безопасности проходил?

Корешов утвердительно кивнул головой. Еще вчера технорук лично проинструктировала его по всем пунктам: опасайся зависших деревьев, не находись вблизи валки, не стой между чокерами при движении трактора... Платон, говоря по правде, почти ничего не запомнил, и вид у него, вероятно, был преглупый: надо же, брякнул тогда о свидании... Но кто знал, что попутчица окажется великим начальством.

В тепляке Волошин предупредил все-таки Виктора:

— Ты своему помощнику втолкуй, что лес — не футбольное поле.

— Да он башковитый, поймет. Платон, лезь в кабину,— позвал он.

Трактор, конечно, Сорокину новый не доверили. Трактор был старенький, залатанный и перелатанный. Но зато, как уверял Виктор, «мотор, что зверь». Этот «зверь» недовольно урчал, покашливал, будто простуженный, в черную выхлопную трубу и рассыпал вокруг какой-то хриплый перестук, но катил по волоку резво.

Еще издалека Платон увидел, как островерхий кедр вздрогнул, покачнулся и скрылся за обступившими его деревьями. Из-за шума двигателя не было слышно, как упавший кедр тяжко ухнул, а надломленная соседка березка откликнулась тонким-претонким скрипом.

— Ух ты! — невольно вырвалось у Платона. Он не то чтобы пожалел красавец кедр, но, когда упал второй, третий, в корешовской душе откликнулась струнка грусти. Однако тут же все это пришлось забыть.

Трактор круто развернулся на левой гусенице. Подмяв под железное, мазутное брюхо сухой валежник, он задним ходом двинулся к поваленным деревьям. В обязанности Корешова входило немногое: помочь сформировать пачку, указать, как лучше подъехать к поваленным деревьям... Однако даже накинуть петлю жесткого стального троса за комель дерева оказалось не так-то просто. Трос соскальзывал, порванные нити тонких и острых, как иголки, проволочек доставали до ладоней даже через парусиновые рукавицы.

— В каждом деле требуется сноровка. Ты вот так, вот так,— поучал Платона напарник, тот самый круглолицый парень, с серыми навыкате глазами. Сам он накидывал петлю не спеша, примеряясь, любил длинно и степенно выражаться. Звали его странно — Тосей.

Второй парень, обрубщик сучьев, был грубоват, заносчив. Он нередко называл Тосю «бабой» и без всякой причины обрушивал на его голову поток отборной брани. Платон даже хотел вступиться за Тосю, но, видя, что тот не обращает на это внимания, промолчал.

Работа была жаркая, особенно когда формировали пачку. Того и гляди, ненароком окажешься под гусеницами трактора, который безжалостно утюжил мелкую поросль. Ладони кровоточили.

— Ничего, мозоли нарастут, тогда ничто их не возьмет, — благодушно заметил Тося. — Через мозоли познается истина...

— Я не белоручка,— грубо оборвал Платон, хотел добавить, что в этой сутолоке где-то обронил рукавицу, но промолчал — назовут еще растяпой.

— Выходить из себя, значит, показывать слабость, — невозмутимо протянул Тося. — Грубость не украшает человека,— он покосился на третьего напарника.

Тот раскрыл было рот, но потом с яростью всадил

топор в смолистый закрученный сук, а Платон откровенно и от души рассмеялся. Ему нравились эти, такие разные по характеру, ребята. И работа начинала нравиться. Пусть были неспокойные времена, пусть деды в чем-то провинились перед народом, но жизнь шла своим чередом...

Лес гудел. С разных концов доносилось урчание тракторов, залихватская трескотня бензопил, дробное постукивание топоров. Падали деревья, и на том месте, где еще вчера хоронилась под ними чахлая травка, бликами играло солнце...

2

Корешов отчего-то видел только эти руки. Они лежали на красной скатерти и были бугристыми и выщербленными. Они чем-то напоминали распластавшиеся для отдыха крылья птицы. Но по мере того, как говорил Наумов, руки эти стали оживать. Сперва едва заметно пришли в движение пальцы. Они начали отбивать мелкую дробь, потом на миг замерли — и собрались в кулак. Иван Вязов приподнял плечи и посмотрел в затихший зал. На лицах у рабочих — живое участие к Волошину. Поговорили, повозмущались, а теперь готовы простить — уж таковы люди. Вот и Наумов больше говорит о заслугах мастера, чем о его вине. Нет, Ивану Вязову такая мягкость не совсем нравится. Конечно, он не имеет права навязывать свое мнение, будь он хоть трижды секретарь партийной организации. Но сейчас и не партийное собрание, — общественный суд.

Правда, и Волошину несладко. Он сидит, как подсудимый, у самой сцены, на табуретке, и Вязову видна его покрасневшая шея и спутанные на затылке волосы. Волошин облокотился на колени, смотрит в пол. Леденеет, наверное, его спина, ведь какой позор ему, гордецу, приходится переносить...

Когда Наумов кончил говорить, в зале одобрительно загудели. Все, кажется, присоединились к мнению начальника лесоучастка — наложить на Волошина «административное взыскание».

Вязов еще раз посмотрел на затылок мастера, потом встал и медленно направился к трибуне. Сапоги его гулко стучали по сцене. Наумов переглянулся со стариком

Сорокиным: что еще надумал Иван, ведь вопрос ясен. Не доходя двух-трех шагов до трибуны, Вязов остановился, как бы нехотя, всем туловищем повернулся к залу и так остался стоять — расставив ноги, полусогнув в локтях руки, большой, нескладный.

Зал насторожился.

Волошин поднял голову, встретился глазами с Иваном и тотчас опустил их.

— Я выскажу на этот счет свое мнение, — выговорил Иван, переступив с ноги на ногу. Заверещали половицы. — Полушкина осудили правильно, но почему так легко простили Волошина!? За его старые заслуги, за авторитет! — Он сделал шаг вперед. Косо падающий свет от электрической лампочки сделал его лицо будто недопроявленным. Остро обозначились скулы и четырехугольный подбородок; в ложбинке между подбородком и сухой, растрескавшейся губой схоронилась тень.

— Волошин, как баба, смалодушничал перед Полушкиным! — рубанул неожиданно ладонью Иван. Ноздри крупного носа затрепетали. — Ишь, испугался, семья разрушится! А на чем, извольте спросить, крепость этой семьи держится? На деньгах! Да никакой крепкой семьи и не было!.. И ты, Анна, не плачь,— обратился Вязов к женщине, сидевшей рядом с женой Волошина в первом ряду. Та тихо, стыдливо всхлипнула в концы побабьи повязанного платка. — Конечно, ни я, ни Волошин тебе мужа не заменим, но и Полушкин тебе не муж... Младшие дети в круглосуточном саде находятся, старшие в интернате живут и учатся. Государство их одевает и кормит... Много ли им муж помогает, а? Об этом-то Волошин должен был знать. А если так, то непонятно, почему он пошел на сделку со своей совестью! Полушкин все деньги, которые зарабатывает, на книжку кладет, а живет на те, что ты зарабатываешь, Анна...

Теперь все головы сидевших в зале были повернуты к Анне. Полушкин на общественный суд не явился, ссылаясь на недомогание. Но едва ли он обрадуется решению общественного суда — ходатайствовать перед народным судом удерживать из зарплаты Полушкина в течение шести месяцев двадцать пять процентов.

Вязов сделал паузу, тоже посмотрел на Анну. В его голове теснились противоречивые мысли. Мог ли он вмешиваться в личную жизнь, выносить ее на обсуждение

людей? И в то же время он чувствовал свою правоту. Вязов не стал произносить последнего слова: придет время, и Анна сама поймет — жить или не жить ей с Полушкиным.

— Мое предложение такое: пусть Волошин возместит государству ущерб, понесет наказание в такой же мере, если не в большей, чем Полушкин. — Иван повернулся медленно и, не спеша, словно каждый шаг ему давался с трудом, возвратился на свое место.

Платон видел, как руки его снова распластались на красной скатерти. Единственное, чего он не заметил, — это пульсирующей жилки на запястье.

— Пр-равильно, Иван! — откуда-то с задних рядов выкрикнул Софа Хабибулин, бригадир сплавщиков. Несмотря на теплую погоду, он носил шапку из заячьего меха. Она служила мишенью для насмешек всего поселка.

— А ты выйди и скажи, чего из угла митингуешь,— постучал по столу карандашом председательствующий Поликарп Данилович Сорокин.

— Батя-то, батя, — толкнул локтем Корешова Виктор. — Будто и взаправду судья...

Но Платона занимали сейчас другие мысли. Он видел, как голова Волошина клонилась все ниже. И ему вдруг стало жалко старого мастера, по-человечески жалко. Ведь дожить до таких лет честно, чисто, иметь такой авторитет и, на тебе, сорваться, предстать перед товарищеским судом. Неужели вот так же сорвался когда-то и его дед, Панас Корешов? Неужели человек не может прожить жизнь без этих срывов, чтобы не споткнуться? Ведь и дед, наверное, был тоже честным, командовал партизанским отрядом, боролся за Советскую власть. Что его заставило перекинуться к бандитам, поступиться своей честью? «Поступиться своей честью»... — Платон не отрывал взгляда от сгорбленной волошинской спины, точно на ней был написан ответ на его вопросы.

— Жалко Волошина,— признался Платон Виктору, стараясь сохранить равновесие на тонкой жердочке, переброшенной через топкое место.

— Чего жалеть, — отозвался Виктор. — Раз заслужил — получай. Легко еще отделался.

— А если бы... — Платон оборвал на полуслове, взмахнул руками, соскользнул с жерди, нога по щиколотку увязла в липкой грязи. — Фу, черт!

— Это тебе не асфальтированные улицы,— рассмеялся Виктор. — Ты о чем хотел сказать?

— Да так,— Платон уже выбрался на сухое место и вытирал сапоги о траву. Он хотел признаться Виктору, но передумал. Странно, но Платон под впечатлением собрания вдруг впервые пожалел деда. Нет, пожалуй, не то слово, не пожалел, а ему хотелось, несмотря ни на что, думать о нем хорошо. Но как можно было так думать, если люди давно вынесли ему свой приговор.

3

Платон заметил, что старик Сорокин как-то странно поглядывал на него. Однажды в субботний вечер, когда Платон и Виктор рано возвратились с работы, он отозвал Корешова в сторону и прямо спросил:

— Не сын ли ты Ивана Корешова?

— Если и сын, то что, из квартиры выгоните? — помрачнел парень.

Старик даже сплюнул.

— Балда! Чего боялся, чего скрывал?

— Я не боялся и не скрывал,— ответил Платон запальчиво. — Что же мне на всех перекрестках теперь кричать, что мой дед предатель! Я просто о нем до приезда сюда и не думал...

— Не думал,— повторил Поликарп Данилович, все еще сердито поглядывая на Корешова. — Такая вы сейчас молодежь пошла, что дедов своих ни в копейку не ставите.

— Мне своим дедом хвалиться нечего.

— Да не обижайся. — Старик положил руки на плечи Платона. — За деда своего вины не принимай.

Старик Сорокин ушел в избу.

— Что это батя с тобой объяснялся? — спросил Виктор. — Его хлебом не корми, а дай мораль почитать...

— Не о том речь. Видишь ли, здесь когда-то жили мой дед и отец... Дед командовал партизанским отрядом, потом председателем волисполкома был, потом, — Платон с шумом потянул в себя воздух,— потом будто бандитом стал...

— Интересно-то как! — восхитился Виктор.

— И только?

— А что еще! Думаешь, в милицию тебя заберут. Признаться, я хоть и вырос здесь, а ни о каком таком Панасе Корешове и не слышал. Да ты брось хандрить! — Виктор в шутку толкнул Платона плечом. — Ну его к дьяволу этого деда, стоит за него нервы портить. Пойдем-ка лучше сегодня на танцы. С девчатами познакомлю...

— Пойдем, — согласился Платон.

Воскресным ранним утром, когда Платон и Виктор еще сладко посапывали в постели, Поликарп Данилович вышел из дому. Небо было густо усыпано звездами. Поликарп Данилович на зрение не жаловался, да и с завязанными глазами нашел бы он тропку. Она начиналась за крайними домами, бежала прочь от поселка, теряясь в зарослях молодого пихтача. За околицу его провожала свора разбуженных псов, недовольно и сонно тявкавших. Потом отстали и они. На сей раз старик Сорокин прихватил с собой остро отточенный топор с коротким походным топорищем. Обильная роса, лежавшая на листьях, брызгала в лицо. Тропа шла вдоль таежного ключа, сипло бурчавшего в темноте. По левую руку тянулись старые поруби. Здесь он с Волошиным работали погонщиками на конно-ледяной дороге... Странно даже и вспомнить — поперечная пила, топор и волокуша — вот и вся тогдашняя техника в лесу.

Поликарп Данилович припомнил себя молодым, и ноги понесли его быстрей. Всю ночь старик Сорокин не спал, ворочался в кровати. Платон живо напомнил ему Панаса Корешова. Странная, запутанная история... Не те времена, чтобы внуков преследовать за то, что совершили когда-то их деды... А все-таки боялся признаться, стыдно, рассуждал старик Сорокин. Да, по закону внуки не отвечают за дедов, а все-таки совесть жжет... Вот возвращусь из тайги, расскажу ему все, что знаю о его деде... А может быть, не стоит? Тут же спрашивал себя Поликарп Данилович. Не стоит новой поросли знать о той трухе, на которой она выросла...

Воспоминания и сомнения. Они бередили душу Поликарпа Даниловича, пока не разомкнулась над тайгой ночь и солнечный свет не обласкал землю. Вместе с

ночью ушли они куда-то за отроги Сихотэ-Алиня и будто ничего такого на белом свете вообще не бывало.

Старые поруби давно остались позади, а старик Сорокин все шагал и шагал без устали, все дальше и дальше углубляясь в тайгу. В сумерках Поликарп Данилович сделал привал, стал готовиться к ночи. Разложил костер, вскипятил чаю. Потом отгреб уголья, набросал на прогретую землю еловых веток, лег и уснул. Во сне он до хрипоты спорил с Иваном Вязовым, что не следовало бы так строго наказывать Волошина...

Утром проснулся с пересохшим горлом, залпом осушил недопитый вчера чай. И скоро снова шагал по тайге, ища на деревьях едва заметные зарубки. По его подсчетам в полдень он должен дойти до Арсеньевского перевала, а там и землянка, которая почти год не давала ему покоя.

4

Платон не успел и ахнуть, как кто-то смазал его по носу. От следующего удара он инстинктивно увернулся и, в свою очередь, сунул кому-то кулаком. Наверное, в лицо. Послышался стон, потом топот убегающего — и все стихло. По-прежнему неподалеку гундосила гармошка и девчата пели грустную, берущую за душу «Рябинушку».

«Вот так знакомство!» — дотронулся до носа Корешов. Постарался восстановить в памяти сегодняшний вечер. Они с Виктором переоделись и пошли за околицу поселка к реке. Здесь некогда был нижний склад — площадка ровная, земля утрамбованная. Местные ребята называли это место «тырлом». Пойти на «тырло» означало пойти на танцы.

Как новому человеку, Платону было странно видеть, что танцуют на земле. Почему не построить танцевальную площадку? Но Виктор заметил по этому поводу: когда естественное превращается в казенное, тогда к нему пропадает прежний интерес... Возможно, он был прав.

Но что же произошло? Вечер был на удивление теплым, тихим, лишь от реки тянуло сыростью да нещадно жалили комары. Около площадки лежали два бревна. Девчата сидели на одном из них, парни на другом. В кругу парней баянист — рассудительный Тося.

Он помахал Платону рукой: присоединяйся, мол, к нам. Потом заиграл вальс. Корешов одернул гимнастерку. Среди девчат он давно заметил Риту Волошину. И ничего-то начальственного в ней сейчас не было — обыкновенная девушка, как и другие. Платон пригласил Риту на вальс. Оказалось, она ему по плечо и танцевала легко. Но Корешов тоже не ударил лицом в грязь — кружился так, словно и не был в кирзовых сапогах.

— А вы здорово тогда трос на берег вытащили, — первой заговорила Рита. — Не простыли?

— Меня и сам дьявол не возьмет, — вдруг расхвастался Платон, притягивая девушку ближе к себе. «Она не такой уж и сухарь», — подумал он.

— А вы все такой же нахальный, — отстранилась Волошина. — Смотрите, могут ноги переломать...

— Пусть попробуют, — петушился Платон, а сам чувствовал, что отвечает глупо.

Кончился танец. На зубах хрустит пыль. Виктор тянет сзади за рукав Корешова.

— Знакомься, Платон, это Саша.

В Сашеньке не было ничего необыкновенного, ничего такого, что бросалось бы в глаза. В действительности она выглядела даже хуже, чем на той фотографии, которой в армии козырял Виктор. Широкое лицо с крупными чертами, широко расставленные глаза, полные, по-детски припухлые губы.

Она сказала, что Платона знает давно еще по письмам, а потом по рассказам Виктора.

— Да и я о вас наслышался немало, — и хотел добавить, что о Сашеньке знала вся рота, и что Виктор чуть ли не всем показывал фотографию, но вовремя прикусил язык.

Тося снова растянул мехи баяна. Платон снова направился к Рите, но сзади на плечо легла чья-то рука. Корешов резко обернулся, встретился с черными озорными глазами парня.

— Давай знакомиться, — без всяких предисловий предложил тот, назвавшись Генкой Заварухиным. — Не слыхал такого?

— Еще бы! О тебе каждый день в газетах пишут!..

— Остряк, как я посмотрю, — хохотнул Генка. — Пой ласточка, пой... Запомни, новенький, к Рите не липни.

— Иди к черту, старенький, — неожиданно обозлился Платон. Отвернулся от парня, решительно зашагал к бревну, где сидела Рита. Но на сей раз она отказала Платону.

Он отошел в сторону. Танцы неожиданно показались ему скучными и неинтересными. «Давал же себе слово больше не ходить на танцы вообще». Уже порядком стемнело. Правда, площадку тускло освещала лампочка, висевшая высоко на столбе. Платон не стал дожидаться Виктора, медленно побрел к поселку.

Вспомнился общественный суд, Рита, которая тогда сидела по правую руку матери. Вспомнился стоявший на сцене Иван Вязов. «Пожалуй, этот Вязов был прав, — подумал Платон. — Но почему не пошла танцевать?» За спиной быстрые шаги. Корешов обернулся и тотчас получил в нос. Дал сдачи. В темноте так и не разобрал кому именно.

«Ну, хорошо же!» — Корешов повернул назад. Танцы как ни в чем не бывало продолжались, пиликал на баяне Тося, на бревне курил Заварухин. «Не он, тогда кто же? — Платон внимательно оглядел лица парней. — Чепуха какая-то!» Дотронулся до носа — болит, значит, не чепуха. Поискал глазами Риту. Ее на площадке не было.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Болотные сапоги с налипшими к подошвам комьями глины стали вдруг невероятно тяжелыми. По капюшону брезентового плаща нудно ударяли мелкие капли дождя, попадая на волошинский нос. Он то и дело вытирал его тыльной стороной ладони, чертыхался, но продолжал измерять волок ровными, тяжелыми шагами. Через несколько метров останавливался, тыкал острием палки в расквасившуюся почву — и снова шел. Галька залегала неглубоко и это радовало Волошина. Два километра дороги от верхнего склада сидели, что называется, в печенках у мастера. Машины здесь без помощи тракторов пройти не могли.

За поворотом Илья наткнулся на лесовоз. Он сидел глубоко в грязи. Около лесовоза — водитель.

— Илья Филиппович, надо трактор, иначе хана, — упавшим голосом сказал он.

— Вижу. Здесь неподалеку бульдозер Марченко, пусть гонит сюда.

Мастер отбросил с головы капюшон — дождь перестал. От земли пахло прелью. Волошин обошел машину, постучал палкой по колесам, присел на пенек, закурил.

После общественного суда, когда его все же оставили на прежней должности, Илья почти не бывал дома. То ли хотел доказать, что оправдает доверие, то ли, чтобы быстрее забыть происшедшее, и дневал и ночевал на верхнем складе...

Илья раскурил трубку. Надрывно урча, подошли еще лесовозы. Шоферы откровенно ругали и дорогу, и погоду, и начальство. И снова подумал Илья о предложении дочери — вывозить лес только по зимним дорогам, а летом заниматься заготовкой, сплавом, ремонтом механизмов и подготовкой к новому сезону. Другое дело, если бы у них был крупный лесоучасток...

Наконец прибыл бульдозер.

— Что, орлы, по самые уши в грязи, — смеялся Марченко.

— Давай, вытягивай. Только осторожней, не выдери передний мост.

— Это мы можем, — тягуче говорил Марченко. — А ну, цепляй, да живо!

Передняя машина так присосалась колесами к грязи, что, казалось, не выдернешь ее оттуда никакими силами. Когда бульдозер дергал, нос машины подпрыгивал. Еще рывок. Басовой струной гудит натянутый трос, колеса робко делают оборот, другой...

— Пошла, пошла! — возбужденно наперебой кричат шоферы, машут Марченко — давай, мол, жми на все педали.

А у Волошина в голове так же медленно, как вращаются колеса у машины, вертятся мысли: «Сделать засыпную дорогу? Пока сделаешь, вырубки уйдут дальше...»

Откуда-то вынырнул Наумов в прорезиненном плаще и в хромовых сапогах. За ним директор леспромхоза Турасов. Никто не заметил, как подкатил директорский «козлик». Турасов сам водил машину, поэтому и

одет он был по-походному: в кепке, короткой кожаной тужурке, синие брюки заправлены в обыкновенные кирзовые сапоги. Турасов всего лишь месяц как принял леспромхоз. До этого он работал в управлении леcдревпрома. Это был подвижной, энергичный человек со светлыми, слегка вьющимися волосами и с удивительно синими глазами. Единственное, что не нравилось в нем Волошину, — это какая-то легкость. Даже тогда, когда Турасов отдавал распоряжение или распекал, делал он это легко, вежливо. То ли дело бывший директор — держался солидно, разговаривал степенно. А этот — не поймешь, шутит или говорит всерьез.

— Буксуем, Илья Филиппович? — Турасов улыбнулся, протянул руку. — Этак далеко не уедем, а? — он кивнул головой на машины. — Что думаете делать? — директор леспромхоза повернулся к Наумову, сощурил глаза.

— Думаем снять верхний слой, — ответил за того Волошин.

— Галька глубоко залегает?

— По-разному, но, в общем, неглубоко, — сказал Илья. Он стоял вполоборота к Турасову, смотрел, как бульдозер рвал из грязи последнюю машину. Не выдержал, погрозил кулаком Марченко.

— Осторожней, черт тебя дери! Машину разорвешь!.. — встретился с взглядом Турасова, виновато кашлянул.

— Читали докладную вашего техорука? — Турасов, будто нарочно не назвал фамилии в присутствии отца. — Вот наглядное доказательство, что летом мы технику гробим. Садитесь в машину, по участку проедем...

В машине он заметил:

— Бульдозер надо было давно пустить на этот участок дороги... Только боюсь, будет ли от этого толк.

— Попробуем, — отозвался Илья.

Машину Турасов вел на повышенной скорости. О предложении Волошиной он больше не заводил разговора, хотя, собственно, и приехал затем, чтобы основательно изучить его на месте. Вчера из управления звонил главный инженер, сказал, что предложение Волошиной интересное, надо только основательно изучить его. На следующей неделе он просил доложить о результатах.

Турасов впервые ознакомился с проектом Волошиной, как только приехал в леспромхоз. Тогда было просто не до него: пока принял леспромхоз, ознакомился с лесопунктами, да мало ли каких дел привалило. Но еще тогда само понятие «сезонность» как-то настроило Турасова против проекта. Сезонность, как утверждали все учебники, морально устарела, а здесь требуют возвращения к ней. Парадокс какой-то! — директор круто повернул баранку, желая объехать встречную машину. «Козлик» нырнул в кювет, подпрыгнул так, что Волошин с заднего сиденья едва не перелетел через головы своих начальников. Машина дернулась, мотор заглох. Турасов весело рассмеялся.

— Ну, кажется, Волошина доказала!.. Как думаете, Илья Филиппович? — и снова директор леспромхоза долго и от души смеялся, глядя на мастера, тершего ушибленный лоб.

Потом все трое выталкивали «козлик», пыхтели, чертыхались и одинаково все с жаром проклинали дорогу и погоду.

Когда машину вытащили, Турасов вытер вспотевший лоб, потом достал из внутреннего кармана записную книжку в сафьяновом переплете, полистал ее.

— Вот смотрите, — ткнул грязным пальцем в листок. — В прошлом году ваш лесопункт вывез двадцать тысяч кубометров древесины, перевыполнил план на полторы тысячи кубометров. В летние месяцы вы вывезли всего шесть с половиной тысяч, тринадцать с половиной тысяч падает на зиму. За лето два трактора вышло из строя, шести машинам потребовалась новая резина... Вот почему себестоимость леса велика. Тогда стоит ли овчинка выделки?

Волошин смотрел поверх головы Турасова, то поднимал, то опускал густые брови, точно удивляясь, как все просто и ясно. Наумов шевелил губами, порываясь что-то сказать.

— Слушаю тебя, Леонид Павлович, — поднял голову директор леспромхоза.

— Видите ли, — поморщил тот лоб, покосился на Волошина. — Летом хотя и немного вывезли, но все-таки вывезли, а зимой случись чего — и того не будет... — развел Наумов руками. — Я-то, конечно, что, я не против...

— Нет уж, Леонид Павлович, вы не виляйте. Если ваш участок переведем на зимнюю вывозку, то за план придется отвечать вам.

Волошин кашлянул. Он знал характер Наумова — всегда решать наполовину. а здесь от него требовали смелого эксперимента.

— Ох, вы знаете, вот здесь, — Леонид Павлович ткнул себя в грудь, — так ноет, так ноет, схватит, особо ночью, и держит, держит...

2

Турасов разыскал Волошину на нижнем складе. Подъезд к штабелям настолько был плох, что пришлось оставить машину на дороге и пойти пешком. Волошина встретила директора леспромхоза сдержанно, даже суховато. «Обиделась, наверное, — подумал Турасов, — за то, что отправил ее в управление с проектом. Но признаться, он и не думал, что она поедет». Турасов внимательнее присмотрелся к Рите. Смуглое лицо, тонкий прямой нос и живые, чуть диковатые глаза. «Настоящая дочь тайги».

«И что уставился», — подумала Рита и, обернувшись к машине, крикнула водителю:

— Ерохов, подтяни еще чуток. Ближе, к штабелю!

— Сколько вам лет, Волошина? — Турасов и сам не понимал, зачем ему понадобилось об этом спрашивать. То ли его поразила деловитость девушки-технорука, то ли вспомнился проект, в котором она высказала такие зрелые и даже в некотором роде смелые мысли: ведь одно только слово «сезонность» подрывало доверие к проекту.

— Это имеет какое-нибудь отношение к делу?! — почти сердито ответила Рита: такие вопросы обычно задают несовершеннолетним, когда замечают, что они хотят казаться взрослыми. Вопрос ее просто обидел.

Возможно, это почувствовал и Турасов — в замешательстве он вдруг сломал тальниковый прут и стал ударять им по голенищу сапога. Потом присел на бревно и попросил сесть Волошину.

— Звонили мне из управления, просили разобраться в вашем проекте... — после неловкого молчания заговорил Турасов.

— И что же, разобрались? — В голосе молодого технорука чувствовался вызов.

«А она строптива», — отметил про себя Турасов и неожиданно резко выговорил Рите:

— Вы что же думали, тяп-ляп и готово! Вот, мол, новый директор какой чиновник, сам не в состоянии был разобраться, послал в управление. Перестраховщик! — Турасов отбросил прутик, встал с бревна и, сунув руки в карманы кожанки, взад-вперед заходил перед Волошиной. На этот раз смутилась Рита: директор угадал ее мысли. Она продолжала сидеть, смотря на директорские сапоги. Они были сплошь заляпаны грязью, крапинки грязи были даже на брюках, небрежно заправленных в голенища.

— Проект ваш интересный, — продолжал звучать над головой Риты турасовский голос. — Но есть в нем и неувязки. Вы хорошо себе представляете, что значит посадить водительский состав на весь летний период на оклад? Пусть вас не обидит это слово, но сезонщина никогда не давала людям стабильных заработков...

Рита хотела что-то возразить, но Турасов и здесь ее поддел:

— Имейте вежливость выслушать до конца. Я понимаю, что это не безвыходное положение и все как-то можно утрясти... Сегодня и вчера я объезжал участки, не все они подходят под технологию, предлагаемую вами.

— Я не за всех, а только за свой говорю, — все же не вытерпела Рита и перебила директора. — Вот шофер Ерохов может на этот счет высказать свое мнение. Народ одобряет идею.

— Если бы народ не одобрял, нам нечего было бы с вами дискуссировать. Я уже разговаривал с шоферами. Но есть и такие, которые сомневаются... — Турасов снова присел на бревно, облокотился на колени и надолго замолчал, наблюдая за разгрузкой машины.

Рите хотелось вновь заговорить о своем проекте, чтобы еще и еще раз доказать целесообразность его внедрения на их лесопункте, но впервые она подумала, что Турасов, пожалуй, сам хорошо разобрался в нем. Рита искоса посмотрела на директора леспромхоза и была немало удивлена тем, что увидела. Турасов сполз с бревна и, сидя на корточках, осторожно пытался снять комок земли с цветка, неизвестно как уцелевшего

Цветок выпрямился.

Турасов, словно почувствовал, что за ним наблюдают, встал, одернул куртку.

— Знаете я сейчас о чем думал?

Рита в голосе директора не уловила тех начальственных ноток, которые только что проскальзывали, когда он говорил о проекте. Наоборот, что-то мягкое, душевное появилось в нем.

— Думал, когда же лесоучастки будут по-настоящему высокоорганизованными хозяйствами. Надо их не мельчить, как это мы сейчас делаем, а укрупнять, строить дороги круглогодового действия, внедрять комплексные линии, чтобы лес, как по конвейеру, шел... Вот вам мой ответ, Маргарита Ильинична, что надо не только за свой участок болеть, надо шире смотреть...— Турасов попробовал дружески улыбнуться. — Если дело требует, и пофантазировать надо. Вот так-то, Маргарита Ильинична,— он словно нарочно два раза подряд назвал молодого технорука не по фамилии, как раньше, а по имени и отчеству.

Рите же вдруг стало неловко, что директор стоит, а она сидит. Рита поднялась с бревна и тут же ойкнула — платье сзади было все в смоле.

— Это я виноват, я вас усадил сюда, — забеспокоился Турасов.

— Ничего, рабочее платье, — отмахнулась Рита.

— Нет, нет, что ж рабочее, вы начальник, опрятность прежде всего...

Рита посмотрела на турасовские сапоги — вот так опрятность. Но Турасов уже тянул ее за руку к своей машине.

— У меня есть бутылка авиационного бензина, я вам ее подарю.

Он действительно вытащил из-под сиденья обещанную бутылку и сунул ее Рите.

— Берите, берите, отличное средство пятна отчищать... Ну, бывайте здоровы, — Турасов посмотрел на часы. — Надо ехать. Сегодня еще партийное собрание...

Машина заурчала и покатила по дороге. Рита растерянно смотрела ей вслед, вертя в руках бутылку с авиационным бензином.

«Если дело требует, и пофантазировать надо», — усмехнулась и медленно пошла в поселок.

3

Поликарп Данилович долго кружил по склону сопки, пока, наконец, не нашел то, что искал. За год землянка почти не изменилась — все так же на ветру шелестели листвой дубы, все так же молчаливой тайной дышала поросшая травой дверь землянки.

Поликарп Данилович с опаской посмотрел на небо, там ветер гнал рваные, быстрые тучи. Они могли принести из-за отрогов ненужный дождь. Надо было спешить. Поликарп Данилович пятерней расчесал бороду, вытащил из-за пояса топор. У входа дубы росли почти касаясь друг друга стволами. Поликарп Данилович частенько поплевывал на ладони, а то и разгибался, чтобы перевести дух — ушла с годами былая сила.

До вечерних сумерек он еле одолел деревья. Дождь прошел стороной, здесь он лишь покрапал. Поликарп Данилович разложил костер, сварил крутой гречневой каши. Поел. А спать не хотелось — в голову лезли всякие мысли... Лишь под самое утро прикорнул Поликарп Данилович, сидя у погасшего костра, а чуть свет снова принялся за работу. Охотничьим ножом, стоя на коленях, отгреб от двери землю, впору дверь открывать, а нет, снова сел отдохнуть, набраться духу. «Что может быть за железной дверью?» — Поликарп Данилович встал, обеими руками, что есть силы, потянул ее на себя. Скрипнули, как колодезный ворот, ржавые петли.

Поликарп Данилович отступил на шаг, постоял некоторое время, всматриваясь в черноту землянки, поправил на поясе охотничий нож, осторожно шагнул внутрь.

В землянке сухо. Из-под ног у Поликарпа Даниловича поднялись с земляного пола мириады пылинок, закружились в косо падающем из дверей дневном свете. Он огляделся. У левой стены на деревянном топчане лежал в истлевшем тряпье человеческий скелет. Пустые глазницы безмолвно взирали в потолок. Поликарп Данилович был не из трусливого десятка, но при виде этого зрелища стало как-то не по себе.

Под топчаном валялись две миски и ложка. Поликарп Данилович поднял ложку, на ручке было что-то нацарапано. Вышел на свет, прочитал: «П. Корешов» — и едва не выронил ее.

— Панас Корешов?!

4

Платон проснулся рано. Во всяком случае раньше, чем обычно. На тумбочке тикали часы, в стекла окон ударяли хлесткие порывы ветра. Стекла пели — дзи-инь! дзи-нь!.. Виктор во сне сладко причмокнул губами. Наверняка, снится ему Сашенька. «Эх!» — Платон ерошит волосы, вспоминает вчерашний вечер, щупает нос .Он слегка припух и побаливает. Ничего себе знакомство!

Платон опустил на пол босые ноги, пошарил тапочки. Кто их знает, куда они запропастились. На цыпочках осторожно прошел на кухню. Здесь стоит бочка с водой. Ковшик упал на пол и загудел, как набат. Из хозяйской спальни испуганный возглас Нины Григорьевны:

— Кто там?

— Я, Платон. Пить захотелось...

— Напейся, напейся, сынок, — Нина Григорьевна вздыхает. Ее тревожит, что мужа нет третьи сутки. Бывало, что уходил и на дольше, а на этот раз отчего-то тревожно...

«Сынок!» Платон большими глотками жадно пьет воду, а в висках этак радостно постукивает: сынок, сынок... Для него, безродного, эти слова звучат как-то особенно тепло. «Вот чужие люди, а как свои, — размышляет он. — И кругом свои... А я-то боялся, узнают про деда, прохода не дадут...»

Платон было забрался в постель, как вдруг часы раскатились по комнате побудной трелью — подъем!

Умывались во дворе, голые по пояс. Растирали полотенцем грудь. Завтракали плотно — в лесу с пустыми желудками много не наработаешь.

— Батька опять к землянке пошел...

— Какой землянке? — заинтересовался Платон.

— Да какой там еще, самой обыкновенной! — отмахнулся Виктор. — На старости лет фантазировать стал...

— А ты об отце так не говори, — отозвалась Нина Григорьевна, — молод еще осуждать... Мы в свое время перед родителями на цыпочках ходили, а нынешняя молодежь больно грамотная стала... Слова не скажи, сразу начинают переговаривать.

— Мы в землянках жили, мы хлеба недоедали, мы сапог не видели! Хватит, мать, надоело, сорок лет Советской власти...

— Шалопай! — бросила вдогонку Нина Григорьевна.

— Зачем ты так с матерью? — спросил во дворе Платон.

— Надоели эти старые присказки!..

Поскрипывают по поселку калитки. Со всех сторон к конторе стекаются рабочие. В горбатом переулке Платон и Виктор повстречались с Иваном Вязовым. Тот поздоровался с парнями за руку, оглядел Платона с ног до головы, обернулся к Сорокину:

— Как, бригадир, дела?

— Лучше некуда, Иван Прокофьич!

— Хвалишься?

— А что не похвалиться, по восемьдесят кубиков даем, — приосанился Виктор.

— А Заварухин вот с девяноста не сходит, — сощурились в усмешке вязовские глаза. — Как же это — комсомольцы, а отстаете?

Виктор засопел. Втайне он давно мечтал обогнать Заварухина, но там подобрались опытные рабочие, а у него молодежь зеленая.

— Смотри, зятек, вызовет он вас на соревнование, побьет, придется кое-кому перед ним покраснеть...

У Виктора пламенем загорелись уши. Непривычно прозвучало «зятек», даже сердце заколотилось. Он отвернулся от Вязова и молчал до самой конторы. А Платон при упоминании о Заварухине незаметно дотронулся до своего носа — побаливал нос. Виктору о вчерашнем случае ничего не сказал. «Странно: если не Заварухин, то кто меня ударил? — недоумевал Корешов. — И осталась же еще в людях привычка зверя».

Когда садились в автобус, Иван Вязов поинтересовался у Виктора, не возвратился ли отец из тайги. Виктор отрицательно мотнул головой. «С девяноста не сходит, — вертелось у него на уме. — Но у Заварухина лесосека хорошая, — искал Виктор оправдания. — Вот на новую лесосеку перейдем, тогда посмотрим кто кого...»

В автобусе Платон неожиданно увидел у длинноногого Кости под левым глазом большой синяк. «Так вот кого науськал Заварухин», — чертыхнулся про себя Платон.

Виктор на работе нервничал. Он как будто старался выжать из трактора все, на что тот способен. На лесосеке Виктор отругал вальщика Николая Прошина.

— Куда хлысты навалил? Глаза на затылке?!

Николай виновато моргал. Потом махнул рукой, пошел к деревьям.

Тося заметил:

— Когда человек зол на себя, он зол на всех...

Анатолий, обрубщик сучьев, сегодня против обыкновения не донимал Тосю, не называл его «бабой»: у парня разболелся зуб, и он ходил с перекошенным от боли лицом.

— А ты за нитку привяжи его, а нитку к дереву, р-раз! — и порядок, — посоветовал Платон. — Он же у тебя шатается...

— Больно, — поежился парень.

— А ты как думал.

— Давай попробуем? — несмело предложил Анатолий.

Попробовали. Получилось. Анатолий долго разглядывал зуб, потом спрятал его в нагрудный карман и протянул Корешову руку.

— С меня пол-литра.

— Все на пол-литра меряешь... — буркнул Тося.

— Это тебя не касается.

— Хватит вам препираться, — примирительно вставил Платон. — Что за парень этот ваш длинноногий Костя?

— Костя? Прихвостень заварухинский...

— Ясно.

— Что ясно?

— Да так...

Когда формировали вторую пачку хлыстов, набежавшая туча неожиданно разразилась проливным дождем. Тайга зашумела, заволокло ее синеватой дымкой. В тайге вдруг стало неуютно, как в тесной и неубранной квартире. Горизонт сузился, горизонта вообще не стало. Намокли спецовки, бревна стали тяжелыми, скользкими, как ужи. Анатолий вопросительно посмотрел на бригадира — не пора ли кончать, не то смайнает по хребту, не очухаешься. Но Виктор и слышать не желал.

— Не сахарные, не размокнете, — сказал он.

— Сытый голодному не верит, — вздохнул Тося, намекая, что Сорокину в кабине трактора тепло и не мокро. — Какая муха его сегодня укусила?..

— Не муха, а слова Вязова. Тот сказал, что мы комсомольцы, а отстаем от Заварухина.

— Его сам черт не обгонит, — задумчиво произнес Тося.

— Так уж и черт, — усмехнулся Платон. — Вот вызвали бы его на соревнование, да и хвоста показали...

Тося и Анатолий откровенно в глаза Корешову рассмеялись. Платон почувствовал, что, пожалуй, и верно через край хватил: он не знает ни Заварухина, ни даже этих парней, да и саму работу только-только начал осваивать. Правда, ничего сложного в ней не было, но это с первого взгляда. С первого взгляда и пихту за ель примешь.

Дождь кончился так же неожиданно, как и начался. Из-за туч проглянуло солнце. От спецовок парней запарило, как в раннюю весну от вспаханного чернозема...

5

И робела и боялась Анна мужа — не понимала она его. Нестер был для нее таким же далеким, как и в первые дни замужества. Вовсе плохо стало после общественного суда. Анна ждала, что он станет драться, учинит в квартире разбой. А он, наоборот, затих, даже будто бы ссутулился больше прежнего. Но случись Анне поймать его взгляд — и женщина вся внутренне вздрагивала.

Шли дни, молчание мужа становилось невыносимым. Сегодня вечером он принес бутылку водки и всю ее высосал... Стал кричать, бить кулаком по столу.

— Они у меня еще попляшут за эти проценты!.. — И площадной бранью обрушивался на Волошина и Вязова... А потом дико, как помешанный, смеялся и говорил совсем непонятное для Анны. — Уже плясали такие... Голенькие, ха-ха-ха! Голенькие!..

Анна даже рот руками зажала — так страшно ей стало. Хотела добежать до соседей, отсидеться там. Нестер загородил дорогу, глаза сузились, вроде бы как и хмеля не бывало, и во всем его облике появилось что-то такое, что Анну даже оторопь взяла.

— Куда спохватилась? — притянул за грудки Анну. — Это я спьяна наболтал, помешательство какое-то в голову зашло...

— А я-то слушаю и думаю, чепуху мелет...

— Верно, чепуху, — Нестер подвел Анну к столу, вылил в стакан остатки водки. — На, пей!

Анна не посмела ослушаться — выпила, поперхнулась. Нестер обнял ее за плечи, сказал ласково на ухо:

— Эх ты, пьяница! Родная ты моя!

У Анны затрепыхало сердце — впервые ласково заговорил с ней муж — прижалась к нему, заревела.

— Ну, ну, дуреха, не плачь. Все врет этот Вязов, не для себя, для тебя деньги копил. Завтра сниму с книжки, съездим в район, котиковую доху купим... Что деньги, деньги прах. Разодену, как королеву, пусть от зависти все Вязовы полопаются...

У Анны от этих слов дух захватило. То ли от водки, то ли от радости в голове все помешалось, обалдела совсем женщина. Перед глазами одна картина краше другой: идет она по поселку этакой павой в котиковой шубе... «Да он хороший, совсем хороший», — расчувствовалась Анна. И все обиды, и слова Вязова, которые он тогда говорил в клубе, — все это куда-то вмиг улетело, растворилось: податливо женское сердце на ласку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Горела лучшая лесосека. Прожорливые языки пламени лизали смолистые стволы кедров; от кипящих в пожарище сучьев раздавались по тайге выстрелы. Шлейф дыма, прижатый ветром, стлался по распадку, гнал впереди себя пышнохвостых белок, полосатых бурундуков. Схватившись с належенных мест, уносились в сопки быстроногие косули, всякая живая тварь уносила ноги подальше от пожара...

Наумов охрипшим от волнения голосом кричал в телефонную трубку:

— Да, да, пожар!.. Что, не слышу! Понятно. До самолетов будем бороться своими силами... — бросил трубку, кинулся бегом на улицу, где поджидала его машина. Вперед ушло пять кузовных и автобус. Уехали

все, кого только можно было собрать в поселке; пошли даже женщины, прямо от кухонных плит, так и не успев накормить мужей ужином.

Случись бы пожар во время работы — потушить раз плюнуть. Но он начался после работы, когда последние автобусы покинули верхний склад, когда над лесосеками нависла настороженная, глубокая тишина. Как после боя, еще с неостывшими двигателями, стояли в немом молчании тракторы; в обогревательной будке, матово поблескивая режущими цепями, лежали мотопилы. Ночная бригада слесарей делала профилактический осмотр механизмов. Длинноногий Костя Носов травил анекдоты.

В машинном диске, врытом в землю, весело шипели поленья, облитые машинным маслом. За такую приправу механик участка не однажды делал выговор. Но пойди узнай — к утру в обмасленном диске оставались тлеющие угли — и все. Костя пек в них картошку в мундирах и, скаредничая, раздавал по одной своим напарникам-слесарям. Однако в этот вечер картошке суждено было самой превратиться в уголья. На полуслове Костя вдруг замолк и, вскинув руки, заорал, точно его самого посадили на раскаленный диск:

— Пожар! Лесосека горит!..

Повскакивали слесари. Ничего не понимая, таращились на тайгу. Еще минуту назад там ничего не было, и вдруг широкой полосой из-за деревьев поднялся дым, тотчас в воздухе запахло гарью. Парни недоуменно переглянулись, похватали кто топор, кто лопату, кинулись в лес. Костя Носов позади всех — недаром у него длинные ноги. Ветки больно хлестали по лицам. Поздно! Огонь стеной загородил парням дорогу, дышал жаром, перекидывался с ветки на ветку, шипел, бросаясь искрами и пеплом. Под его напором шаг за шагом отступали парни. «Нет, вчетвером не совладать», — поняли они. Дым ел глаза, першило в горле, стало страшно...

— Бежим! — выдохнул Костя. — Надо в поселок, сказать всем!..

— Беги, мы будем просеку гнать... Ах черт, жжет-то как!

Спустя полтора часа приехали первые машины. Огонь уже бушевал вовсю. Ветер гнал его к верхнему складу. Только широкая просека могла преградить ему

дорогу. Тракторы и автокран отвели подальше; погрузили и отвезли в надежное место бочки с соляром и горючим.

Было жарко и душно. У Платона по лицу градом струился пот, во рту было солоно и горько, словно выпил морской воды. А над тайгой, разгоняя вечерние сумерки, полыхало пламя — языкатое, голодное, беспощадное. Потом над головами, высоко в небе зарокотали самолеты. В отблеске пожарища вспыхнули белыми светлячками купола парашютов. Отсюда казалось, что парашютисты опускались прямо в клокочущий котел огня.

И это все, что осталось от Панаса Корешова. А какой был орел, какой умница!.. Просто не верилось, что он изменник, предатель. Поликарп Данилович рассудил так: сам не видел, был ли он в банде, а слухи есть слухи... Он облюбовал подходящее место неподалеку от землянки, ножом принялся рыть могилу. Теперь не нужна Панасу глубокая... Копает Поликарп Данилович, а из головы не выходит странная смерть Корешова.

«А, может быть, это не он? — усомнился Поликарп Данилович. — Нет, нет, он, больше никто другой».

Когда начал переносить прах, на топчане, под черепом обнаружил ветхую тетрадь. Страницы пожелтели, написанное едва проступало... Поликарп Данилович бережно спрятал ее за пазуху. Отметил то место, где захоронил Корешова и зашагал домой. В ногах вдруг ощутил страшную усталость и на душе усталость. Отчего-то Поликарпу Даниловичу вспомнился Платон. «Да, внуки не отвечают за дедов, а ведь ранило паренька... Недобрая память ранила».

Огонь несколько сбили, но все-таки он еще упорно продолжал пожирать деревья. Огромными факелами полыхали они в ночи. Десятки кубометров первосортного леса были испепелены, превращены в уголья. В самом пекле орудовала пожарная авиация...

— Жжет-то как, а! — рукавом вытер Виктор лицо. У Платона и у самого гимнастерка так напрелась, что, казалось, вот-вот вспыхнет.

— Жарища, верно, — согласился он.

— Живей, живей, товарищи! — был слышен голос Леонида Павловича. — Надо успеть отгородиться просекой...

Пустили кусторез. Как черный утюг он ползал взад и вперед, взад и вперед.

Кое-где ручейки огня добежали до просеки. Здесь они начинали метаться по сторонам, но перемахнуть через просеку не хватало сил... С рассветом пожар сломили. Едким дымом исходила земля. Дико, неестественно торчали голые, обугленные стволы деревьев.

— Как после атомного взрыва, — сказал длинноногий Костя.

— Атомщик нашелся! — сплюнул Анатолий.

Они лежали вповалку, на земле, дожидаясь, когда придет за ними очередная машина.

Костя было полез в пузырь, но, видя, что Заварухина рядом нет, присмирел. Тося срывал с дерева росистые листья и прикладывал к щеке. Какая-то головешка стрельнула и попала ему в щеку.

— С чего бы это лес загорелся, а? Дыма без огня не бывает, — глубокомысленно изрек он.

— Не отбирай у Коробушкина хлеб, — заметил Виктор. — Из тебя бы второй Шерлок Холмс получился.

— А из тебя истеричка.

— Ха-ха-ха!

— Как мальчишки, — бурчал Николай. Он был единственным «женатиком» в бригаде Сорокина. — И поговорить серьезно не могут...

— Старый хрыч! — закинул за голову руки Виктор. — Был у нас на батарее такой ефрейтор, каптенармус Васька Кишко, так тот все бурчал и бурчал. Однажды его командир батареи вызвал к себе и говорит: «Ефрейтор Кишко, почему махорку не получили?» А наш Васька возьми да брякни: «Указывают все, пошли бы да и получили...» Шарик за шарик у парня зашел, что ли. Командир батареи ему на всю катушку отвалил губы.

— Не смешно, — подпер подбородок Николай.

— Если не смешно, расскажи, как ты первую ночь со своей Наташкой спал... Говорят, она среди ночи от тебя к своей мамаше сбежала...

Николай густо покраснел, вскочил и ушел к мужчинам. А ребята покатывались со смеху. Допекли-таки.

2

Карта лесного массива лежала перед Волошиной. Черным карандашом очерчено место пожара. По предварительным подсчетам погибло около тысячи кубометров деловой древесины. Погибла та лесосека, на которую больше всего рассчитывали. Что толку, что наехала комиссия из лесхоза, что толку, что составили акт. Этим делу не поможешь. Надо отводить новую лесосеку, расчищать верхний склад, проложить волок. На это уйдет по меньшей мере месяц, а то и больше.

Рита устало откинулась на спинку стула, встретила вопросительный взгляд Наумова. Но что ему ответить, когда сама ничего не придумала. Вчера приезжал директор леспромхоза, а сегодня утром звонил и требовал к вечеру доложить соображения по поводу отведения новой лесосеки.

«Странный он какой-то», — подумала Рита о Турасове. Вспомнилось, как он тогда, сидя на корточках, выручал из беды цветок, а потом размечтался о высокоорганизованном лесном хозяйстве... Однако какой же массив отвести под новые лесосеки? Цветки цветками, а Турасов может строго отчитать за нерасторопность.

— Вся ставка на Медвежью, — хрипло выдавил Леонид Павлович. Он был все в том же кургузом ватнике, но лицо за эти дни осунулось, на щеках и подбородке пробилась жесткая щетина. — Остальные лесосеки очень слабые, — Наумов опустил руки на настольное стекло. — Просил, чтобы дали еще один кусторез и корчеватель, — Турасов отказал...

— Начальству видней, — в тон ему вставила Рита. — Сейчас надо кончать дорогу, не то пойдут дожди, завязнем по самые уши. Отец обещал сегодня пустить бульдозер. Кстати, вот и...

В кабинет вошел Волошин, следом за ним участковый, поправляя портупею. Сели. Коробушкин прямо, по-военному, Илья Филиппович уперся ладонями в коленки.

— Что нового? — обратился Наумов к участковому.

— Пока ничего, — пожал тот плечами.

— Допрашивал бригаду ремонтников. Они утверждают, что на верхнем складе, кроме них, никого не было. Опять, наверное, чья-нибудь неосторожность. —

Коробушкин попеременно прощупал глазами каждого сидящего в кабинете. — Не научились еще лес беречь. Вот так!.. Ладно, я пойду.

— Иди, — качнул головой Наумов. — Илья Филиппович, бульдозер на дорогу поставил?

— Работает уже, — хмуро отговорился тот. — Надумали что? Думайте, я в лес поеду, — сказал Волошин.

Рита снова уставилась в карту. Вместо того чтобы искать выход из создавшегося положения, девушка отчего-то со всеми подробностями вспомнила ночь, когда бушевал пожар. Надо было оттащить в сторону куст орешника, но силы иссякли, хоть плачь. Звать на помощь стыдно. Вдруг из темноты вынырнул какой-то парень, легко поднял куст и понес его. В это время пучок света от фар кустореза упал на спину этого человека. Рита успела разглядеть выцветшую гимнастерку. Свет погас, и темнота снова поглотила его. Рита его больше не видела, но теперь ее не покидало чувство, что он здесь, рядом, работает рука об руку с ней...

За перегородкой постукивали костяшки счет. На месте Наденьки сидела другая девушка. Наденька ушла работать в лес. Этакое хрупкое существо вдруг взбунтовалось — не хочу сидеть в конторе и все тут. И направили, что поделаешь, человек волен в своем выборе места под солнцем.

— Вот здесь я думаю отвести новую лесосеку, — Рита ногтем очертила предполагаемое место новых лесоразработок.

— Отводить так отводить, — вздохнул Леонид Павлович.

— План наверняка провалим...

— Вы, Леонид Павлович, пошли бы побрились.

— Гм, — Наумов потрогал пальцами подбородок, усмехнулся. — Пожалуй, вы правы, пойду.

— Вот так бы давно, — Рита тоже встала, сложила карту. — Доложите сами о принятом решении, я поеду в лес.

Из конца в конец поселка разгуливал уже по-осеннему тугой, строптивый ветер. Из тайги несло запахом жухлых листьев и смолистого кедрача. Склон ближайшей сопки, еще недавно такой зеленый, побурел, оделся разноцветными заплатами, то ярко-желтыми, то

багряными, как закатное, непогоднее солнце, то коричневыми пятнами орешников. Из тайги целыми ордами вылетали жучки-коровки. Они облепили стены домов, набивались в комнаты, кухни. Хозяйки метлами выгребали жучков за порог. Но их сменяли новые, такие же упорные, назойливые, как всякая живая тварь, почувствовавшая свою кончину...

Приехав на участок, Рита прошла к дороге, где бульдозер стальным ножом зарывался в почву и огромными ломтями отваливал ее на обочину. Под снятой почвой белыми пятаками проглядывала галька. Рита с сомнением прошлась по ней. Галька с прослойками вязкой, желтой глины расползалась под ногами. «Как бы не пришлось снимать еще слой, — с тревогой подумала она, — тогда вывозку завалим».

Пожар, текущие дела как-то оттеснили на задний план ее проект с перестройкой работы лесоучастка. Турасов сказал ей, что этой зимой они, возможно, попробуют работать, как предлагала Волошина. Зима покажет, стоит ли возвращаться к сезонной вывозке леса. Поэтому зима требовала большой и серьезной подготовки.

На верхнем складе дымили костры — сжигали сучья. Рита пересекла его и по наезженному волоку стала углубляться в лес. Здесь было тише, почти совсем не ощущалось ветра. По земле точно прошлись огромные стальные полозья — так укатали ее хлысты.

В кустах прокричала пичуга.

— Тю-тю! — откликнулась легким посвистом Рита.

— Тю-тю! — передразнила пичуга.

3

Клуб напоминал Платону казарму. Он был длинен, узок, с большой печью у стены. На заднике сцены мудрый художник нарисовал идущий по волоку трактор с пачкой хлыстов. Трактор походил на самовар, а хлысты — на телеграфные столбы: без коры, без единого сучочка. А по краям волока громоздились друг на дружке деревья, которые не значились ни в одном лесхозовском справочнике.

На сцене под суфлера Тося и Сашенька Вязова разучивали роли.

Виктор ревниво следил за каждым движением Сашеньки. Он то и дело толкал в бок Платона.

— У Сашки талант, чистая артистка...

Платон двусмысленно пожимал плечами. Монолог Сашенька читала напыщенно, не своим голосом, движения были неестественные, как в опере. Ничего такого Платон, конечно, не сказал Виктору. Не хотелось разочаровывать друга, пусть думает, что она краше всех и талантливее всех...

Девчата, щелкавшие кедровые орехи, позевывали в ладошки, оглядывались на друзей. Без стеснения, оценивающе рассматривали Корешова. Наклонялись друг к другу, перешептывались, посмеивались. Парень, наверняка, им нравился... Были среди них и постарше девчата: Рита Волошина, Саша Вязова и совсем еще молоденькие, только что вышедшие из-под родительского надзора. Они, как птенцы, покинувшие гнездо, весело щебетали, перемигивались и сообща строчили кому-то из парней записку. Потом эта записка каким-то образом очутилась на коленях у Платона. Платон ее развернул. На клочке бумажки крупными (печатными!) буквами было написано: «Вами интересуется одна девочка. Хочит с Вами подружить».

Платон усмехнулся и стал гадать, какая же из них «хочит подружить».

Репетиция проходила вяло. Она наскучила не только зрителям, но и самим участникам. Сашенька обвиняла суфлера (им был Костя Носов), что подсказывает он никудышно. Тот разыграл обиженного, швырнул пьесу на стол, демонстративно покинул сцену. Тося бормотал что-то невнятное и просил «прекратить панику, ибо паника — не к лицу молодежи». Сам он играл роль старика, колхозного конюха, и одет был в шубу. В клубе жарко, от шубы за версту пахло овечьим пометом, но он терпел. А его напарница, Сашенька, уже болтала с подругами, позабыв и о сомлевшем от жары Тосе, и о неудачливом суфлере...

От парней отделился Генка Заварухин. Он взошел на сцену, вытряхнул Тосю из полушубка, хлопнул в ладошки.

— А ну, девки, помогай растащить скамейки, танцевать будем. — Он деланно зевнул и добавил: — Заснуть можно на вашей репетиции.

Предложение его и девчатам и парням пришлось по душе. Генка первым взялся за конец скамьи, кивнул Платону:

— Помоги, Кореш.

Вместе с Генкой они отнесли и поставили скамью у стены. Также молча возвратились за второй. Заварухин больше ни слова, ни полслова не сказал ему. А Платону наплевать — пусть хоть всю жизнь не разговаривает, он в друзья не набивался. Платон станцевал один-другой танец и совсем неожиданно захандрил. С ним такое иногда случалось. Вспомнился город, ребята из порта... Клуб вдруг показался ему тесным, неуютным, жизнь серой и однообразной. Неужели так и пролетит вся жизнь — утром на работу, вечером с работы. Дождаться воскресенья, чтобы потанцевать в клубе или на «тырлах», посмотреть самодеятельность... А там семья, дети — все.

Вечер был испорчен вконец. Платон выскользнул на улицу. Душно и тихо. После города у Платона несколько дней было такое ощущение, будто он оглох. Особенно вот в такие вечера. Даже лая собачьего не слышно. Сегодня возвратился старик Сорокин. В тайге словно язык откусил. Заперся в своей комнате. Виктор поглядел в щелочку и сказал: «Батя грамоте обучается, тетрадку какую-то мусолит». «Интересный старик, — размышлял Платон. — Надо бы о деде у него подробнее расспросить, какой он ни был, а все же интересно...»

Когда возвратился Корешов из клуба, Поликарп Данилович еще не спал. Он расхаживал по избе широкими шагами и теребил бороду.

— Вот кстати, — завидев Платона, сказал он. — Не слепой, а разобрать не могу. На-ка, почитай. Прочтешь, потом расскажу.

«Наконец-то у меня есть тетрадь и чернила! И как только ему удалось их раздобыть?! Когда я увидел эти сшнурованные листки у Саньки, он их протягивал мне, впервые шевельнулось к нему братское чувство. Ох, как нужны они мне сейчас... Теперь я могу написать все как есть, как было. Ноги перебиты, дышать трудно, наверное, отбили дьяволы все внутренности, да еще эта пуля... Санька появляется изредка, принесет еду — и скорей

назад. Если выследят, тогда нам обоим крышка... Но надо во что бы то ни стало отсюда выбраться. Надо! Я твержу это слово с того самого дня, как пришел в себя. Погибнуть сейчас, когда вылез из такого переплета? Нет, я просто не имею права. Пусть Сизов... Но начну все по порядку.

В семье нас было два брата, я и Санька. Красивым был Санька, в маму. Жалели мы его, баловали. В то время, когда мы с отцом ездили в лес готовить дрова, рубить жерди на огород, пахали землю, Санька с гармошкой водил за околицей села хороводы с девчатами. А по ночам пугал набожных старушек... Бесшабашным рос парень, себялюбцем... К чему я это рассказываю, потом поймете.

После изгнания интервентов из Приморья, меня послали учиться в совпартшколу. Три года я не был дома, послал телеграмму обрадовать маму и жену. По сынишке крепко соскучился. Со станции в волость ехал в тарантасе по размытой дождями дороге. Меня назначили председателем волисполкома.

Вдруг из придорожных кустов грянул выстрел. Возница с простреленной головой вывалился на дорогу. «Бандиты», — пронеслось у меня в голове. Тогда в этих краях орудовала банда Сизова. Не раз настигали ее отряды особого назначения, но банде удавалось ускользнуть. Где она отсиживалась, никто не знал — тайга велика, найти банду в ней, все равно, что в стоге сена иголку.

Тарантас окружили бандиты. Я пытался сопротивляться, но они навалились горой, связали по рукам и ногам, завязали глаза, бросили животом поперек седла.

Везли, должно быть, очень долго, потому что останавливались на ночевку, а когда сняли повязку с глаз, то снова уже смеркалось. «Ох и далеко же вы забрались!» — оглядывался я по сторонам. Кругом горбатились из-под земли замаскированные землянки. Здесь же паслись стреноженные лошади. Меня окружили бандиты. Среди них были старые знакомые, вон кулак Мельников с сыновьями, кулак Охапков — старые, матерые вол-

ки. «Зачем я им понадобился? — недоумевал я, — могли бы пристрелить на месте, а не тащить за сотни верст в тайгу».

Вдруг толпа раздалась. Быстрой семенящей походкой ко мне подошел человек в новеньком с иголочки английском френче. За его спиной стоял... Санька, мой брат. Он поигрывал плеткой, но глаза воротил в сторону. Вот так встреча!..

— Здравствуй, братец, — как можно спокойнее сказал я. — Давно не виделись...

Молчит, сукин сын, но вижу плетка повисла вдоль голенища хромового сапога, значит, попал в самое сердце.

— Сизов, — представился английский френч. — Вы Панас Корешов, новый председатель волисполкома? Очень приятно познакомиться. Встретились, так сказать, две власти, — и Сизов мелко, паскудно рассмеялся. Рассмеялись и обступившие меня бандиты. А меня этот смех взорвал.

— Никакой другой власти, кроме Советской, здесь нет и не будет, — говорю я им. — А вы подлюги и кулачье! Именем Советской власти приказываю вам сложить оружие и сдаться, все равно ваша карта бита!..

Сизов пропустил мои слова мимо ушей, даже постарался улыбнуться.

— Прошу за мной, — сделал он жест рукой. — В гостях не принято ругать хозяев.

Иду за ним, а сам глаз не свожу с Саньки. Вот до чего докатился братец. Легкой жизни захотелось. Эх, снять бы тебе портки да выдрать ремнем по сидячему месту, а если на душе человеческие жизни — пристрелить, как собаку, и забыть к могиле дорогу. Мама, переживешь ли ты это? Отцу до позора не пришлось дожить.

Землянка, куда привел меня Сизов, была высокой и просторной. За столом сидело три бородача-старовера. Санька остался за дверью.

— Садись, — пригласил Сизов, — будь как дома...

Бородачи давят из-под косматых бровей тяжелыми, волчьими взглядами, ждут, что скажет их атаман.

— Так вот, Панас, — после раздумья сказал тот, — решили мы встретиться с тобой, поговорить. Извини, если что не так, но иначе и нельзя было. Ты человек умный, будем говорить начистоту. Твоя жизнь в наших руках, что захотим, то и сделаем...

Бородачи одобрительно закивали головами.

— Мы тебя можем отпустить, и завтра же заступишь на свой пост. Но, будучи председателем волисполкома, ты за это должен оказать нам маленькую услугу... — Сизов сделал паузу. — Кое в чем нам помочь... — он, вероятно, пока не решался открывать все свои карты.

— Дурень ты и твои бородачи. Неужто думаете, Панас Корешов пойдет с вами в сговор, — сказал это, и на душе будто сразу легче стало.

Бородачи о чем-то стали советоваться. Сизов окликнул часовых. Вошли двое верзил, схватили меня за руки, вытолкнули на улицу. Привели в конец табора, бросили в темную и сырую землянку. Захлопнулась дверь, и все стихло»...

— Что это, Поликарп Данилович?! — так и задохнулся Платон. Сердце колотилось, как молот. — Это же...

— Верно, твой дед пишет. — Старик Сорокин рассказал, как мог, и о землянке в тайге, и о всем остальном, а напоследок попросил: — Ты пока никому не говори об этой тетрадке, прочтем, потом видно будет.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

На новый участок дороги пустили машину с лесом. Она натужно повыла мотором, покашляла отработанными газами в выхлопную трубу, а потом и вовсе заглохла. Ни вперед, ни назад, хоть по воздуху лети. Галька расползлась под колесами, глина присосалась к покрышкам...

Наступила тишина.

— Асфальтику бы, — вдруг с издевкой сказал один из рабочих.

— А тебе чуток мозгов в голову, — не оборачиваясь к насмешнику, заметил Илья Волошин.

— Придется еще слой снимать, — деловито вставил Наумов.

— Так мы до самых морозов провозимся, — поправила платок на голове Рита. — Сегодня районная газета выступила, медленно готовимся к зиме...

Леонид Павлович поморщился. Давненько их не ругали в печати. Больше хвалили. Приятно, когда хвалят...

— Могли бы в другом месте напомнить, — недовольно буркнул Наумов и громче: — Так что, Илья Филиппович, снимайте еще слой. — Он отозвал Риту. — Беда, забыл вам сказать. Метеосводку на сентябрь передали. Сплошные дожди, ожидается наводнение... Плохо, очень плохо, — покачал головой начальник лесоучастка. — Не в газете ругать будут, а на бюро райкома партии голову снимут...

«Расплакался, как баба», — подумала Рита, а вслух сказала:

— Пока ничего страшного я не вижу. Отвод лесосек мы заканчиваем, тепляки заложены. Да, кстати, говорила я сегодня с Лапшиным, интересную идею предлагает...

— Ох, уж эти мне идеи! — схватился за голову Леонид Павлович. — Ну, придумал он сучкорезку, а дальше что? Пошумели в газетах, на собрании поговорили, на этом и закончилось. Ведь серийного производства их нет! Пока орудуем топорами! Довольно с меня и вашего проекта, вот он где висит, — Наумов ребром ладони ударил себя по шее.

— Ничего, шея толстая, выдержит, — оборвала Рита. Получилось грубовато, нехорошо. Но Леонид Павлович не обиделся. Он только опустил плечи и каким-то безразличным голосом спросил:

— Какая такая еще идея?

— Лапшин предлагает не строить на верхних складах обогревательных будок...

— Как не строить?! — Наумов отступил на шаг, глаза округлились. — Да директор леспромхоза за такие штучки головы с нас снимет... Милочка, вы не дадите мне доработать до пенсии!.. — плаксиво скривился он, отмахиваясь обеими руками.

— Но ведь вы не дослушали, — как можно мягче заговорила Волошина. — Сколько у нас на участке автобусов? Четыре. Только подумайте, четыре машины не заняты на вывозке леса!..

— В чем же дело, пошлите их на вывозку, — перебил Наумов. — Рабочие пусть пешком ходят...

— Зачем же! Рабочие пешком ходить не будут, — быстро ответила Рита на реплику Леонида Павловича и продолжала: — Мы оборудуем прицепные будки — и только. Утром и вечером они будут как автобусы, днем — обогревательные будки.

Наумов некоторое время шевелил губами, потом махнул рукой:

— Делайте, только если поморозите рабочих, вместе с Лапшиным под суд отдам...

«Вот так всегда, — подумала Рита о своем начальнике. — Сперва поартачится, а потом согласится...» — Она видела сутулую спину отца, и ей вдруг стало жалко его. На работе они, как чужие. Дома не остается времени, чтобы поговорить по душам. Отец иногда до поздней ночи засиживался над технической литературой. Она видела, как он мучался над каким-нибудь непонятным вопросом, но никогда не обращался к ней за разъяснениями. Тяжелый характер у отца.

Илья, заложив за спину руки, взад и вперед расхаживал около машины. Не хотелось ему снова пускать на дорогу бульдозер — много времени уйдет. Когда начальник лесоучастка и технорук выехали в поселок, он все еще не решался отдать распоряжение. Подошел Иван Вязов с раскряжевщиками. Выкурили по папироске. Помолчали.

— Вот хлопцы одну штуку предлагают, — сделал глубокую затяжку Иван. — Может, подойдет?

— Говори, не тяни за душу, — отозвался Волошин.

— Хлопцы предлагают запрудить ключ и пустить по дороге воду... Дорога идет на уклон, — Иван жестом показал: — Так. По обочинам большие навалы... Думается, можно рискнуть.

Снова помолчали, снова выкурили по папироске. Видано ли — пустить по дороге воду. Ту самую воду, которая сносит мосты, не хуже канавокопателя буравит землю, делает глубокие овраги, подмывает и рушит берега... Илья Волошин колебался. Может быть, еще с

десяток лет назад он бы махнул рукой и сказал: «Давай! Где наша не пропадала!..» А сейчас нет былого жара, в такие годы придерживаются другой истины — семь раз отмерь, один раз отрежь.

— Если что, воду опять по руслу пустим, — нарушил молчание Вязов.

Илья медленно, старательно вдавливал каблуком сапога окурок. Знал, ждут его согласия, сверлят, черти, вопросительными взглядами.

— Что же, можно попробовать, участок дороги ровный, уклонистый... Марченко, — окликнул он бульдозериста. — Пойди сюда. Потом все вместе обследовали русло ключа, переполненного до краев студеной мутноватой водой. Где-то в верховьях уже, вероятно, начались дожди. После долгих поисков нашли место для запруды. Не терпелось попробовать в этот же день: Помощников оказалось больше чем достаточно. Все понимали, что значит этот участок дороги для лесопункта.

Бульдозер столкнул в ключ большущие коряги, потом захватил тупым носом кусты, землю и все это ухнул в воду. Стремительное течение, наткнувшись на преграду, закрутилось спиралью, вода вспенилась, заклокотала.

Был на исходе рабочий день. Сюда собрались люди со всего подучастка. Платон тоже вместе со всеми, затаив дыхание, следил за водой. Вот она почти поднялась до вершины завала, ключ распух, раздался вширь. Казалось, еще мгновение, и вода прорвет запруду, камнем упадет через нее, а там уж не удержать...

Сгибая прутья, шелестя сухой травой, вода ринулась к дороге. Платон, повинуясь общему настроению, побежал за ней. Впереди, сбоку и сзади тоже бежали люди. Вода заполнила волок, устремилась по нему, вымывая глину.

Платон остановился, перевел дух. Остановились и остальные. На месте дороги текла речушка, быстрая, говорливая. Уже прошли на верхний склад автобусы, но садиться в них никто и не думал. Все ждали, чем кончится затея с водой. Спустя два часа воду отвели с дороги.

— Давай машину! — закричали сразу несколько человек.

Машина, груженная лесом, осторожно вползла на чистую промытую белесую гальку. И пошла. Рабочие кидали кепки, кричали «ура!» Вместе со всеми кричал «ура» и кидал кепку Платон.

2

Бывают же такие люди, мордастые, краснощекие, налитые до краев здоровьем. Никакие встряски жизни и даже выговоры вышестоящего начальства — ничто не трогает их. Они знай себе делают свое дело — регулярно посещают торжественные собрания, в субботу всласть томятся в бане. А по понедельникам никогда не болеют с похмелья. Таким, пожалуй, и был механик лесоучастка Михаил Михайлович Сычев. Когда Рита объяснила, что от него требуется, он только пожал плечами и хладнокровно ответил:

— Если надо, сделаем, — отошел, потом снова вернулся к Волошиной. — Вы сами это придумали?

— Не угадали. Ваш слесарь Лапшин предложил.

— А-а, Лапшин, — протянул Сычев. — Этот мастер на выдумки. А я вот сколько лет работаю механиком, а ничего такого не придумал, — виновато и как-то сконфуженно произнес Михаил Михайлович, потянул носом воздух. — Чертежики бы для этих будок?..

— Вот об этом уж с Лапшиным договаривайтесь, но к первому снегу чтобы будки были готовы.

— Будем стараться.

Сычева позвали в конторку, он ушел.

Рита направилась к реке. Вода в ней прибывала. «Только бы не унесло лес», — с беспокойством всматривалась технорук в мутно-желтую воду. От штабелей тянуло смолистым духом. Она присела на бревно, но тут же спохватилась и быстро зашагала разыскивать Наумова. Если вода поднимется, лес поплывет.

3

Платон ходил сам не свой.

— Влюбился, что ли? — смеялись ребята. — На свадьбу не забудь пригласить...

— Вас пригласи, так невесту утащите, — отшучивался Корешов.

— А кто она — зазноба?

— Секрет.

— Это — не город. Шила в мешке не утаишь.

«Что верно, то верно», — соглашался Платон. Вчера встретил его Иван Вязов и как бы между прочим спросил: «Иван Корешов твой отец? Хороший человек! Вместе работали... — и больше ничего не сказал. О Панасе Корешове вообще ни слова. Похлопал по плечу: — Ребята у вас отличные подобрались!.. Вот бы и показали всем, как надо по-настоящему жить и работать, а?» — усмехнулся в жесткие усы и зашагал дальше. «Жить по-настоящему», — повторил про себя Платон. — А как же мы живем?.. Вон Витька, Тося, да и другие ребята, разве много они задумываются над жизнью? Танцы, девчата, иногда водка... Старики брюзжат — прожигатели жизни, все по верхам скачете... А как глубоко «скакать»? Им собрание, а нам танцы... Им спокойная беседа за столом, а нам шумная компания...»

...После дождя земля парит. Она исходит тогда всеми своими запахами. Каждая травинка, кажется, пахнет по-своему. Виктор все так же рвет трактор, частенько покрикивает на ребят.

— Надо бы его осадить, — предложил Платон.

— Обидится.

— Ничего.

Позвали Николая. Хоть Николай и «женатик», а ребят поддержал. Расселись кружком прямо на сырой земле.

— Сидячая забастовка, — шутит Тося.

По волоку лязгают башмаки гусениц — с верхнего склада возвращается сорокинский трактор. Идет полным ходом. Вот он уже совсем близко. Из кабины высовывается голова Виктора. Он грозит кулаком:

— Чего расселись?! Задницы к земле приросли?

Прет трактором прямо на ребят. В самые уши ударяет рокот мотора. Тося даже глаза закрыл.

— Не трусь, — толкает его локтем Платон.

— Вы с ума сошли?! — Виктор осадил трактор, спрыгнул на землю. Кипятится. А ребята сидят и молчат. Побегал, побегал — делать нечего, присел рядом, попросил прикурить.

— В чем дело, братва? — примирительно спросил он. — Может, объясните?

— И объясним! — вскочил Тося. Всегда любивший изъясняться длинно и витиевато, он вдруг вспылил: — Ты кому хочешь доказать?! Чего шумишь?! Трактор из строя выйдет — все пропало...

— Я же не для себя, для всех вас стараюсь, — оправдывался Виктор, кусая соломинку. — Хотелось Заварухину доказать, а вы, эх! — Он тоже вскочил и, не находя слов, только рукой махнул.

— Ты один решил доказать, — перебил Платон, — мы, выходит, пешки? Уж если ордена получать, так всем, — солдатской поговоркой отрубил Корешов. — Давай по-честному вызовем Заварухина на соревнование?

— Рано пока, — отрицательно покачал головой Виктор. — Зимой на новую лесосеку перейдем — согласен... Ну, давайте пачку?

И снова валили лес, и снова тащились хлысты за сорокинским трактором, а из головы Платона не выходило прочитанное в тетради-дневнике деда Панаса Корешова, сжимались кулаки.

> Так и не знаю, спал я или не спал в эту ночь, только когда открыли дверь, глаза больно резанул яркий солнечный свет. Приказали выходить. Снова за тем же столом сидели бородачи и расхаживал по землянке Сизов.
>
> — Как спалось, товарищ председатель волисполкома? — осклабился Сизов, раскрыл серебряный портсигар. — Кури.
>
> — Не курящий, — отвечал я, сглатывая слюну. Стол ломился от разной снеди. Бородачи, пыхтя и причмокивая, тянули из кувшинов брагу. Старый дешевый прием. Отвернулся, стиснул зубы. Понял, что с этой минуты начался поединок, и надо выстоять, надо, приказывал я себе.
>
> — Так что же, Панас Корешов, принимаешь наше предложение?— подошел ко мне Сизов.
>
> Я отрицательно покачал головой.
>
> — Фанатик, мать твою...— сквозь зубы процедил Сизов. — Ты думаешь народ будет о тебе помнить? Песни слагать? Как бы не так! Дело у нас верное.— Сизов успокоился, стал говорить доверительно. — Подвернулся нам человек, — таинственно сообщил Сизов. — Вы с ним, как сиамские

близнецы. Ну вот, кумекаешь? Распустим слух, что ты перешел к нам, постараемся, этак невзначай, показать его в селах разок, другой, а там молва пойдет гулять... Не поверят сто человек, поверит десять. Ну чего тогда будет стоить твое упрямство? Поплатишься жизнью и только.

Внутренне я содрогнулся от такой угрозы. Что может быть страшнее этого... Предателем назовет народ Панаса Корешова. Предателем!

— Так согласен?— словно угадав, какие мысли обуревают меня, спросил Сизов.— Ну, что же, иди подумай. — И он приказал меня увести.

Сизов, видимо, и не надеялся сломить меня сразу. Это был хитрый и коварный враг.

Меня снова привели на следующий день. И снова без ругани и побоев Сизов вел со мной длинные и скучные беседы относительно понятия родины, идей. Он был умён, гад, и тем труднее было с ним бороться. Но в конце концов, когда я совсем ослабел от голода и жажды, но по-прежнему продолжал стоять на своем, понял, видно, Сизов, что никакими уговорами меня не сломишь. Это был конец.

Удивительно, что за все время я больше ни разу не видел Саньки. Потом случайно от часового узнал, что Сизов отправил его за продуктами в ближайшие села. Значит, Сизов не совсем доверял Саньке, боялся, что, когда дойдет история со мной до конца, может взбунтоваться родная кровь... С этим часовым мы несколько раз перекидывались словами. Оказывается, он был из соседнего села, я даже знал его отца, Еремея Буслая.

— Он батрачил на кулаков, а ты сейчас с ними заодно,— как-то сказал я ему.

— Санька твой, поди, тожить не из богатых,— хмуро ответил парень, покосился на своего напарника. Тот, второй, с бандитской рожей, наградил меня за такую политинформацию ударами приклада в спину.

— Наговоришься на том свете, — бросил он.

Он был отъявленная сволочь. Удара прикладом оказалось достаточно, чтобы я скатился в землянку и на время потерял сознание. Потом очнулся от

чьего-то оклика. Дверь приоткрылась. К моим ногам упал ломоть хлеба, кусок мяса и фляга воды. «Значит, политинформация даром не прошла», — подумал я.

— Верно чуяло сердце,— сказал Поликарп Данилович,— не был он предателем. Оклеветали его. Ты, сынок, пока никому не рассказывай об этой тетради, дело очень серьезное.

Старик взял тетрадь, бережно прижал ее к груди, унес в свою комнату.

Платон накинул на плечи ватник, вышел во двор. Перед глазами стоял образ деда — мужественного, несгибаемого человека. «Вот это жизнь была! — подумал он.— Я бы, наверное, тоже не поддался бандитам... Я бы им показал,— рассуждал он, шагая по улице поселка. — Завтра же надо написать дяде Пете... Как жалко, что мамы с отцом нет...»

После дождя слегка подмораживало. По долине, как по трубе, тянуло холодным ветром. Из тайги доносился шум. Печально кого-то оплакивал ветер, раскачивал стволы деревьев. Погруженный в мысли Платон даже вздрогнул, когда его схватили за рукав. Перед ним стоял Генка Заварухин.

— Что надо?— высвободил руку Корешов.

— Может, в гости зайдешь?

— Пошли, — коротко обронил Платон.

Комната общежития: четыре кровати, между ними тумбочки. Не на стульях, а на тумбочках сидят парни. На той, что ближе к двери, Костя Носов, нога на ногу, в зубах папироска. Синяк под глазом сошел. Но он до сих пор не забыл корешовского кулака, присвистнул носом, спрятал глаза. Генка услужливо принял ватник, повесил на крючок, кивнул Косте. Тот сполз с тумбочки, перегнулся над кроватью, вытащил две бутылки водки. «Неспроста затевают выпивку», — напружинился Корешов.

Заварухин разлил по кружкам водку.

— Выпьем, Кореш, — по-своему переиначил он фамилию Платона.— За мировую. Нам с тобой делить нечего...

Выпили. Молча стали закусывать. Костя Носов взялся было снова за бутылку, но Заварухин обронил:

— Погоди. Дай в трезвом виде с человеком поговорить.— Он спичкой поковырялся в зубах, сплюнул на пол, растер сапогом.— Какого дьявола принесло тебя в эту дыру? Думал, деньги здесь лопатой гребут?.. Ха-ха-ха!— глуховато рассмеялся Генка.

— Я не кусочник,— Платон ниже нагнул над столом лобастую голову, шея напряглась.

— Ладно, ладно, я пошутил... Скука, понимаешь! Волком бы завыл, да таланта нет,— Генка зачем-то показал на свой рот. — Все от скуки сделаешь...

— Выходит, и за Волошиной от скуки ударяешь?— Платону вдруг захотелось уязвить чем-то Заварухина, «баш на баш», как сказал бы Витька Сорокин.

Парни переглянулись. Над столом нависла предупреждающая тишина. Платон видел, как заварухинские пальцы сжались в кулак, потом медленно, словно нехотя, разжались. На стол выпал сплюснутый кусочек хлеба.

— В квите,— мотнул чубастой головой Генка. Не глядя взял стакан, постучал донышком по столу: — Налей!

Костя поспешил выполнить его просьбу.

— Ты что мне одному наливаешь? Гостю наливай! Я сегодня с Корешом пить буду, у него башка на плечах...

Генка пил водку как пресыщенный алкоголик. Он медленно тянул ее сквозь зубы, как бы загонял ее насильно в рот. Почти ничем не закусывал и быстро пьянел.

— Д-давай, К-кореш, о В-волошиной ни с-слова, — он стал заикаться.— Не ч-чета она н-нам с тобой, н-начальство...

«Может быть, в этом ты и прав — не чета она нам»,— невольно подумал Платон.

— Что лыбишься?

— Да так, вспомнил один случай...

— А ваши-то с-слабаки, а?

— Кто наши? — не понял Платон.

— В-ваша б-бригада. К-комсомольская!— И Заварухин снова глуховато, простуженно рассмеялся.

— Это ты брось,— насупился Платон.

— А ч-что б-бросать. З-заткну в-вас за п-пояс — баста!

— Посмотрим,— сказал Корешов.

— В-вызываю вас на с-соревнование, — хлопнул ладошкой по столу Генка.

— Идет,— согласился Платон.

Генка совершенно опьянел. Платон стал собираться домой. Пока он надевал ватник, Заварухин сидел, не меняя позы, уронив голову на руки. Он будто дремал. Но потом дернулся к двери следом за Платоном. Пошатываясь, проводил его на крыльцо.

— Стоп, Кореш, ч-что я т-тебе хотел с-сказать, — выдавил Генка, опершись плечом о косяк двери. — Н-нарочно я тебя з-зазвал, х-хотел проучить. Но п-парень ты с-свойский... А В-витьке передай, мало к-каши ел, ч-чтобы со мной т-тягаться... — Он повернулся и нетвердой походкой ушел в общежитие.

«Вот так влип! — Платон на самые глаза надвинул кепку. — Принял вызов на соревнование, а Витька узнает, взбеленится. Ну, и соревнуйся с ним, скажет...»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Небо хмурилось, грозилось дождями. По вечерам между вершинами сопок, точно между верблюжьими горбами, садилась лохматая, как бездомная собачонка, туча. Потявкает далеким громовым лаем, поблещет иглами молний — и уберется восвояси.

В поселке спешно чинили крыши. На грязных улицах, вдоль заборов укладывали доски, кое-где подсыпали гравий. Делали это каждый год, и как раз когда начинались дожди, начиналась слякоть — начинались доделки...

В эту дождливую пору Леонид Павлович Наумов окопался в конторе.

Изредка позванивал в леспромхоз, передавал сводку, а то распекал незадачливого завхоза Еремея Наливайко.

В эту дождливую пору рабочие лесоучастка большую часть времени просиживали в обогревательных будках. В дождь по правилам техники безопасности работать воспрещалось. Скользкие бревна могли «сыграть» по спине или ногам...

В эту дождливую пору женщины чаще ходили друг к другу в гости. У всех только и разговору — Нестер Полушкин купил Анне котиковую шубу. Чесали языками, щелкали поджаренные кедровые орехи.

В эту дождливую пору в поселке сыграли две свадьбы, а Виктор Сорокин по-прежнему за углами целовался с Сашенькой и никак не решался сказать — давай поженимся...

В эту дождливую пору Платон по вечерам читал Поликарпу Даниловичу записки Панаса Корешова...

В эту дождливую пору вспучилась, поднялась, как на дрожжах, вода в реке Тананхезе...

Вода залила подполье вдовы Катерины, поварихи, сдобной, пышной женщины. Катерина, прибежав в контору, наделала переполоху.

— Потоп! — не своим голосом закричала вдова и решительно повела наступление на Наумова. Тот, отгородившись письменным столом, бормотал что-то невнятное. Завхоз Наливайко, вставший было на защиту начальника, мигом был отброшен к двери. Дверь с грохотом распахнулась, завхоз очутился в коридоре.

Вдова бессильно плюхнулась на стул. Стул тоненько пискнул, но выдержал: он был сделан в местном промкомбинате...

В дверь кабинета осторожно вполз Наливайко.

— Еремей, — перевел дух Наумов, — сходи к Катерине, посмотри, в чем дело, может, переселять будем...

— Пусти козла в огород, — грозно повела плечом Катерина. — Чтобы завтра нашенское бабьё языки чесало, дескать, Катерина уж и завхоза заарканила... И переселяться я никуда не собираюсь! Если что, на крыше отсижусь!...

«Глупая баба», — подумал Наумов. Ничего не оставалось, как пойти самому. А на улице морось, идти никак не хочется. Сопя, Леонид Павлович натянул шуршащий плащ, кивнул головой.

— Идем!

Катерина жила в собственном домике, срубленном еще ее покойным мужем на самом берегу реки. Река здесь делала изгиб и, как подстреленная птица, билась о берег пенными хлопьями мутной воды. По посел-

ку шли гуськом. Впереди, втянув голову в плечи, обходил лужи Наумов. За ним, бесстыдно приподняв подол длинной цветастой юбки, катилась Катерина. Следом за ней семенил Еремей Наливайко, жадным взором щупая полные икры вдовы.

В подполье у Катерины действительно плескалась вода и плавал бочонок. Но вода от дома была пока еще далеко и в сущности никакой опасности не представляла.

— И что глотку драла?! — разозлился Наумов. — Потоп, потоп!..

— Но вода-то, вода в подполье! — тыкала вниз пухлым пальцем Катерина. — Куда прикажете картошку засыпать?! Может, к тебе в подпол?

— А кадка-то, кажется, из столовой, — заглядывая в подполье, заметил Наливайко, решив хоть чем-то насолить вдове.

— Чтоб глаза твои на лоб повылазили! — снова забурлила Катерина. — Я купила этот бочонок на свои деньги!.. Сегодня замокать его опустила...

— А ну тебя! — отмахнулся Наумов. — Отрываешь людей от дела, — и, хлопнув дверью, вышел из дома. Наливайко поспешил за ним.

«Однако вода прибывает», — подумал Леонид Павлович, все еще негодуя в душе на глупую женщину, которая заставила тащиться по грязи через весь поселок. Раздула из мухи слона. — Почему здесь досок не настелили? — не оборачиваясь, через плечо спросил он завхоза.

— Да сюда только одна Катерина и ходит, — стараясь оправдаться, быстро вставил Еремей.

— Одна! — рассердился Наумов. — Небось и ты бегаешь?.. Надо бы мост закрепить, не то снесет к чертовой бабушке, — на деловой тон перешел Леонид Павлович. Хотел спросить о лесе, но вспомнил, что его уже по настоянию Волошиной перекатали дальше от берега. — Чем у тебя лошади заняты? — спросил Наумов.

— Воду одна к столовой подвозит, — начал перечислять Наливайко, никак не успевая следить за ходом мыслей начальника. — Другая от пилорамы лес возит...

— А остальные?

— Едят, — отчего-то упавшим голосом сказал завхоз.

— Едят, едят! — передразнил Наумов. — Проедают государственные денежки, дери их за хвост!.. Только ударят морозы, в лес отправлю, пару тракторов на трелевке заменят... И что ты за мной, как хвост, бегаешь?! — неожиданно осердился Леонид Павлович. — Дел нет, что ли?

— Да я хотел отпроситься на пару деньков,— робко начал Наливайко. — В колхоз съездить... Зерна для курочек раздобыть...

Но Наумов не слышал завхоза. Его внимание привлекли люди, столпившиеся у моста на том берегу реки. В душе Леонида Павловича шевельнулось нехорошее предчувствие. Оставив просьбу Наливайко без ответа, он поспешил к реке, на сей раз вышагивая прямиком по лужам. По голенищам сапог хлестали мутные, грязные брызги.

— Что там такое? — еще издали крикнул Наумов, стараясь через сетку дождя разглядеть, что делается на том берегу. Вода ударяла о накаты, переплескивалась через них, омывала настил из досок. Мост поскрипывал, вздрагивал. Сердце у Леонида Павловича упало — снесет. — Э-эй, там! — позвал он. — Давай сюда! — но потом осмелел, ступил на мост и, шлепая по мокрым доскам, сам направился к людям.

Это были рабочие с нижнего склада.

— А ну, быстренько кто-нибудь слетай в мастерские, зови всех сюда, — начал распоряжаться Наумов. — Механику Сычеву скажешь — пусть привезет парочку длинных тросов, будем ставить растяжки.

2

Не успели вылезть из автобуса, как брюхатая туча, повисшая над мастерским подучастком, рассыпалась дробью града. Градины, как воробьиные яйца. Они щелкали по головам с такой силой, что могли набить шишки. Подталкивая друг друга в спины, рабочие со всех ног кинулись к обогревательной будке. В тайге стоял такой шум, будто вдруг заработали все мотопилы, какие только имелись в леспромхозе.

— Закуривай! — бросил на холодную печь рукавицы Генка Заварухин. Потом сам уселся на них, достал из кармана папиросы: — Налетай, подешевело!

К «беломору» со всех сторон потянулись руки. Пачка вмиг опустела.

— На дармовое все мастаки, — усмехнулся Генка. Дунул в пачку, ударил по ней ладонями. — Ха-ха-ха! — Потом, отыскав глазами Корешова, подмигнул: что, мол, сдрейфили?

Платон потянул носом воздух, хлопнул по плечу Тосю:

— На лесосеке поговорим, дело есть. — Платон уже разговаривал с Виктором о заварухинском вызове, но тот ответил примерно так, как и предполагал Корешов.

Иван Вязов зашелестел газетой. Рабочие повернули к нему головы. Они уже привыкли, что в свободные минуты тот почитывал что-нибудь интересное. Но град отшумел так же неожиданно, как и налетел.

На дворе сразу заметно похолодало. Градом была обильно посыпана вся площадка верхнего склада, впечатление такое, будто выпал первый снег. Град так же похрустывал под подошвами сапог. У Виктора походка — носками внутрь. Руки держит — локтями наружу. «Боится, что Заварухин побьет, — шагая следом за ним, рассуждает Платон. — Тоже мне, гвардия...» Ему стыдно сейчас посмотреть в глаза Генке — смеется, подлец. И правильно делает, что смеется — комсомолия! Витька по ночам шляется с Сашенькой... «Женился бы, что ли, — бурчит его мамаша. — Вот Платоша — примерный парень...» От таких слов Корешова коробит: не хватало еще, чтобы в паиньки записали. Счетовод Наденька так и пялит глаза. «Может, любовь закрутить?» — спрашивает себя по ночам Платон. Но часы бессонниц так же редки, как и желание Платона «закрутить любовь» с Наденькой. Вот, черт, жизнь, а? Дед оказался геройским, — это преотлично, и он прожил свою жизнь по-геройски, а как быть Платону, его внуку? Он тоже не против геройской жизни, а здесь самая что ни на есть «обыденщина» — работа, дом — дом и работа. Может быть, прав Генка — волком завоешь от скуки...

Вчера забрел в гости к Тосе. Он живет на самом конце поселка в «доща». Так называют здесь домики-времянки. Они засыпные — эти времянки; зимой, если добре кочегарить печь, жить можно... У Тоси мамаша, бабка и младший братец — Тосина копия, такой же пу-

зырь. Отец в лесхозе работает и дома почти не бывает. А, может, он вообще с ними не живет: и такие слухи ходят... Тося и дома такой же важный, как и на работе, смехотура — вышел встречать Корешова в полосатой пижаме. Платона так и расперло от смеха — сдержался. Квартира невелика, а у Тоси нечто вроде кабинета рабочего — письменный стол. На столе книги. Однако по-настоящему удивился Платон, когда узнал, что Тося собирается поступить в Институт международных отношений.

— Хватил, — невольно вырвалось у Корешова, а когда вышел на улицу, вдруг не то зависть почувствовал, не то увидел собственную жизнь маленькой и бескрылой... Но почему? Почему? — неоднократно задавал себе вопросы Платон.

...Трактор, как гусак, переваливался из стороны в сторону. Мысли Платона от одной крайности бросались в другую. Они были подобны той градине, которая перекатывается на ладони Корешова. Витька сопит: обиделся на Платона, хотя откровенно и не высказывает этого. «Размахались по пьяной лавочке кулаками, теперь ломай голову. У Заварухина расстояние трелевки всего двести метров, а у нас все пятьсот, у него старые кедры, а у меня... Эх!» Витька так круто развернул трактор, что Платон ударился затылком о железную обшивку кабины.

— Шишки не набил? — участливо спрашивает Виктор. Ведь как-никак друзья. Вспомнилось, как в армии Корешов тащил его на спине километра три: на учениях Виктор ногу вывихнул... Можно сказать, с тех самых пор и завязалась у них дружба. Платон настырный, едва ли откажется теперь от мысли втянуть в соревнование с этим Заварухиным. А если он побьет, тогда позор... Вот черт! Так оно и случилось. Пока с пачкой хлыстов ездил на верхний склад, они уже обо всем договорились. Ничего не попишешь, против бригады не выступишь. Хорошо, что еще соревнование негласное...

— Ну, смотрите мне! — погрозил кулаком Виктор. — Теперь перекурить вам не дам...

— Только без грома! — заметил Платон.

— Грома, — передразнил Виктор. — Думаешь, мне охота, чтобы трактор из строя вышел. Дудки, не такой дурак.

В этот же день Платон передал Заварухину, что вызов принят. Генка то ли не ожидал этого, то ли в трезвом виде рассудил, что сорокинцы тоже не лыком шиты, но бахвалиться не стал.

— Ладно, посоревнуемся, — хмуро буркнул он.

Но Платон рад. Тосе было поручено ежедневно узнавать показатель заварухинской бригады. Он завел даже специальную тетрадь и с присущей ему аккуратностью записывал туда цифры:

Бригада Заварухина — 89 куб.
Бригада Сорокина — 78 куб.

— Я же вам говорил, опозоримся, — бурчал Виктор, тыча пальцем в тетрадь.

— Не тычь, запачкаешь, — спокойно перебивал Тося. — С горячей головы умного дела не решишь...

— Умники, — возмущался Виктор. — Дипломаты...

Николай в таких случаях отмалчивался. Анатолий участвовал в разговорах постольку-поскольку. Платон чувствовал себя виноватым. Виноватым потому, что это соревнование как будто не трогало ребят, они принимали его как должное. Так иногда бывает на собраниях — тянет человек руку лишь потому, что другие так поступают. А что к чему — не его дело: пусть начальство за нас думает, на то их и поставили, чтобы они думали... Впрочем, о начальстве он меньше всего думал. Он думал о том положении, в которое попал из-за своего дурацкого характера — ни в чем никому не уступать... Но Виктор был прав: чтобы победить Заварухина в соревновании, надобно было не только желание, и даже умение, надо было нечто большее.

Платону иногда хотелось похвалиться дедом. Рассказать о нем всему миру — вот он какой!..

Сизов вызвал меня, как видно, для последнего разговора. Он был чем-то расстроен и зол, все время нервно расхаживал по землянке. Я не мог не заметить, что перед моим приходом между ним и бородачами произошла крепкая перепалка. Бородачи сидели красные, как вареные раки, и не глядели друг на друга.

На сей раз со мной долго не церемонились. Кончилось тем, что один из бородачей подошел и ударил меня по лицу. Молотил до тех пор, пока не вышиб сознание. Иуды! Окатили ключевой водой. Пришел в себя — глаз не могу открыть — заплыл, рот полный крови. Выволокли на улицу. Режет глаза — солнце, пахнет цветами и так хочется жить... Сынишку бы вырастить. Меня на ноги поставили. Чувствую, сейчас упаду. Подхватили под руки... Расстрелять, видно, решили публично. Из землянок, как черви, выползали люди, скалили зубы, плевались, подонки...

«Санька возвращается», — говорит кто-то за спиной.

«Санька, чертов брат», — шепчу я. Шепчутся и они. Слышу, кажется Сизов: «Уведите, быстро...»

Все, прощай сынишка, жена, прощай мама... Я не верю, будто смерть можно принять вот так — не сожалея, с вызовом. Жизни всегда жалко, и смерть всегда страшна. Не хотят при брате расстреливать. Толкают в спину... Все, как во сне. Поддерживают под руки — здорово, гады, изуродовали. Стараюсь разодрать напухшие веки. Справа идет тот, кто флягу с водой и жрать в землянку сунул... Оборачиваюсь к нему, воротит морду. Это хорошо, когда хоть малость в человеке есть совесть... Напарник — сущий дьявол. Этот не промахнется.

— Жалко дядьку, — говорит тот, что идет по правую сторону.

— Таких вешать надо, а не жалеть, — отвечает другой. — Хватит иттить, давай кончать...

Поставили спиной к дереву. А тайга-то, тайга как пахнет!..

Выстрел. Падаю в бездну. Все. Никогда не думал, что так просто умирать.

3

Волошин слышал, как в кухне перешептывались Анна с женой. Слышал обрывочные слова: «шуба», «мой Нестер» и еще что-то в этом роде. Илья вот уже какой раз принимался читать журнал «Мастер леса», но ни-

что не шло на ум. Шепоток просачивался в комнату, выводил его из душевного равновесия. Со свояченицей Илья был в натянутых отношениях, но не пустить ее в дом он не мог, не имел права. Как-никак Анна — родная сестра жены. «С чего ради так расщедрился Полушкин, — недоумевал Волошин. — Или это выпад против Вязова?.. Дьявол разберет этого Полушкина, темный и непонятный человек...» Нет-нет да и всплывет наружу позор, иглами заколет сердце...

Илья отложил журнал, прошелся по комнате, взял с этажерки тетрадку, полистал. Стихи! Прочел одно — понравилось. Складно, с душой написано. «Неужто Ритка сочинительством занимается, — подумал он. — Тоже мне, начальство!» — Илья присел к столу. Стихи он раньше не читал и не любил, а здесь отчего-то взяли они за душу, не оторвешься.

Услыхал скрип отворяемой двери, виновато сунул тетрадку между книг, думал, дочь пришла. Но в кухне голос как будто бы Нестера Полушкина. Прислушался — и верно, он самый. Только этого еще не хватало, — так и вскипело в душе. Размеренно тяжелым шагом вышел на кухню, перехватил испуганный взгляд жены и Анны, прокашлялся.

— Давненько не захаживал, свояк! — недобро прогудел Илья.

— Да уж верно, давненько, — потупился Полушкин. — Ты уж прости, своякам порознь жить не полагается...

— Что было, то быльем поросло, — выпрямился Волошин. — Выйдем, потолкуем, при женщинах не совсем удобно, — он накинул полушубок, вышел во двор. Следом несмело Полушкин.

Остановились у калитки.

— Я с тобой драться не собираюсь, — выдохнул Илья. — Но вот тебе мой наказ, чтоб и ноги твоей в моем доме не было. А теперь иди, — он распахнул калитку, в спину Полушкина бросил: — Разные у нас с тобой дороги, свояк...

Мимо Волошина за Нестером в калитку мышкой прошмыгнула Анна.

Илья закурил.

— Ты с кем это, папа? — подошла Рита.

— Так, одному родичу дорогу показал...

— Ты не дрался? — испуганно спросила девушка, догадавшись о каком родиче сказал отец.

— Что ты, доченька, — обнял Риту за плечи Волошин. — Пойдем, лучше мне свои стихи почитаешь..

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

После дождей сразу похолодало. По утрам настывшая за ночь земля гудела под гусеницами машин и тракторов. В прохладном воздухе трескотня мотопил стала резче, хлеще ударяла в уши. На ночь в радиаторах машин шоферы не осмеливались оставлять воду, а вахтер гаража, бессменный дед Севрюк, начал топить в сторожке печь.

Гудели телеграфные провода. Гудела стылая земля. Шумела голыми ветвями тайга.

Заканчивались последние приготовления к зимним лесозаготовкам. Рита закончила составление технологической карты вновь отведенных лесосек. В автопарке у мастерских стояли новенькие будки с одной задней полуосью. Передняя часть будки ставилась на площадку лесовозной машины. Будки были отделаны старательно, хорошо утеплены. Ведь кому, как не самим рабочим в лютые морозы забежать отогреться в ней или, наработавшись за день, возвращаться домой...

Рита стала чаще наведываться в мастерские к механику Сычеву. Она понимала, что от готовности механизмов будет зависеть успех дела. Если в зимний период они условно выполнят годовой план, тогда ее проект получит право на жизнь.

— Не беспокойтесь, Маргарита Ильинична, — успокаивал ее Сычев, благодушно улыбаясь. — Механизмы будут работать, как часики. Вот только резины маловато, да и запчастей не густо...

«Если бы работали, как часики, — думала Рита. — Колесные прицепы частично заменим санями. Пять штук к зиме будут готовы. Обещали прислать еще один автокран...»

Она с наступлением холодов одевалась по-мужски — ватник, шапка-ушанка и сапоги. Рита, выйдя из мастерских, в воротах столкнулась с отцом.

— Заварухин опять на работу не вышел, говорят в общежитии пьяный валяется... Жалко парня, пропадет, — как-то странно посмотрел Илья на дочь. — Думаю сходить, посмотреть...

— Не надо, я сама схожу. — Рита выдержала взгляд отца, повернулась и, щелкая каблуками сапог о стылую землю, направилась к общежитию.

Она надеялась застать Генку растерянного, виноватого. Но получилось так, что тот заговорил первым. Он сидел на кровати босой, в расстегнутой рубашке. Во всем его облике было что-то злое, настороженное. Заварухин исподлобья посмотрел на Волошину.

— Зачем пришла?

— Почему не вышел на работу? — остановилась Рита у дверей.

— Отстаньте, вы! — Генка резко поднялся, засунул руки в карманы брюк, прошлепал босыми ногами по грязному полу к окну. Повернулся спиной к Волошиной. Рубашка мешком свисла с заварухинских плеч.

Рита взяла стул, смахнула с него крошки хлеба, села. Генка не оборачивался и ничего больше не говорил. На стене мерно и громко тикали «ходики».

— Послушайте, Заварухин, — заговорила Рита. — Кому и что вы хотите доказать вашей пьянкой? Кому? Мне или начальнику лесопункта? Посмотри, на кого ты похож!.. Ведь ты отлично можешь работать. И пора бы начинать жить по-человечески. В последний раз предупреждаю, брось прогуливать!.. — Рита громче, чем это следовало бы, хлопнула дверью. В коридоре столкнулась с завхозом Наливайко.

— Почему у вас так грязно в комнатах, где уборщица, почему нет питьевого бачка? — наступала на него Рита. Злость на Генку неожиданно вылилась на голову Наливайко.

Еремей стал шарить по карманам, достал связку ключей, открыл одну из дверей.

— Пожалуйста, — ухмыльнулся он. — Порядочек!

В комнате была идеальная чистота. Кровати заправлены белоснежными простынями, блестел краской чистый пол. — Не желаете ли в другую комнату заглянуть? Вы здесь, Маргарита Ильинична, редкий гость.

Рита видела спину завхоза, но знала, что он издевается, он торжествует.

— Вы, наверное, имеете в виду ту комнату, где проживает Заварухин? Но что я с ним могу поделать? Вот напился пьяным...

— Он болен, а не пьян, — сурово оборвала Рита. — Вам ясно? — почти выкрикнула она.

— Но...

— Никаких но! Позовите сейчас же уборщицу, пусть она приберет у них в комнате. Приду проверю.

— Будет сделано, я сейчас, живо, — засеменил по коридору Наливайко.

Рита прислушалась. В комнате Заварухина было тихо. Он, наверное, слышал все, что говорилось в коридоре.

2

Курица — не птица, лесопункт — не город. Но человек везде остается человеком. Наденька, эта белокурая щуплая девчушка, все настойчивее строила глазки Платону. Она бросила работу в конторе и перевелась в лес бракершей. Теперь в автобусе она старалась подсесть ближе к Корешову, в поселке при встречах рдела, как маков цвет, и лепетала «Здрасти!» А в общем-то все это выглядело по-детски смешным. Платон переживаниям Наденьки не придавал никакого значения. Однажды во время обеденного перерыва он в шутку сказал:

— Женился бы на той девушке, которая вон с того кедра достала бы шишку...

Все так и ахнули: Наденька сбросила телогрейку, побежала к дереву. У основания оно было без единого сучочка. Одно неверное движение, и девушка бы сорвалась на мерзлую землю.

— Что за шутки? — выругался Волошин — Назад! Надька! Назад, тебе говорю! А-а, дьявол! А ну становись вокруг дерева, если что — ловите...

Но Наденька благополучно добралась до нижних сучьев, легко подтянулась и помахала оттуда рукой.

— Слезай, дьявол тебя дери!— негодовал Илья Филиппович.— Жить тебе надоело, глупая голова!..

Наденька ловко поднималась все выше и выше. Почти у самой макушки она сорвала шишку и стала спускаться. Платон следил за ней, затаив дыхание. Шутка могла кончиться плохо. Кто-то из девчат охнул, когда в одном месте у Наденьки под ногой надломился сук. Те-

перь даже и Волошин перестал возмущаться, боялся отвлечь внимание Наденьки. Метр, еще метр... Кора посыпалась из-под цепких пальцев девушки. Раздался вздох облегчения, когда Наденька спрыгнула на землю. Руки были красны от холода, но глаза блестели.

— Так, кто хотел шишку с этого дерева?— звонко выкрикнула она.— На, получай,— Наденька сунула шишку опешившему Платону, потом закрыла ладонями лицо и, стыдясь своих слез, своей выходки, опрометью кинулась к обогревательной будке.

Илья погрозил Корешову пальцем.

— За такие шутки уши отдеру!

Напряженная минута лопнула, как мыльный пузырь, рассыпавшись на десятки острот и непринужденный смех рабочих.

— Теперь, парень, женись, раз обещал, — говорили они.— Только на свадьбу не забудь пригласить... Ха-ха!

— А, ну вас! — Платон машинально сунул злополучную шишку за пазуху ватника, зашагал по волоку на свою лесосеку.

Волок горбатый, волок, как выщербленная оспой кожа. Он густо посыпан иглами кедра и пихты, корой и закрученными в бараний рог сучками. Осенью в лесу образуются как бы просеки, по ним далеко, далеко проглядывается тайга. А сучья путаются под ногами, похрустывают, вот так бы, кажется, шел по ним да шел. Но по волоку далеко не уйдешь. Разве только на пологий склон сопки, где жухлая трава вдавлена стальными башмаками гусениц в землю и перемешана с ней.

И смешно и горько Платону вспоминать девичью выходку. Знал разве кто, что в таком хрупком тельце вдруг окажется столько пыла. Вспыхнула огоньком, приоткрыла на миг свои сокровенные думки... Как от хмеля кружится корешовская голова, но знал он, что это ненадолго, что это пройдет, как проходило раньше...

Кончился обеденный перерыв, загрохотала, заухала тайга — и все прошло. Осталась только смолистая шишка, большая, как сердце маленькой Нади.

Бригада Заварухина — 80 куб.
Бригада Сорокина — 79 куб.

— А один кубик нельзя? — Анатолий указательным пальцем пишет в воздухе единицу.

— Не дорога твоя совесть — один кубометр.— Тося захлопывает тетрадь и сует за пазуху. Он всегда носит ее с собой. — Все-таки догоняем, а? — Парень выкатывает глаза. Они у него не то серые, не то зеленые. Впрочем, это и неважно, какие глаза у Тоси,— он не девушка...

— Один кубометр? — До Николая будто бы только сейчас доходит смысл. К тому же он впервые проявил интерес к записям в Тосиной тетради.— Один кубометр? — снова повторяет он, морщит лоб.

Анатолий толкает в бок Платона, кивает на «женатика». Ребята переглядываются — надо же, и этого за живое задело. Сейчас наверняка что-нибудь такое сморозит, что со смеху подавишься.

Николай говорит:

— Знаете что? Не знаете?

— Знали бы, не слушали...

— Надо еще рейс сделать...

— Долго думал? Пора, ребята, автобус идет,— встал Виктор.

— А это мысль! — подхватил Платон. — Как ребята, согласны?

— Да вы всерьез? Сами говорили о рвачестве, а это как называется?..— упирался Виктор.

— Один кубометр,— Тося тянет вверх указательный палец.

— Знаем, к Сашеньке торопишься, а кто домой не торопится? У Николая семья и тот согласен... Ну, Виктор?

— Черт с вами, поехали!

— Вы куда, сорокинцы? — кричали из автобуса.

— В лес, за кедровыми шишками.

— Подрабатываете?

— Угу...

Домой поехали на попутных машинах: вывозка шла круглые сутки.

Утром в автобусе Тося умудрился передать Заварухину записку. На ней жирными цифрами было выведено — 80 и 87. Генка даже рот открыл, потом стрельнул глазами в сторону сорокинцев, и снова уставился в записку.

— За шишками, — хмуро буркнул он, сложил записку и зачем-то спрятал ее в нагрудный карман.

По ночам Поликарпу Даниловичу не спалось. Вот уж какой день собирался он поехать в райком партии, передать тетрадь, да все как-то откладывал.

Очнулся от прикосновения к лицу чьих-то рук. Чувствую, что лежу на земле. Чувствую, что кто-то стоит надо мной, все чувствую, а нет сил открыть глаза и баста! Во всем теле лень и какое-то тупое безразличие... Потом слышу, шепчет кто-то в самое ухо:

— Это я, Санька. Тебя ранили... Не успел... Потерпи, я тебя отволоку в надежное место, здесь неподалеку...

Санька, ранили — ничего не понимаю. Только чувствую, что меня стараются поднять. Острая боль в груди и ногах. Сознание опять куда-то проваливается...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

И вдруг после злых, как голодная волчья стая, ветров — тишина. Уши точно ватой заложило. Ночью Платон в калошах на босу ногу вышел во двор. Сунул с крыльца ногами раз, другой — ошпарило, хрустнуло под пятками. Снег. Рысцой в огород и быстрехонько домой.

Зима...

Утром чуть свет в новых будках поехали в лес. В будках просторно, тепло. Похваливают рабочие смекалку Василия Лапшина, дивятся, как это раньше никому в голову не пришло. А за узкими окошками разнаряженная в белое, как невеста на свадьбу, тайга. Когда будка подпрыгивает, Платону кажется — подпрыгивает за окошками и тайга, покачивают белоголовыми шапками пни, помахивают этак по-приятельски широколапыми ветвями взгрустнувшие ели... Ощущение у Платона такое, словно всю жизнь только и знал, что ездил в тайгу. Будто бы вот так всегда сидели напротив Илья Волошин в лохматой бараньей шапке, Иван Вязов или же рассудительный Тося с красными, как морковь, щеками.

Верхний склад теперь значительно дальше, чем тот, на котором работали летом. Теперь новый склад и новые лесосеки. Летом здесь лес не возьмешь — болота. Зимой в самый раз. И дороги сюда вести не надо. По осени спилили деревья, выкорчевали пни — и готово. Дешево и сердито. За работу принялись с подъемом, азартно, аж треск по всему лесу пошел.

Через неделю снега навалило выше колена, а где и по пояс. Платон вывалял Тосю в снегу. Тося, размахивал руками, безобидно бубнил:

— Чем смеяться, лучше бы помог. — Пробуравив глубокую колею, наконец выбрался из ямы. Поеживаясь от таявшего за воротом снега, вскарабкался на толстый, трухлый тополь. Тополь горбатился из-под снега. Он точно хотел сбросить паренька и еще раз погреть свои корявые бока под нежарким солнцем. Оно, как медный пятак с радужным ободком, висело над тайгой. Мороз в сопках злее тещи.

Стрелки на циферблате наручных платоновских часов катят, но отчего-то не катит с верхнего склада сорокинский трактор.

— Поломка, может, какая? — предположил Тося. На ресницах у него намерзли сосульки, глаз почти не видать.

— За такую новость следует тебя еще раз в яму сбросить,— отозвался Платон.

Трактор на волоке не появлялся. А за их спинами падали деревья.

— Я сбегаю, узнаю, в чем дело,— Корешов спрыгнул с тополя, зачерпнул в валенки снега, побежал к волоку. По укатанному волоку бежать стало легче. Через каждые десяток метров он останавливался, слушал. Рокотали тракторы справа, слева, на соседних лесосеках, а впереди только глухое жужжание мотопил.

Сорокинский трактор Корешов увидел тотчас, как только расступился кустарник. Он стоял по ту сторону площадки верхнего склада, виновато уткнувшись носом в бочку с соляром. Боковые крышки капота были сняты и валялись тут же около гусениц. Виктор коленями стоит на гусенице, голова и плечи под верхним капотом, виден только оттопыренный зад в стеганых брюках.

— Ну, что?— Платон дернул парня за ногу.

Показалось злое, перемазанное маслом лицо Виктора. В руках у него изогнутая трубка масляного насоса. Подошел Волошин, через плечо Корешова вытянул кадыкастую шею.

— Ну, что?— слово в слово, как только что Платон, спросил он.

— Трубка лопнула,— шмыгнул замерзшим носом Виктор.— Вот,— он поднес ее к самым волошинским глазам, полюбуйтесь, мол.

Илья взял трубку, постучал ногтем пальца по разорванному месту, удивленно хмыкнул:

— Вода?!

— Сам не понимаю, откуда она там взялась.

— Давай-ка быстренько на попутной машине в мастерскую съезди,— приказал мастер.

На то, чтобы съездить в мастерскую, ушло около двух часов. Поэтому до обеда бригада Сорокина бездействовала. Платон, Тося и Анатолий, чтобы не слоняться без дела, занялись расчисткой подъездных путей к поваленным деревьям. Ребята хмурились и больше не балагурили. Балагурить время, когда идут дела хорошо, а здесь, на́ тебе, оказия какая приключилась. Эх, не видать им первенства, как своих ушей!..

В обогревательной будке на Доске показателей на следующий день белым по черному было написано:

Бригада Г. Заварухина стрелевала 93 куб.
Бригада В. Сорокина — 86 куб.

Генка, конечно, не хвалится, но хвалится за него Доска показателей. Эти цифры тычатся в глаза парням и утром, когда они едут в лес, и в обеденный перерыв.

Вот уж и забили в рельсу. Подкатила машина, привезла обед. Обед — суп горячий и котлеты с рисовой кашей. Рабочие едят да Катерину, повариху, похваливают. А у Виктора кусок в горле застрял. И зачем только заварухинский вызов принял?.. Вон сидит. Рожа красная с мороза, наворачивает первое за обе щеки, на второе денег не хватило, пропил... Но как оказалась в трубке масляного насоса вода?

Обед окончен. Сытная еда нагоняет сон, но трактор Виктора лязгает по волоку башмаками гусениц злее, чем до обеда. Он желает наверстать упущенное время, но, попробуй, догони его теперь?..

На разогретую выхлопную трубу садятся мохнатые снежинки и тут же превращаются в пар. Сзади за трактором волочатся хлысты. А мороз жмет на пятки, оседает синеватым туманом на ели.

2

«Раз, два, три»,— считает про себя Рита. Она с закрытыми глазами гадает, сойдутся или не сойдутся концы пальцев. Глупая давняя школьная привычка. Кончики пальцев коснулись, значит, все будет хорошо.

— Ай-яй-яй! — цокает языком Наумов. — Технорук, комсомолка, а на пальцах гадает,— смеется начальник лесопункта. На нем белый дубленый полушубок и серые валенки на три портянки с шерстяным носком. Щеки Леонида Павловича покраснели от мороза, глаза блестят. А глазам есть отчего блестеть. — Верно, Маргарита Ильинична, отгадала! — приподнято говорит он. Достает из кармана полушубка газету, разворачивает, показывает статью.

— В краевой газете о нас написано,— Наумов, довольный, потирает руки. Распахнув полы полушубка, плюхается на стул.

— Как бы не захвалили, — пробегая глазами статью, отвечает Рита. Статья ей не нравится, она напыщенная, как праздничная передовица.

— Иногда похвала лучше любой критики,— констатирует Леонид Павлович. Он настроен благодушно. «Уж очень въедливая она стала,— думает он о Рите. Пора замуж выходить. Когда девушки засиживаются в невестах, они становятся вредными...» — Наумов улыбается собственным размышлениям. Его так и подмывает высказать их вслух, но смелости не хватает. Уж лучше эти афоризмы при себе оставить.

Телефонный звонок.

— Фу, аж испугался! — отдувался Наумов. — Алло! Алло! — кричит он в трубку. В трубке что-то гудит и попискивает.— Да-а, Наумов у телефона. Кто говорит? Ты, Валюша? — звонит из леспромхоза секретарша директора. — Ясно, ясно... Будь здорова, красавица!— кладет трубку.— Начальник сплавной конторы выехал к нам, через полчасика будет...

Наумов смотрит на Риту вопрошающим взглядом.

«Придется поездку в лес отложить»,— думает Рита. К чему может придраться начальник сплавной конторы? Она хорошо знает придирчивый характер Куприянова.

— Никитич, — стучит кулаком в стену Наумов. — Приготовь быстренько сводочку, сколько бон сделали, багров, в общем, все там подбей...

— Попадет нам, Леонид Павлович, — говорит Рита. — На третьей косе лес в штабеля без покатов сложили. Проглядели.

— Ничего, мы его на третью косу не поведем, — подмигивает Леонид Павлович. — Он хошь и начальник, но не нам начальник, а потом, как-никак, гость!..

Куприянов приехал ровно в половине второго. Леонид Павлович так и не успел сходить пообедать. Пригласить начальника сплавной конторы отобедать, еще чего доброго подумает — подмазывают. Вот так глупо, из-за обеда, у Леонида Павловича упало, а потом и вовсе испортилось настроение. Он застегнул полушубок до самого подбородка, поднял воротник. Простывать в его годы не полагалось.

У Куприянова ноги длинные, вышагивает впереди, как гусь. На ногах сапоги. Они настыли и цокают по дороге, как железные, «Ему, наверное, холодно, потому так и спешит», — думает Рита.

— В кедрачах был сегодня, — бубнит Куприянов. Чтобы его слушать, надо задирать голову. — Проверял штабеля да провалился, оставил валенки сушить. Там без покатов поскладывали лес. Сами потом весной будут пуп рвать, — покрутил головой начальник сплавной конторы.

«Вот журавль, бежит и бежит, — думает Наумов. Стало жарко, но он не решается расстегнуть верхнюю пуговицу. — А желудок подпирает, кишка кишке протокол строчит. Эх-ма, есть-то как хочется». — Леонид Павлович шарит по карманам. В левом кармане полушубка засохший кусочек хлеба. Нерешительно сунул его в рот, пососал. Но это только больше разожгло аппетит. Тоскливо, тоскливо стало у него в глазах, даже про третью косу забыл.

На нижнем складе, неподалеку от штабелей, костер потрескивает, бракер от сплавной конторы, молодой белобровый паренек, приплясывает, отогревается. Завидев начальство, одернул телогрейку, шагнул навстречу.

— Ты мне лес сожгешь! — напускается на паренька Наумов.

— Да брось ты к нему приставать, — благодушно гудит Куприянов. — Думаешь, один раз погорел, так теперь все время гореть будешь. Сейчас и нарочно его не подожжешь, — пинает он носком сапога комель бревна, на котором виднеется вмятина от бракерского топорика.— Гм,— Куприянов пальцем подзывает бракера.— Почему первым сортом разметил?

— Ты, Василий Софронович, того,— выступает вперед Наумов, загораживая спиной паренька.— Я тоже ГОСТы знаю. Здесь чистый шлюпочник,—Леонид Павлович нагибается, варежкой смахивает с бревна снег. Можно подумать, что это бревно ему сейчас дороже всего на свете.

— Второй сорт,— упрямо заявляет Куприянов.— А ты ГОСТы подучи,— через голову Наумова говорит он молодому бракеру.— В следующий раз приду, проэкзаменую лично...

Рита молчит. Рита знает, что Куприянов прав, но все-таки она должна присоединиться к Наумову. Куприянов занижает сортность еще нескольким бревнам. Но легче их ножом перерезать, чем переубедить начальника сплавной конторы.

— А где у вас третья коса? — выпустил из носа струйки морозного пара Куприянов.

— Ох, и есть хочется,— не вытерпел Леонид Павлович. Приятельски тронул Куприянова за рукав.— Поверишь, Василий Софронович, росинки маковой во рту с утра не было...

— С морозца оно лучше кушается,— не удержался от улыбки Куприянов.— Давай, давай, старина, веди на третью, — и его огромная ручища опустилась на плечо Леонида Павловича.

До третьей косы метров пятьсот и все эти пятьсот метров Наумов вздыхал и охал. Вздыхал и охал под его валенками снег. Под подошвами куприяновских сапог он визжал, как под полозьями саней, под валенками Риты —тревожно похрустывал.

У Куприянова глаз наметанный, старого бракера трудно обмануть. Посмотрел сверху вниз на притихшего Наумова, на виноватую Валошину, погрозил на этот раз не пальцем, а кулаком, шагнул за штабель.

— Ну что, провели? — шепнула Рита Наумову.

Леонид Павлович описал окружность вокруг собственного носа.

3

Не усидел-таки дома Поликарп Данилович. Пришел к Наумову — давай работу, и все тут. Долго Леонид Павлович ломал голову, куда старика пристроить, и нашел — в столяры.

Теперь Поликарп Данилович возвращался домой с прилипшими к стеганым брюкам мелкими шероховатыми опилками. От него пахло смолистыми стружками и крепким табаком-самосадом. Табак этот висел на чердаке, связанный пучками, как веники. Приготовлять его Поликарп Данилович никому не доверял. Сам крошил листья, рубил крошки, при этом громко чихал и сам себе желал прожить сто лет. «Сто лет» прожить, конечно, теоретически, можно. Можно и больше... Но как прожить? Не думал и не гадал Поликарп Данилович, что на старости лет придется задуматься о «смысле жизни».

Записки Панаса Корешова разбередили стариковскую душу, уже было приготовившегося мирно и ровно дожить остаток жизни...

> Открыл глаза. Что это! Над головой толстые накаты из бревен. Не то изба, не то землянка. Тихо. Никого. Стараюсь в памяти восстановить все, что произошло со мной. В меня стреляли, это ясно, как дважды-два. Ноги перебиты и грудь навылет... Но почему не прикончили насмерть? Санька... Он или кто-то другой принес меня сюда.
>
> Шаги. Слышу отчетливо, как хрустят ветки. Санька. Он наклоняется надо мной. Не выдерживает моего взгляда, отворачивается. Стыдно. Потом молча приподнимает мою голову, молча подносит ко рту ложку.
>
> — Поешь, потом все объясню,— говорит он. И я ем. Я должен жить, должен восстановить силы, должен выбраться из тайги.
>
> — Самую малость не успел,— скороговоркой выкладывает Санька. — У меня уже план был, освободить тебя и вместе удрать... Надоела эта со-

бачья жизнь, прячемся по лесам, как звери. Знаю, судили бы, но на моей душе ни одного... Ни одного греха, можешь верить, можешь нет...

— Почему меня не убили? — одними губами спрашиваю я.

— Тебя убили... думали, что убили. Я прибежал на выстрелы, а они уже мне навстречу: иди, говорят, рой могилку, если охота. Я к тебе, а ты дышишь... Незаметно перенес тебя сюда, в землянку. Эх!... Сизову сказал, что похоронил... Теперь мне нельзя с ними рвать, буду тебе тайком жратву носить, поправишься, тогда махнем отсюда... Лежи,— и ушел.

— По весне свожу тебя, Платон, к этой землянке,— говорил Поликарп Данилович. — Прах деда надо почтить... — И без всякого перехода: — Мой балбес сегодняшним днем живет; бывало, начну о делах партизанских рассказывать, нос воротит, я, говорит, батя, все это в книжках читал... Сейчас, говорит, все старики выдают себя за партизан, друг о друге воспоминания пишут... Похваляются, мол, все. Может, и верно, некоторые сейчас примазываются к славе партизанской. Есть такие. В прошлом году героям гражданской войны памятник в районе открывали, съехались бывшие партизаны, речи говорят, вижу дед Пожигов на трибуну собирается лезть. Я так и вскипел. За рукав его схватил и говорю: «Ты куда это, а? Забыл, как семеновцев да каппелевцев охаживал, как гульбища с ними устраивал да на вдов наводил?..» Дед Пожигов втянул голову в плечи — и шмыг в толпу. Сейчас меня за километр обходит... Вот так-то, Платон Корешов!

А, может быть, это и лучше — жить сегодняшним днем, думал Платон.

«Завтра ахнет водородная бомба — и все к чертовой бабушке полетит,— один пижон, когда Корешов сюда ехал, такую философию разводил да припевал: — Надо понимать дух времени!..»

— В армию бы тебя, да метров пятьсот по-пластунски на брюхе заставить ползти,— сказал тогда Платон. Пижон обиделся, а Платон еще бросил ему вдогонку: — Брюки узкие, не выдержали бы, лопнули...

Ну, возможно, насчет брюк лишнее сказал: вчера сам ходил в магазин костюм покупать. Пиджак, как пиджак, а брюки узкие...

— Мода, — сказал продавец. — Дух времени.

— Дух времени,— раздражаясь, повторил Платон.

Продавец только плечами пожал. А Платон, вышагивая домой с покупкой, спрашивал себя, неужели он за три года в армии отстал от жизни. Но ведь лесорубы, которых он узнал за это время, едва ли бы стали измерять дух времени размерами штанин или водородной бомбой. Они словно были выше этого. Они работали и знали то, чего пока не знал Платон. Он отработал положенные часы — и все тут, а они, он это видел, находили в работе то, что составляло смысл всей их жизни. Но что? Платону тоже хотелось чего-то большего, чем просто работать, чем просто жить...

4

Иногда навалится счастье горой. Его много, но отчего-то гложет сердце тревога, что недолговечно это счастье. Что наступит день, сползет эта гора, раскрошится, а под ней пусто, как и прежде. Такое настроение часто переживала Анна. Ну, чего бы, казалось, надо. Муж приходит домой трезвый, ласковый, купил дорогую шубу, разодел, как королеву. И детишки не разуты, голодом не сидят. А вот нет-нет да и нальется непонятной тоской Аннино сердце, забьется, как в клетке птица, и на глаза как-то сами собой накатываются непрошеные слезы.

А сегодня пошла она в магазин. День воскресный, народу на улицах страсть как много. Идет Анна, и кажется ей, что смотрят на нее искоса, как бы чуждаются. В воскресенье обычно соседи друг к другу идут. Ну, посидят, поговорят, не без того, конечно, чтобы рюмку, другую не пропустить. А здесь одни-одинешеньки. Ни к ним никто не ходит, ни они ни к кому. Разве только на минутку к сестре забежишь...

Накупила Анна продуктов в магазине. Но домой отчего-то не пошла по главной улице, свернула в переулок. Пацанье с горки на санках катается, а один, пострел этакий, бойкий на язык, возьми да крикни:

— Глянь, Полушкина идет, расфуфырилась!..

Анну точно кто по спине кнутовищем ожег. Прибавила шагу, подняла воротник шубы, хотя на улице и нет ветра и не так морозно. Под чесанками снежок скрип-скрип, скрип-скрип!

— Здравствуй, Анна Васильевна! Как поживаешь?

Даже вздрогнула от неожиданности женщина. Подняла голову. Иван Вязов усы щиплет, глаза смеются.

— Спасибочки, хорошо, — отвечает Анна.

— А в глаза-то чего не смотришь? — загородил он дорогу. — Наверное, не так уж и хорошо?

«До чего въедливый,— думает Анна. — Так в самую душу и смотрит».

— Да так, — неопрсделенно пожимает она плечами. Нечего ответить, сама в своем счастье не разберется.

— Я тебе не хочу плохого,— говорит Иван Прокофьевич. — Если между вами все хорошо, значит, хорошо. Только скажу одно. Не потеряешь голову, счастье твое никто не отберет, потеряешь — счастье может недолговечным оказаться...

«Непонятное что-то говорит,— размышляет Анна.— Ах, сердце захолонуло».

— Да, слышал я — рукодельница ты хорошая. При клубе кружок художественной вышивки, а руководить некому, может, возьмешься, а? — передернул усами Вязов.— Это тебя не очень обременит, один раз в неделю, на пару часиков...

— Ой, что вы! — по-девичьи заливается краской Анна.— Какой из меня начальник!

— Начальниками, Анна, не родятся, начинают с малого. Ну, так как, согласна?

— Не знаю, право,—робко отвечает Анна.—Нестер, может, и не пустит.

— С мужем твоим потолкуем,— веско замечает Иван Прокофьевич.— Думаю, что согласится. Но ты-то как?

— Да я что, я согласна...

— Вот это уже дело. Бывай здорова, Анна Васильевна.

— Всего благополучного,— женщина робко протянула руку и заспешила домой.

Иван Прокофьевич посмотрел ей вслед. Лицо вдруг посуровело. Чувствовал — неспроста расщедрился Полушкин. Не такой он человек, чтобы лишней копейкой бросаться.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Библиотека, как воробьиное гнездышко, прилепилась к задней бревенчатой стене клуба. Но хоть и бревенчатая стена, но неглухая — протрухла шпаклевка из моха, покрошилась. И через эти вот щели, сюда, в библиотеку, просачивается иногда вечером развеселая музыка, тянет вальс баян, плетет басами узорчатые звуки... Хватают они за душу библиотекаря Дусю. Облокотилась она о стойку, подперла пухленький подбородок пухленьким кулачком, прикрыла мечтательно глазки — и хоть трава не расти.

Платон постоял около Дуси, кашлянул в кулак.

— А? — встрепенулась девушка, отчего-то стыдливо закрыв ладошкой вырез платья на переспелой груди. Глазами хоть и смотрит на парня, но глаза-то у Дуси там, за бревенчатой стеной, завистливо провожают пары...

— Мне бы книжечку выбрать, — говорит Платон.

— Проходите и выбирайте себе на здоровье! — Можно подумать, что Дуся обижена. Из-за такого вот пустяка ее отвлекают и не дают послушать музыку. Она снова облокачивается о стойку, и снова пухленький подбородок удобно умащивается на пухленьком кулачке.

Платон на цыпочках проходит за стойку. У него в груди сейчас другая музыка. Вот они ряды книг! Веет романтикой морских просторов и шумом девственных лесов от книг Фенимора Купера, отдает старообрядческой стариной от Лескова, пахнет донскими степями от шолоховского «Тихого Дона». Рядом с этой книгой сунула, наверное, впопыхах библиотекарь роман Анатолия Калинина «Суровое поле». Платон взял книгу, втиснулся между пыльных стеллажей — и для него тоже хоть трава не расти.

В библиотеке за маленьким столиком шелестят страницами журналов бульдозерист Марченко и незнакомый Корешову рабочий. Через некоторое время, вместе с клубами пара, ввалился еще один. Усы заиндевели, посеребрил ему мороз широкие, пышные, как беличьи хвосты, брови. Дуся вдруг перестала мечтать, деловито зарылась в абонементных карточках.

— Да, слушай, слушай, я не спешу,— захватил в горсть усы Вязов.— А это что за вор у тебя там прячет-

ся? А-а, Корешов! Смотри, брат, всю пыль с собой унесешь...— подмигивает Иван Прокофьевич Дусе.

У девушки щеки становятся как нацелованные. Она часто-часто моргает мохнатыми ресницами, пытается что-то сказать в оправдание, но Вязов уже разговаривает с рабочими.

— Что читаешь, Михаил Иванович? — слышит Платон его голос.

— Да вот к политзанятиям готовлюсь,— потрясает Марченко книгой, небрежно бросает ее на стол.— «Роковые ошибки». Фашистские генералы развоспоминались, прямо смех и горе!..— он чешет в затылке, никак не ухватит нужное слово.— Сваливают черти все на нашу зимушку-зиму — и смазка-де застывала, и грязь засасывала, и обмундирования теплого не было... Веришь, Иван Прокофьевич, прочитал и обидно даже стало. Вроде бы не мы с тобой войну выиграли, а природа... А ведь я их вот этими руками лупцевал! — Рабочий поднял увесистый кулак,— прикинулись невинными, будто и крови людской не проливали!..

— Это верно, Михаил Иванович. Руки у них по локоть в крови, вот и стараются сейчас отмыть их. Но их до самой могилы теперь не отмоешь... А все же почитать не мешает,— заключил Вязов.— Кое-что и поучительное выбалтывают...

Потом с минуту, наверное, молчали. Платон лишь слышал тяжелое посапывание и шелест переворачиваемых страниц.

— Жинку из больницы привез? — спрашивает Иван Прокофьевич.

— Завтра выписывается,— отвечает второй рабочий.

— Ты мне напомни утречком, кажется Наумов на своем «козлике» в район собирается, заедет за ней.

Платон снял с полки книгу Луначарского «Статьи о литературе». Решил взять ее почитать.

Рабочие ушли. Платон тоже стал собираться домой.

— Погоди малость, вместе пойдем,— попросил Вязов.— А то и пыль на улице некому будет выбить...

Когда вышли из библиотеки, хлестанул по щекам мороз, задержал дыхание, выбил из глаз слезу.

— Оттого и усы отпустил,— шутит Иван Прокофьевич.— У нас, брат, зимой в тайге полагается носом дышать...

Платон шагает в ногу. И не потому, что старается, а просто солдатская привычка не выветрилась еще. Оба они, и Вязов и Корешов, в добротных полушубках. Оба кажутся в полумраке вечера большими и нескладными.

— Как работается? — спрашивает Вязов. — В город не собираешься удирать?

— Мне и здесь неплохо,— в тон ему говорит Корешов.— Солдату везде дом родной.

— Так-то оно так, да один дом тесен, другой просторен... Вызов, говоришь, Заварухина приняли соревноваться?

— Я вам этого не говорил,— нахохлился Платон.— И вообще, откуда вам об этом известно?

— Это мое дело, откуда узнал,— поскрипывает снежком Иван Прокофьевич.— А стесняться и прятаться в таких случаях нечего, не штаны снимаешь,— грубовато заметил он.— Большую рыбу на крючок поддели, а вот вытащите ли? С Генкой и я не совладал, лопнуло терпение,— признался Вязов, ничуть не беспокоясь о том, что в глазах паренька он может уронить свой авторитет.— Только хочется мне понять, из каких побуждений ты принял заварухинский вызов. Побить, а потом руки в брюки, хвост трубой?..

— Ребята, может быть, этого и хотят, — сказал Платон.

— А ты чего? — приостановился Иван Прокофьевич и подумал: «Странный паренек».

— Я? Да как вам сказать... Думаю, что... Другим будет Генка.

— Другим?! А тебе что он такой не нравится? — не скрыл своего удивления Вязов.— Ну, пьет, водки жалко, что ли, все равно всю не выпьет, случается хулиганит — на то у нас участковый есть...

«И что подначивает? — дышит Корешов в заиндевелый конец воротника.— Может и сам толком не знаю, зачем мне понадобилось связываться с Заварухиным».

— Вот то-то, языком трудно сказать, а душой бы ответил, да она языка не имеет,— в самую точку попал Иван Прокофьевич. — Не обижайся, брат, за въедливость,— дружески хлопнул он Корешова по плечу.— Это хорошо, когда душой чувствуешь, совесть, значит, чиста. Был у меня в жизни промах. Ведь жизнь не про-

живешь, чтобы шишек не набить. Плохо я жил с первой женой. Как уж ни старался ее переломить, а она все за свое. Один раз приревновала к кому-то, махнула в райком партии, в слезы ударилась. Такой, мол, он и сякой. Меня, понятно, на бюро потащили. Зачитывают все то, что она про меня написала, а потом спрашивают, верно ли это?

Понимаешь, брат, горло перехватило. Такая вдруг обида меня взяла на эту женщину, что стою, как пешка, моргаю глазами, сцепил зубы и молчу. Не могу говорить и баста. Тут же кто-то предлагает отобрать у меня партийный билет... Но встает другой и говорит: «Не верю я этой женщине. Душой чувствую, что наговорила она на человека»... Здесь уж и меня прорвало. Поверили. Вот так, брат. Хорошо, когда у людей душа есть...

Заиндевели воротники, щекочут смерзшимися усиками меха стылые щеки. А мороз знай себе потрескивает и жмет, и жмет... Вязов останавливается, в темноте вспыхивает огонек спички, осветив на миг побелевшие усы и покрасневший от мороза нос.

— Что я тебе хотел сказать, Корешов,— останавливается у калитки Иван Прокофьевич.— Хорошо бы вашим хлопцам втолковать, какое у вас соревнование... И обязательно надо сделать ему огласку. Подумай, за углами такое не делается, да и проку от такого соревнования мало... Надо не только для себя жить, надо для других. Уяснил? Ты это понимал душой, а вот сказать не мог. Для всех, Платон, жить надо. Запомни это, брат.— И вдруг как будто без всякой связи: — И твой дед жил для людей. И погиб для людей. Если бы о себе думал, его бы Сизов в живых оставил...

2

Время, как нитка: тянется, тянется и вдруг узелок. Пожалуй, таким вот узелком была для Риты эта последняя неделя. Стальные ленты полозьев на всех пяти санных прицепах как языком слизало. Полозья, проделав в снегу глубокие колеи, врезались до мерзлого, шероховатого, словно наждачная бумага, грунта и по нему— фьи! фьи! — посвистывали. Пришлось полуприцепы поставить на ремонт в мастерские, а машинам дать снова прицепы на резиновом ходу.

Но беда одна никогда не приходит. В этот самый вечер, когда возвращались из библиотеки Вязов и Корешов, на третьем километре у тяжело груженной лесом машины на подъеме лопнуло дышло. Прицеп перевернулся. Бревна с треском и грохотом, как спички, посыпались на дорогу. Дорогу перегородило. Подошедшие с верхнего склада лесовозы остановились. На дороге образовалась пробка. Но не это было страшно. На самом подъеме вечером неожиданно забила родниковая вода. Ее выжал мороз. Не прошло и нескольких часов, как наледь расползлась по дороге. Она парила и наплывала, пожирая придорожный снег.

Наумов в полночь поднял Риту с постели. Постель была теплой, вставать никак не хотелось. «Можно было бы и без меня обойтись, — одеваясь, думала Рита. — Скучно одному в машине, вот и заехал...»

В квартире тоже было тепло. Сидевшего на табуретке Леонида Павловича стало клонить ко сну. Он сладко и часто позевывал, хлопая ладошкой по губам.

Но в «козлике» сон моментально выдуло. Брезент, которым был обтянут кузов машины, грел неважно, свистало во все щели. Машину Наумов вел сам. Шофер загриппoвал. «Козлик» рыскал из стороны в сторону. В свете фар иногда мотыльками начинали выплясывать снежинки — это ветер сдунул их с ветвей деревьев и бросил в ночь. Ночью дорога кажется бесконечно длинной и как бы незнакомой. Все окружающее ее неестественно, преувеличено, как на той картине, что висит на сцене клуба.

— Теперь надо ожидать наледи по всей горе, — сказал Леонид Павлович.

— По всей не по всей, а в нескольких местах пробьет,— Рита зябко поежилась, уткнувшись в воротник полушубка.— Надо завтра же поставить людей отводить воду.

— А где мы их возьмем?!

— Вы начальник, вы и думайте, — отозвалась Волошина и деланно зевнула. Потом глубже втянула голову в воротник. Так было теплее и не хотелось говорить о делах. Хотелось подумать и помечтать о своем...

В ответ на ее замечание Леонид Павлович всем валенком нажал на акселератор. От встречного ветра крыльями захлопал над головами брезентовый верх. Ука-

танная дорога стремительно уносилась под колеса автомашины. «Козлик» дрожал частой и мелкой дрожью. Рита с опасением покосилась на Наумова, проявившего вдруг такое лихачество. Поворот, еще поворот. Визжат тормоза, как несмазанные колеса у телеги. И вот уже впереди видны полыхающие факелы. Они бросают отсвет на темные фигурки людей, на МАЗы. Машины работают на малых оборотах, глухо; едкий чад сгоревшего соляра стелется по дороге, от него скребет в горле...

— Начальство приехало! — доносится до слуха Наумова и Волошиной. И тот же голос командует: — Раз, два, взяли! Ух!

Катают с дороги мерзлые бревна. Они, ударяясь друг о друга, звенят, как железные. С той и с другой стороны перевернутого прицепа собралось около десятка машин.

Наумов и Рита пошли осматривать подъем.

Леонид Павлович высоко над головой несет горящий факел. Валенки его расползаются на ледяном наросте. Он попадает одной ногой в наледь, ругается. Валенок тотчас обледенел, поцокивает по льду. «Машинам не подняться», — соображает он. А что делать, хоть тресни, ничего такого мудрого не приходит в голову. Посоветоваться с Волошиной Леонид Павлович принципиально не хочет.

Спустились к машинам. Бревна уже скатали в кювет. Дорога свободна, но наледь беспокоит шоферов. Они обступили начальника лесопункта и технорука, ждут, что скажут они.

— Ну, что будем делать? — постучал обледеневшим валенком Леонид Павлович. — Пока пошлем машины за шлаком, простоим всю ночь. — Наумов обернулся к Рите, официальным тоном произнес: — А вы что предлагаете, товарищ технорук?

«Обиделся старик», — думает Рита, а вслух говорит:

— Ничего другого не вижу.

— Да что здесь думать, надо поковырять лед... — восклицает один из шоферов. Рита узнает его по голосу. Это Николай, демобилизованный, тот самый, который когда-то высказал свои соображения по поводу ее проекта — за организацию только зимней вывозки леса. Но снова, как и тогда, Волошина не может вспомнить

его фамилии. Но это сейчас не важно, важно то, что он предложил.

«Пожалуй, он прав» — дышит в варежку Рита. Мизинец на левой ноге, который она когда-то отморозила, начинает покалывать.

— Хорошо бы еще и цепи надеть, — вставляет другой шофер.

Но цепи надевать на баллоны директор леспромхоза категорически запретил, баллоны быстро изнашиваются. Можно было, конечно, рискнуть, хотя бы на одну эту ночь, но цепей ни на одной из машин нет. Поэтому предложение второго шофера отпало. Остановились на первом.

— Но это же адский труд, — тихо через плечо говорит Наумов.

— Иного выхода нет, — так же тихо ответила Рита, чувствуя, как иголками покалывает мизинец.

— Взять всем топоры и долбить лед, — громко объявил Леонид Павлович. — У кого есть лишние — нам с Маргаритой Ильиничной. Живей, живей, ребятки! — покрикивает он. — Не то пятки отморозите!.. — Наумов даже повеселел.

Вместе с шоферами он и Рита рубили лед. Мелкими, острыми осколками лед брызгал в лица, крошился под топорами и ломиками. Воду отвели. Теперь уже некогда думать ни о теплой кровати, ни об окоченевшем мизинце. И мороз точно вдруг отступил...

Часа через два лед покрошили. Пустили для пробы первую машину. Она благополучно зашла на подъем. Движение по дороге возобновилось. Наумов и Волошина тоже поехали в поселок.

— Завтра можете до обеда отдыхать, — когда показались первые дома, сказал Леонид Павлович.

— С удовольствием воспользуюсь вашим разрешением, — проговорила Рита, которой сейчас владело единственное желание — добраться до постели и уснуть.

Шагая уже по своему двору, она отчего-то старалась вспомнить, сказала или не сказала Наумову «спокойной ночи». Рита старалась не шуметь, но отец, по-видимому, ждал ее.

— Наледь выжало, — сонно объяснила Рита.— И как раз на подъеме. Пришлось долбить...

— Ладно, дочка, ложись спать, — сказал Илья.

3

Поликарп Данилович засобирался в лес. Он натянул полушубок, потуже подпоясался кушаком. Вчера вечером слышал он споры ребят. Собралась у них дома вся Витькина бригада. Сам Витька кипятился и говорил, что они наверняка проиграют соревнование с Заварухиным. Платон обозвал его трусом...

До верхнего склада Поликарп Данилович добрался на попутной машине. Давненько он не бывал на лесосеках. У обогревательной будки нос к носу столкнулся с Волошиным.

— Фу, черт, думал какое начальство приехало, — стягивая рукавицу, сказал Илья. — Дома пошто не сидится?

— Дела-а, — хитро прищурился старик Сорокин. — Нельзя же допустить, чтоб Витьку какой-то Заварухин побил... Не-е годится, — покрутил он головой и даже ногой притопнул.

— Как это побил? — удивился Илья.

— Соревнуются они...

Волошин пожал плечами: не доводилось слышать, чтобы бригада Сорокина соревновалась с Заварухинской. «Что-то путает дед», — подумал он, а вслух посоветовал подождать трактор сына. Он вот-вот должен был возвратиться с лесосеки.

— Нет уж, я пешим пройдусь, — и Поликарп Данилович бодро зашагал по волоку.

Дремотно из конца в конец стлалась тайга. Под тяжестью сыпучего снега гнулись ветви деревьев.

Санька навещал меня всякий раз, как только выдавался подходящий момент. Он все так же виновато прятал глаза и старался избегать разговора о том, что привело его в банду Сизова. Я чувствовал, какая ломка сейчас происходила в нем. За эти дни лицо у него осунулось, он стал отращивать бородку. Росла она у Саньки жиденькой, жалкой... Здоровье мое плохое. В груди болит и ноги прямо не мои, места я им не найду, сидеть на топчане, прислонившись спиной к холодной стенке землянки, тяжко, а лежать и того хуже, душит меня. Чего я только не передумал за эти

дни! Скорее выбраться к своим, работать засучив рукава. Дел в волости уйма. А я тут сижу, описываю свои приключения. Настоящий роман получится. И смех, и горе. Раньше мне доводилось несколько раз выступать в газете. Помнится, однажды сказали мне: «У вас талант, Корешов...» — Но литературная болезнь вскоре прошла: не до писанины было... Даже и сейчас пишу это, а у самого мысли далеко-далеко. Знаю, Советскую власть в нашем таежном крае утверждать в людях куда труднее, нежели, скажем, в рабочей массе. Много сел у нас староверских, много крестьян зажиточных... Есть и такие заимки, где люди сами своей властью живут... Какой это будет вред нашему делу, если люди поверят подлой сизовской брехне про меня.

Сегодня Санька отчего-то не пришел. Всякие нехорошие мысли лезут в голову. Только бы не выследили его. Беспокойно что-то на душе...

Я сам пока не осознал свое отношение к брату. Но как бы там ни было, а отвечать ему придется... Ему отвечать... А тебе, Панас? Страшно подумать, что вырастет сынишка, спросит об отце, а ему скажут: «Бандит твой отец, изменил народу, изменил делу партии...» Может быть, и не так прямо скажут, смысл будет тот же... Нет, даже с перебитыми ногами, ползком, а выберусь к своим.

Попытался привстать. Нет сил. Нет. А они должны быть! Должны!

Почему не идет Санька?

Поликарп Данилович не прошел и половины пути, как на волоке показался трактор.

— Ты чего, батя? — высунулся из кабины Виктор. — Потерял что?

— Годы свои молодые потерял, — буркнул Поликарп Данилович.

— Залезай, с ветерком прокачу.

— Поезжай уж, ноги пока не отсохли, пешком пройдусь.

Немало были удивлены сорокинцы, когда на лесосеке появился Поликарп Данилович. Борода у него заиндевела, на усах налипли сосульки. Он шагал,

по-хозяйски осматривая подъездные пути, постукивал палкой по поваленным деревьям.

— Ну, прямо дед-мороз! — сказал Платон.

— Чего это, папаша, тебя сюда занесло? — сбил на затылок шапку Анатолий.

— Да кто так топор держит?! — вместо ответа накинулся на него Поликарп Данилович. — Вот так, смотри, — он сунул рукавицы за пояс, взял топор и пошел щелкать сучки. Ребята перемигнулись — силен старик.— Во! — запарившись, выдавил Поликарп Данилович. Присел на пенек. — По лесосеке соскучился, вот и притопал. Да заодно, думаю, дай посмотрю, как мои ребятки трудятся...

Поликарп Данилович пробыл в лесу до окончания смены, успел даже побывать в бригаде Заварухина. Оттуда возвратился задумчивый, кликнул ребят.

— Это хорошо, что вы соревнуетесь... Только по старинке все у вас получается...

— Это у нас-то по старинке?! — удивился Виктор.

— У вас! — отрезал Поликарп Данилович, оборачиваясь к сыну. — Надо соревноваться, но надо и хорошее что друг у друга перенимать. Перво-наперво это тебя касается, как тракториста. Разговаривал я с Генкой. Он смеется. Ваш Витька, говорит, пока заведет трактор, я уже со своим в лесу...

— Ну, это он хвалится, — угрюмо отозвался Виктор.

— Доля правды есть, чего уж там, — поддержал Поликарпа Даниловича Платон. — Надо кому-то из нас раньше выезжать в лес, разогревать двигатель...

— Так что присмотритесь, как работает Заварухин. Кичиться в таких случаях нечего...— сказал в заключение Поликарп Данилович.

На том и порешили.

4

У Анны, когда она шла домой, мысли все в голове перепутались. Так странно, так непонятно продолжали звучать в ушах слова Вязова: — «Не потеряй голову, иначе потеряешь счастье». «Боже мой, неужто я такая глупая, что не соображу, что к чему? — думала Анна. — И какое такое мне еще счастье надо, ведь все, кажется, есть...»

Шуба славно грела, поскрипывали по снежку белые, как он сам, чесанки, а сердце — тук-тук! тук-тук! «Чудной, право, — улыбнулась сама себе Анна. — Это я-то и вдруг какой-то руководитель. Хоть и кружком, все же руководить надобно... А, может, и впрямь поруководить? — спрашивала она себя. — Только вот как посмотрит на это Нестер?..»

— Чего это, зашлась-то? — встретил ее вопросом Нестер. Он сидел верхом на скамье и смолил дратву. Детвора играла тут же.

— Да так, морозно на улице, — соврала Анна. — Вот щеки и прихватило, — и она старательно стала тереть их ладошками, думая, сказать или не сказать мужу о предложении Вязова. Решила пока умолчать, пусть Иван Прокофьевич сам об этом Нестеру скажет.

Два дня Нестер молчал и только на третий день, вечером, за ужином сказал:

— Я, конечно, не против, чтобы ты с девками в клубе занималась. Только потребуй, пусть монету гонят, больно нужно задарма работать...

— Я скажу Ивану Прокофьевичу, — согласно промолвила Анна. — Это же как вроде учительница получается, а им за занятия деньги платят.

— Во-во! — чамкая промычал в нос Полушкин.

Но с Нестером о деньгах говорить просто, а как повстречала Анна Вязова так и застыдилась. Но согласие свое руководить кружком дала. «Как-нибудь в другой раз поговорю о деньгах», — подумала женщина.

— А когда на руководство приходить? — спросила она.

— Завтра, Аннушка, к семи часикам приходи...

«Ух, ты! — даже дух захватило у Анны. — Быстро-то как, завтра!»

На следующий день Анна с самого раннего утра была как на иголках. И чем ближе солнце скатывалось к сопкам, тем страшнее, неспокойно становилось у нее на душе. А когда осталось полчаса — совсем забоялась. «Хоть бы Нестер сказал что-нибудь напутственное, а он знай себе налопался и на боковую», — не находит себе места Анна. Выбежала во двор. Зачем, и сама не знает. Постояла у калитки, пока не промерзла. Возвратилась домой, глянула на часы. Без десяти минут семь. Снова выбежала во двор.

По улице гурьбой прошли девчата, свернули к клубу. Анну они не видели, зато она не отрывала от них глаз, пока те не скрылись в клубе. Клуб отсюда виден, как на ладони. «Не пойду, совсем не пойду, — испуганно подумала Анна. — Девки зубастые, еще насмехаться станут, как то пацанье... Ух ты, ну и попала с этим руководством!..»

— Анна Васильевна, опаздываешь!

«Кто это? — вздрогнула женщина. — Ну да, это Вязов, стоит на дороге, шевелит усищами и на часы поглядывает».

— Я сейчас, быстренько. Забегалась по хозяйству. — Анна оторвалась от калитки, вбежала в дом. Нестер уже храпит, ему нет заботы до Анны, до ее переживаний.

Женщина прошла к вешалке, потянулась было рукой к дохе, но вдруг отдернула, как обожглась. Снова запустила пальцы в мех, вздохнула и как-то робко надела свое старенькое пальто, подшитые валенки, повязала голову шерстяным платком. Потом собрала в узелок все свои вышивки, пяльцы, по карманам рассовала цветные нитки и мышкой выскользнула из дома. Идет Анна к клубу, а в коленках дрожь, прижимает к груди узелок с вышивками. «Ох, до чего же страшно-то!» — от волнения Анна чуть не постучалась в дверь. Робко потянула ее на себя, робко переступила порог. В зале пусто, на сцене пусто, только у стены гудит печь. «Зачем дрова на ветер пускать, — Анна подошла к печи, прикрыла поддувало. — Так и дров меньше и жарче будет... Но где же эти самые занятия-то? — Осмотрелась, нет никого. Поднялась на сцену. — Наверно этот стол для меня приготовили, — присела на стул, сбросила на плечи платок. — Ничего, мы люди не гордые, подождем, — решила Анна. Развязала узелок, разложила по столу свои вышивки. — А ведь и верно, ничего получается! — словно не своими, а чужими глазами посмотрела она на свое рукоделие. — А может, и никудышно совсем?»

— Девчата, глянь, Анна Васильевна здесь, — выглянула из дверей круглолицая Дуся. Девчата гурьбой вывалили из комнаты, дружно рассмеялись. Посыпали на сцену, окружили стол.

«Ну, началось, — подумала Анна. — Разве я с ними совладаю...»

Смех оборвался, как увидели девчата вышивки.

— Да неужто вы сами вышивали?! — восхищенно глазея на вышивки, спрашивали девчата.

— Поди не тетя, — осмелела Анна. — Вот эту только вчерась закончила. — Ей было приятно, что девчатам пришлось по вкусу ее рукоделие. Точно вдруг осознав себе цену, Анна выпрямилась за столом, стала рассказывать и как нитки надо подбирать, чтобы рисунок живее получился, и как чтобы крест правильно лег. Сама того не заметила, как проговорила целый час. А девчата все это время не отходили от стола, слушали, как завороженные.

— Вот, пожалуй, на сегодня и все, — сказала Анна.

— Еще минуточку, — защебетали девчата.

— Потом, потом, завтра и мне и вам на работу. — Она собрала вышивки в узелок, зашагала к выходу.

— Спокойной ночи, Анна Васильевна, — заговорили ей вслед девчата.

Анна вышла из клуба. Морозный ветер резанул по щекам. Легко, по-молодому понесли ее ноги домой. О деньгах с Вязовым поговорить вовсе забыла.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

Ели обросли снегом. Ели, как снежные бабы, скатанные по берегам реки озорными мальчишками, бросали продолговатые тени на белый покров реки. По нему ровными нитями тянулась лыжня. Тянула ее Рита. На девушке синий спортивный костюм, на голове меховая шапка. За ней пристроились Виктор Сорокин, Тося, Сашенька Вязова, Дуся-библиотекарша и еще несколько ребят и девчат. Платон шел замыкающим. Парню врезались в плечи лямки вещевого мешка. В него предусмотрительный Виктор натолкал съестного по меньшей мере на неделю, а здесь еще то и дело приходилось останавливаться и поправлять крепление. «Чтоб ему!..» — Платон изо всех сил налегал на палки, догоняя группу. Из головы не выходили слова, слышанные им вчера от рабочих, проживающих в общежитии. Говорили, будто бы Заварухин украл простыни, продал и пропил их. Завхоз Наливайко жаловался участковому...

«Чёрт его знает, что такое!» — думал Платон.

До ближнего села не более двенадцати километров. На лыжах по реке час ходьбы. Около часу шла группа по реке. Густой ельник, росший по берегу, вдруг расступился. Ребята увидели село. Единственная улица его резво бежала по склону сопки. К ней тесно прилепились рубленые домики. Искрились под солнцем большеголовые сугробы. Накатанные ветром, они подпирали плетни огородов. В огородах торчали из-под снега палки давних подсолнухов. Заячьи следы кружевом оплетали их.

Еще за околицей группу встретили детвора и собаки. Ни те, ни другие не отставали до самого клуба. А клуб хоть и бревенчатый, но просторный, такому клубу не грешно позавидовать. «Здорово, однако, живут», — отметил про себя Платон.

Сашенька Вязова уже распоряжалась на сцене. Тося обтирал запотевший баян. Платону тоже нашлась работа — внести лыжи в гримировочную комнату, протереть их насухо тряпкой. Корешов, усевшись прямо на полу, занялся делом. Заодно он решил починить крепление на своей лыже.

— Вам помочь? — услышал он над головой Ритин голос. Она сбила на затылок шапку, присела на корточки. «Обойдусь без помощников», — так и подмывало Корешова сказать.

— Платон! Кто вам дал такое имя?

— Древние греки, — отшутился он.

— Говорят, вы закопались в книгах, даже в клуб перестали ходить?

— Я в этом ничего не нахожу плохого, — Платон яростно тер тряпкой полоз лыжи. — И вам бы советовал в них почаще заглядывать.

— Спасибо за совет, — тряхнула головой Рита, бросила тряпку. — Вы бы лучше о своем деде рассказали, а то Витька такого наговорил... — Она круто повернулась и, гремя тяжелыми лыжными ботинками, ушла на сцену.

Платон опешил.

В гримировочную заглянула Наденька. Она была нарядная, как новогодняя елка.

— Наденька, позови Виктора, — попросил Корешов.

— Сейчас, — живо откликнулась девушка. Ох, как приятно, наверное, исполнять просьбу человека, которого любишь. «Он такой большой, такой серьезный, — часто

думала по ночам Наденька. Думала и плакала в подушку, даже кусала ее от обиды... Думала, мечтала, представляла себя красивой. За ней убиваются все парни в поселке и, конечно, Платон»... А приходило утро — и все рассеивалось. Причесываясь, она критически рассматривала себя в зеркале, а оттуда смотрела на нее все та же Наденька — хрупкая, нос в веснушках...

Вошел Виктор. У Виктора в руках листок бумаги. На листке от руки написана программа концерта. Он спешит, у него уйма дел...

— В чем дело, старина? — нетерпеливо говорит он.

— Это ты сказал Волошиной о деде?

— Я так его разрисовал! Пусть знают, какой он у тебя был...

— А-а, ничего ты не понимаешь,— не на шутку рассердился Платон. — Всему свое время! Разрисовал! Кто уполномочивал тебя?!

— Иди ты! — в свою очередь вспылил Виктор. — Подумаешь, носитесь со своим дедом! — Он хлопнул дверью, убежал на сцену.

Заниматься протиркой у Корешова отпала всякая охота. Он взял свои лыжи, через заднюю дверь вышел на улицу. Снег слепил глаза. К клубу парочками и поодиночке стекались люди. Платон надел лыжи, оттолкнулся и по косогору устремился к реке. Он уже почти был на льду, когда за спиной вдруг услышал оклик. Волошина махала ему рукой, просила подождать.

— Фу, еле поспела за вами! — перевела она дух. — Сюда хромали, а из деревни бежите, как заяц.

— Удачное сравнение.

— Не грубите, Корешов,— оперлась грудью о палки Рита. Из-под густых черных ресниц блеснули голубые глаза. — Неужели вас обидели мои слова?

— Нисколько. Просто я свое дело сделал, принес вещевой мешок, протер лыжи...

— Я не хотела о вашем деде ничего плохого сказать,— продолжала Рита. — Не обижайтесь... А все же родители не подумали, когда дали вам такое имя,— едва заметно улыбнулась девушка и тут же смутилась. Ей даже стало стыдно, что она схватилась и кинулась за парнем, как девчонка, как Наденька.

— У меня нет родителей... — сказал Платон.

Ухнул раскатисто осевший где-то на реке лед.

— Я думала, вы останетесь, — голос у Риты отчего-то сорвался. — Думала, послушаете мои стихи... — И тут же с ужасом поймала себя на слове: «Что я говорю?! Ведь мои стихи вовсе не входят в программу».

— А вы пишете стихи? — удивился Платон. — Вот бы никогда не подумал!

— Почему?

— Да так, начальство — и стишки вдруг пишет...

Рита так и села. Рита смеялась до слез, а Платон стоял и улыбался над собственной глупостью: «Вот так сморозил! Надо же!»

Когда они возвратились в село, в клубе уже началось выступление. Виктор, завидев Риту, потряс программой, сделал страшные глаза.

— Где вы, Рита, пропадаете? — Вне работы он называл ее просто по имени. — Ведь сейчас ваша пляска, девчата волнуются...

— Я буду читать свои стихи,— бросила быстрый взгляд на Корешова. — Можете так и объявить.

— Стихи?! А, ладно! — согласился Виктор.

Платон прошел в зал. Свободных мест не оказалось. Пришлось довольствоваться «стоячим» — у стены. Сорокин уже объявил, что член агитгруппы, технорук участка Маргарита Ильинична Волошина прочтет свои стихи. Зал насторожился, притих. Платон пробежал глазами по лицам зрителей, готовый увидеть иронические улыбки, насмешливые шепотки. Ничего подобного. Вышла Рита. Она даже не сняла лыжный костюм.

Первое четверостишие она читала с заметным волнением. Но потом голос ее окреп, стал звонче...

Волошиной аплодировали долго и горячо. Вызывали на «бис», но поэтесса вдруг смутилась, убежала со сцены. Корешов разыскал ее в той же гримировочной комнате. По натуре не щедрый на всякого рода комплименты, он скупо сказал:

— Хорошо. — Потом подумал, улыбнулся и добавил: — Очень хорошо!

— Правда?! — искренней радостью засветились глаза Риты. — А я так боялась, думала, провалюсь...

— А вообще-то я не люблю стихов,— вдруг признался Платон.

«И я их, ох, как сейчас не люблю»,— прижала кулачки к груди Наденька, стоявшая у открытых дверей.

2

— Ты мне мозги не заливай! — хорохорился Еремей Наливайко. — Я на тебя в суд подам! — грозился завхоз. — Две простыни куда-то сплавил. Знаю я вашего брата...

— Что?! А ну, повтори? — вскинулся с табуретки Генка. Желваки заиграли под обветренной кожей, шея напряглась, покраснела. — Уходи, с-сука! — Заварухин схватил со стола графин, замахнулся.

Еремей отступил к двери, но не убежал. Он знал, что закон на его стороне, что Заварухин только попугает, но ударить не посмеет. Но Генка взбеленился не на шутку, побелел и трясется, как в лихорадке. Глаза дикие, мутные. «Быть беде»,— смекнул Еремей и раз за дверь. Через дверь из коридора крикнул:

— Бандит, участкового позову, запрячет откуда пришел... — и бочком-бочком по коридору, подальше от дверей. На улице Наливайко постоял с минуту, потом, гонимый крепким морозцем, рысцой затрусил по переулку.

...Генка со злости швырнул графин в дверь, брызнуло стекло по полу. Но от этого на душе не стало легче. Руки и ноги тряслись. С ним всегда так случалось, когда он вдруг закипал. Кровь бросалась в голову, в горле пересыхало — тогда все становилось нипочем. Мог что угодно сделать. А здесь как не закипеть, как не взорваться, когда в глаза напомнили, что ты бывший вор.

«Ух! — заскрежетал зубами Генка. — На кой черт мне сдались твои вонючие простыни!..»

Он метался по комнате, искал глазами, на чем бы еще отвести душу. Ребят в комнате не было — ушли на дневной сеанс, а Генка не пошел. Последнее время по ночам его мучили какие-то кошмарные сны. Снилась всякая чертовщина, снилась колония, и Степка-цыган, блестя вставленными зубами, говорил: «Генка, заботься сам о себе, о тебе никто не позаботится. Умрешь, червяк поточит, все прахом пойдет... Ай-лю-лю! Ай-лю-лю!» — поет Степка-цыган, бренчит на гитаре... Дружками были, а разошлись, когда освободились... «Я поеду в леспромхоз»,— сказал Генка. «Дурак,— отвечал Степка. — От работы кони дохнут. Я поеду в Крым, в Одессу-матушку...»

Просыпался Заварухин в холодном поту, лежал с открытыми глазами, а в ушах продолжали звучать слова Степки-цыгана.

Генка нахлобучил на глаза шапку, надел полупальто, вышел на улицу. Мороз слегка охладил его, и голова как будто просветлела. Выпить бы? Но отчего-то сегодня душа не лежала к водке. «Ну и дешевки же, кто простыни украл, — подумал он. — Рожу бы тому свернул, кто это сделал. — Заварухин перебирал в памяти ребят, которые жили в общежитии, но никого не мог заподозрить в таком пакостном деле. «Может быть, кто на меня в обиде, в отместку сделал?» — пришла на ум и такая мысль. Бывало, что и цапался с некоторыми по пьянке, но ведь это не всерьез. Утром все забывалось.

Генка в валенках на босу ногу колесил по поселку. Воротник поднят, руки в карманах, в зубах закусил мундштук папироски. Папироса давно погасла, он просто забыл о ней. Пятки шаркались о войлочную стельку, горели огнем. «А этому Наливайко наверняка рожу сверну, — размышлял он. — Не он меня выпускал оттуда, не ему меня и садить... Сам бы там посидел, узнал бы почем ложка баланды».

Сам того не заметил Генка, как принесли его ноги к домику Волошиных. Он посмотрел на замерзшие стекла окон и хотел уже поворачивать назад, как во двор вышел Илья.

— А-а, Заварухин! — протянул он. Подошел к калитке.— Что же на улице топчешься, заходи, гостем будешь...— распахнул Илья калитку.

Генка смело шагнул во двор, поднялся на крыльцо вслед за хозяином. Дома, как полагается, поздоровался с хозяйкой, даже поклон отвесил.

— Где ты такому реверансу выучился? — открыто рассмеялся Волошин.— Прямо ходячий анекдот и только, никак без выкрутасов не можешь.

— Таким уж батька с маткой слепили,— беззлобно отвечал Генка, а сам думал: «А ну как предложат валенки снимать, а я босиком...» Он выжидающе поглядывал на дверь в комнату Риты, хотелось ее увидеть.

Илья пригласил за стол. Генка и здесь не отказался — потянул носом, пахнет вкусно, по-домашнему. Ох, уж и забыл, когда ел домашнее, все по столовым, а то и всухомятку, разное, одним словом, бывало.

— Что это ты сумрачный такой? — спросил Волошин.— Не на что выпить?

— С завхозом полаялся. Кто-то простыни слямзил, а на меня сваливает... Чуть морду не набил.

— Гм! — Илья из-под клочковатых бровей глянул на парня. Поставил на стол в графине водку, настоенную на перце.— Кулаком ты ему ничего не докажешь, только себе хуже сделаешь. Ну, давай, что ли, по махонькой опрокинем?

Пивал Генка разное, даже «синявку», но такого крепача впервые отведал. Дохнуть нечем, скорее заедает супом. А Илье хоть бы что. Выпил, крякнул — и все тут. «Здоровый, дьявол»,— восхищенно отметил про себя Заварухин.

Тепло ему стало от настойки, а суп показался таким вкусным, что попросил у хозяйки добавки. А ей разве жалко, ешь себе на здоровье. «Хорошо, наверное, у кого батька с маткой есть,— наворачивал за обе щеки Генка.— Или, скажем, семья...» Он даже головой покрутил, так насели мысли о семье, и так хорошо ему показалось у Волошиных за обеденным столом, что в жизни бы не ушел отсюда.

— А кого можно у вас в воровстве заподозрить? — налил по второй рюмке Илья.

— Да никого,— отвечал Заварухин.

— Но не могли же они сами по себе испариться?..

— А хрен их знает, может и могли... А где это Маргарита Ильинична? — осмелел Генка.

— В село, с агитгруппой утром на лыжах ушла. К подшефным нашим...

— А кто с ними?

— Да кто? Витька Сорокин, Тоська, Сашка Вязова, Корешов...

Генка перестал жевать. Опрокинул в рот вторую рюмку одним глотком.

— Спасибо, я пойду,— вдруг засобирался он.

— Что торопишься?

— Дела, Илья Филиппович, есть...

— Коль дела, топай.

Но дел у Заварухина не было. И снова терлись пятки о войлочную стельку и жгло их как огнем.

И снова чувство одиночества камнем легло на заварухинское сердце.

3

Рита упрекнула Платона — не любить стихи, это значит быть черствым и душевно бедным человеком. Платона возмутило такое определение, однако в тот же вечер он взял в библиотеке несколько сборников стихов и читал их до поздней ночи... Утром в конторке, набитой до отказа рабочими, поэтическое настроение Корешова пропало. И Рита снова была начальником. Она была в ватнике, стеганые штаны заправлены в голенища больших не по росту валенок. Она о чем-то горячо спорила с Наумовым. Смешно было бы сейчас заговорить с ней о стихах, когда люди говорили о планах, о том, что санные полуприцепы лучше колесных.

Платона сзади, за рукав, дернул Костя Носов. Его перевели работать в дневную смену.

— Ну, как соревнуетесь?

— Соревнуемся, да не с тобой,— отрезал Платон. Отчего-то на ум пришла история с трубкой масляного насоса. Он в упор посмотрел на парня. Тот воровато отвел в сторону глаза, через голову Корешова потянулся за окурком к одному из рабочих.

Платон отыскал глазами Заварухина. Вчера бригада Сорокина решила бригаду Генки Заварухина вызвать на соревнование гласно. «Согласится ли он?» — Платон не мог не заметить, что Генка чем-то рассержен и смотрит на него исподлобья.

— Выйдем на минутку, поговорим? — сказал Платон.

— Выйдем,— глухо сказал Генка, толкнул ногой дверь.— Ну, чего тебе? Тоже дознание снимать?

— Я не милиционер,— Корешов закурил. На мгновение появилась мысль — затея с соревнованием не стоит выеденного яйца.

— Мы решили соревнование наше огласить...

— Отстаньте вы со своим соревнованием! — в сердцах сплюнул в снег Заварухин. — И без него тошно!..

— Ну, как хочешь. А мы-то думали, ты смелей,— сказал Платон, поворачиваясь, чтобы уйти.

— Подожди,— остановил Генка.— Значит, всерьез надумали? Ладно, давай пять, — он снова смачно сплюнул и протянул руку.

— Только при одном условии.

— Каком еще? — неохотно отозвался Заварухин.

— Чтобы трактор не перегружать, каждая поломка будет учитываться, и не прогуливать...

— Ох, и ушлые вы,— повеселел Генка.— Второго обещать не могу, но постараюсь...— Он и так уже давно не прогуливал, с тех самых пор, когда Волошина побывала у них в общежитии. Заварухин тогда явился к Наумову. Рассказал все начистоту. Простили.

Из дверей конторы повалили рабочие, россыпью черных курток разбрелись по белой дороге. Подъехали автобусы, началась посадка.

— Плато-он! —Это звал Виктор.— Где тебя черти носят!..

Из-за своего опоздания он должен был стоять у самой двери. В полумраке будки, освещаемой единственной лампочкой, через несколько голов впереди себя Платон заметил Риту. Она стояла между Генкой и Костей Носовым. Последний сгорбатился, чтобы не удариться головой о ребристую крышу. Платон снова подумал о стихах. «Хотя и прочитал их целую дюжину, но мягче от этого душа не стала», — усмехнулся он про себя. На уме вертелось несколько строк, которые запомнились ему: «Был поэт пленен девчонкой тонкой». А если не поэт, а простой паренек-лесоруб, тогда как? Может быть, у лесоруба душа не та, что у поэта. Черта с два! Конечно, стихами объясняться Платон бы не стал и не стал бы преклонять колени, как Ромео перед Джульеттой. Он бы сейчас обнял ту же Волошину, да покрепче... «Фу ты, размечтался», — выдохнул Платон.

— Был поэт пленен девчонкой тонкой...

— Ты что бормочешь?

— Стихи...

— Я тебе дам на лесосеке поэзией заниматься,— Виктор погрозил кулаком.— Здесь своей поэзии хоть отбавляй!..

— Может быть,— задумчиво произнес Платон.

По левую сторону от волока простиралось кочковатое болото. Даже зимой по нему не решались ездить — рискованно, провалишься, не вылезешь. На лесосеке ребята собрались вокруг трактора. Дышали морозным паром, переступали с ноги на ногу, слушали Корешова.

— Вот так и сказал — не обещаю, но постараюсь.

— Было бы начало,— заметил Тося и добавил: — Хорошее начало всему делу успех.

— Опять лозунгами говоришь, — бросил в его сторону Анатолий.— Из тебя бы хороший агитатор, а не дипломат получился.

Как только сформировали пачку хлыстов и трактор ушел на верхний склад, Платон побежал к вальщику. Чтобы ненароком не свалилось на голову дерево, раскатисто свистнул. Из-за деревьев донеслось:

— Давай, вали!

Платон учился работать на мотопиле «Дружба». Николай сперва доверял пилу неохотно, но ученик оказался смекалистым. Пока Корешов добежал по глубокому снегу до вальщика, тот уже облюбовал для него подходящий кедр. Удалил вокруг мелкий кустарник, притоптал снег, сделал на стволе дерева засечку.

— Можешь пилить,— передал Николай мотопилу. Сам отошел в сторонку, закурил.— Если заболею, будет кому подменить,— точно оправдываясь перед самим собой, сказал он. Николай понимал, что если узнает мастер или техноурк, ему крепко нагорит. Нагорит не за то, что обучал, а за то, что не поставил их в известность. Ведь в случае, если прибьет деревом Корешова, отвечать придется вальщику, а в первую голову техноруку.

Платон прибавил оборотов. Для лучшего упора широко расставил ноги. Пила тонко взвыла, потом заурчала, когда врезалась в ствол дерева. Платон чуть ослабил нажим и снова приналег на ручки. Опилки веером рассыпались по снегу, облепили носки валенок.

— Молодец! Давай, давай! — подбадривал Николай.

— Сейчас же прекратить!

Платон за шумом пилы не расслышал окрика. Еще и еще. Он был весь во власти того, что именуется вдохновением. Он чувствовал, что этот инструмент с тарахтящим, словно живым, моторчиком подчинился ему, Платону. И это чувство укрепляло веру в собственные силы. Вот он оттянул пилу на себя. Могучий кедр с треском, ломая сучья, ухнул в снег.

— Все! — Корешов рукавом ватника провел по вспотевшему лбу. С радостным раскрасневшимся лицом обернулся к вальщику. Он ожидал услышать его похвалу, но встретил сердитый взгляд Ритиных глаз. Николай растерянно топтался на месте.

— Верните пилу и идите на свое место,— в голосе у Волошиной прозвучали властные нотки.

Платон молча повиновался. И только тогда до его сознания дошло — ведь Николаю попадет. Надо как-то выгородить его из беды.

— Вы уж простите, Маргарита Ильинична,— просительно сказал он.— Мы не успели вас предупредить...

— Если бы деревом прибило, тогда бы поздно было предупреждать.

По волоку, лязгая башмаками гусениц, возвращался с верхнего склада трактор.

«Был поэт пленен девчонкой тонкой, — шумно потянул в себя воздух Платон.— Можно, оказывается, и стихи любить и быть черствым человеком...»

4

Поликарп Данилович в летней кухне оборудовал столярку. Он мастерил здесь оконные рамы для строящихся на лесопункте домов. Кроме всех прочих работ, Поликарп Данилович задумал сделать памятник. Весной он намеревался поставить его на могиле Панаса Корешова. Свою любовь к бывшему командиру Поликарп Данилович перенес на его внука, Платона. Старику нравилось упорство парня. В его характере было что-то от деда... Но как все-таки погиб Панас Корешов, так и осталось загадкой. Вот последняя запись:

> Санька не является уже третий день. Я слышал со стороны табора частые выстрелы. Потом все стихло...
>
> Еще два дня...
>
> Еще два...
>
> Силы кончаются, ноги как колодки. Что произошло в банде Сизова? Неужели выследили Саньку? Тогда бы явились за мной... А жить чертовски хочется! Хочется еще так много сделать для людей!.. Пальцы, как дервянные, не держат ручку. Неужели это все? Неужели мое имя будет проклято людьми? Это страшнее всего на свете!.. Нет и еще раз нет, я был честным, слышите, люди!
>
> А Санька не идет... Люди...[1]

[1] Далее еще несколько неразборчивых строк и на этом рукопись обрывалась.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

Платон продолжал по вечерам читать стихи, так, больше из желания доказать Рите, что он не такой уж неуч. При случайных встречах Платон всякий раз старался показать свою эрудицию в области поэзии... Рита иногда вступала в спор, иногда молча смотрела на Корешова из-под густых ресниц — и под этим взглядом частенько терялся Платон. Он должен был признаться себе, что Рита знает куда больше, чем он, шире смотрит на жизнь, как-то тоньше и глубже ее понимает... А однажды она почему-то заговорила вдруг о директоре леспромхоза, хвалила его размах, у Платона даже шевельнулось ревнивое чувство.

— Я ему говорю о своем участке, а он мне о поточных линиях, о высокой механизации на лесоразработках... И ты знаешь, мой проект очень уж узким показался мне. Ну, широты в нем не хватает, что ли,— призналась Рита.

После таких встреч Платон с новой силой принимался штудировать книги. Особенно поразила его последняя прочитанная им книга Эрвина Стоуна «Жажда жизни» о голландском художнике Ван-Гоге... У него поистине была огромнейшая жажда к жизни. Но он всю ее отдал без остатка любимому делу. А признали его только после смерти...

«Ты бы так смог?—спрашивал себя Платон.—А дед? Знал, что у товарищей он останется в памяти как предатель, однако не поступился своей честью, своей верностью делу партии. Значит, можно прожить и без срывов? Можно, можно прожить жизнь по большому счету. Но собственного «я» для этого мало. Надо жить для большого дела, для людей!.. Большое дело и тебя самого большим делает, большим и сильным».

...Между тем, оставался месяц с небольшим до конца четвертого квартала. О соревновании сорокинцев и заварухинцев на лесопункте знали теперь даже мальчишки. Пожалуй, ни одно соревнование не вызывало столько интереса и разговоров, как это. О нем говорили на работе, за обеденным столом; работники местной газеты надоедали телефонными звонками.

Виктор Сорокин нервничал и ежедневно, не дожидаясь, пока вывесят показатели, справлялся у учетчицы, сколько стрелевано древесины его бригадой и бригадой Заварухина.

— Обгонит, черт его возьми! — говорил он по вечерам Платону.

— Может, это и к лучшему,— невозмутимо отвечал тот.

— Опять ты мне со своей философией! — сердился Виктор.— Думаешь этим исправить Генку? Как бы не так!

— А почему бы и нет? — Платон сел на кровати, взбив под спиной подушку.

— Если так,— притворился смиренным Виктор,— то, пожалуйста, я могу завтра объявить ребятам! Товарищи, мол, пожертвуем своим престижем ради становления характера Заварухина. Давайте отстанем нарочно, — он откинул одеяло, встал с кровати, дотянулся до папирос, лежавших на столе. — Да если хочешь знать, стоит твоему Генке обогнать нас, как он нос задерет, не подступишься!.. Водки на обмывку в магазине не хватит!.. — Виктор делал частые и глубокие затяжки. Шелковая майка плотно облегала мускулистое тело.— И потом, узнает, что ты встречаешься с Волошиной, пиши пропало...— Сорокин юркнул под одеяло, затих. «О Ритке, пожалуй, лишнее сболтнул», — подумал он.— Давай спать,— нарочито сонным голосом сказал Виктор.— Утро вечера мудренее.

— Нет уж! — вскинулся Платон.— Сейчас из тебя весь сон выгоню, баранья твоя башка! Ты не тяни, не тяни на голову одеяло! Знаешь, кого ты мне сейчас напоминаешь? Нестера Полушкина!..

— Что?! — Виктору показалось, что он ослышался.— Повтори!

— Нестера Полушкина, говорю, напоминаешь.

Виктор так и задохнулся — очень уж обидное сказал Платон.

— От тебя я бы не хотел такого услышать,— наконец выговорил Виктор.

— А ты послушай, может быть, на пользу пойдет! Полушкин за длинным рублем гонится, а ты за славой! Как же, на собраниях хвалят, в газетах пишут!.. Струсил, что Генка тебя может обогнать. Тебя, а не нас! По-

нял? Ты только о себе печешься. Как бы славы твоей не поубавилось, как бы Сашенька после этого не разлюбила...

— Ну ладно, ладно,— примирительно сказал Виктор. Сон у него, действительно, как рукой сняло.— Пусть маленько и зазнался. Но неужели ты веришь, что соревнование как-то повлияет на Заварухина? Это выше моего понимания.

— Куда спички сунул? — Платон прикурил и некоторое время молчал. Был виден только вспыхивающий огонек папироски.— Знаешь, Витька, это нелегко объяснить. Я сам только начинаю сейчас понимать. Помнишь, когда на дорогу воду пустили. Мне этот случай надолго запомнится... Когда удалось, когда машина с лесом пошла, меня вдруг обуяла такая радость, точно сам, а не кто-то другой придумал воду пустить... Кидаю вместе со всеми шапку, кричу ура!.. А потом вижу, стоит Генка. Покуривает себе и такой спокойный, спокойный, точно его все это не касается... И жалко вдруг стало Генку и обидно за него. Подошел, спрашиваю, ты что — не рад? Он только плечами пожал, не понял даже...

— Я что-то тоже не совсем понимаю,— подал голос Виктор. — Причем тут шапки эти? Какая здесь связь с соревнованием?

— Самая простая. Соревнование должно пробудить в нем другой взгляд на труд,— и полушутя, полусерьезно закончил: — Чтобы в следующий раз, когда мы бросали шапки, он тоже бросал бы...

— Гм! — Под Виктором скрипнула кровать. К огоньку корешовской папиросы прибавился другой — сорокинский.

— А обогнать его действительно надо, здесь я с тобой согласен,— произнес Платон. Он высказал все, что думал о Генке, о соревновании, умолчал лишь о Рите, точно забыл реплику друга. Он впервые подумал, что если сейчас упомянет ее имя, то голосом, лицом — всем выдаст себя. «Неужели втрескался?» — Корешов отвернулся к стене, закрыл глаза, вызвал в своем воображении лицо Риты. Всматривался в каждую ее черточку, стараясь понять, что же, в сущности, произошло. «Неужели влюбился?» — вторично спросил он себя. Крякнул даже, так это было странно и неожиданно.

2

Из леспромхоза позвонили — ждите пурги. А в какой точно день, хоть гадай на кофейной гуще. Наумов по нескольку раз в день выходил на крыльцо конторки, шарил беспокойным взглядом по небу. Но небо как небо; холодное солнце висит над дремотной тайгой, вздымаются по огородам гривы снежной покрупи, медленно, как бы нехотя, тянутся ввысь дымки из труб...

Рита выехала на мастерский подучасток отдать необходимые распоряжения на случай пурги. Пурга для тружеников тайги не новость. Не было той зимы, чтобы не причиняла она вреда. Волошина редко пользовалась наумовским «козликом». Предпочитала ездить на попутных. Шофёры народ разговорчивый, подмечали иногда то, что ускользнет от внимания руководителей. Вот и в этом рейсе Рита узнала от водителя машины, что на нижнем складе при погрузке можно выспаться. А ведь только сегодня утром, в конторе, мастер по вывозке доложил — на нижнем складе полный порядок...

На верхнем складе Рита повидала отца. С некоторых пор Илья Филиппович принимал распоряжения дочери как должное. Не старался оспаривать их или же делать по-своему. Рита о передаче мотопилы так и не сказала никому. Наоборот, соответственно проинструктировав Корешова по технике безопасности, разрешила ему учиться на мотопильщика.

Теперь каждый раз, когда Рита приезжала на верхний склад, ее влекло на лесосеку, где работала сорокинская бригада. И еще ей хотелось, чтобы сорокинцы побили в соревновании бригаду Заварухина. «Почему эта бригада мне вдруг стала ближе? — часто задавала она себе вопрос.— Может быть, потому, что в ней работает Корешов? Странно,— продолжала размышлять Рита.— Последнее время он не выходит у меня из головы. Я как будто даже ищу встречи с ним...»

Волошина на минутку забежала в обогревательную будку. У железной печурки сидела Наденька. Она тоже только что пришла. Руки у Наденьки замерзли и пальцы не держали карандаша. Хоть плачь!

— Как трелевка сегодня идет? — поинтересовалась Рита, заглядывая через плечо девушки в тетрадь. Не цифры, а какие-то каракули плясали по листу. На-

денька стыдливо прикрыла их узенькой красной ладошкой.

— Заварухин на шесть кубов уже больше вывез,— по памяти сказала она.— И что это Витька в хвосте тащится?! — в сердцах промолвила девушка.

«Она тоже за них,— подумала Рита.— Ведь для него кедровую шишку доставала...— теплая волна нахлынула из груди к щекам. Щеки у девушек, как барометр. — Не хватало еще ревновать,— одернула себя Волошина. — Но почему все-таки отстает Сорокин?»

— Варежки надо потеплей,— улыбнулась она Наденьке.— Сорокин давно привозил?

— Должен уж быть,— искоса бросила взгляд на технорука Наденька. Потом прислушалась, спохватилась.— Слышу, идет его трактор...

Рита вышла следом за девушкой. Стала наблюдать за операциями тракториста. Виктор подтащил хлысты к разделочной площадке. Но когда начали отцеплять чокеры, у нескольких хлыстов произошла заминка. Волошина подошла узнать, в чем дело. Оказывается, на деревьях были сделаны глубокие засечки, петли тросов даже врезались в древесину.

— Надо мельче делать засечки, — посоветовала она Виктору. Легко запрыгнула на гусеницу.— Поехали!

Рита решила проследить за всеми фазами, начиная с валки и кончая трелевкой древесины. Она хорошо знала лесосеку, где работала бригада Заварухина. Она была не лучше, чем сорокинская. «Значит, дело в самой организации труда», — пришла к выводу Волошина.

Волок был безукоризненный. Недаром Рита проследила, чтобы не было ни крутых поворотов, где трудно развернуться с хлыстами, ни крутых спусков и подъемов. Виктор косился на технорука. «Что ее понесло к нам,— с раздражением думал он.— Тоже мне, шеф!»

Трактор едет ровно, без рывков. Ровно молотит двигатель, убегает под гусеницы волок. По обочинам иногда торчат из-под снега гривы прошлогодней травы, бугрятся кочки — стылые под стылым снегом. По левую сторону проплывает заснеженное болото. Рита подается вперед. Вот-вот схватит нужную мысль...

— Стоп! — поднимает она руку.

Виктор останавливает трактор, недоуменно смотрит на технорука. «В чем дело? — а на языке вертится еще

кое-что покрепче. — Села, так сиди смирно, а то стоп да поехали».

— Вы валите лес там? — Волошина показывает на островок леса.— Может быть, срезать угол, а? Вот так!— через болотистое поле пролегает воображаемый волок.

— Это уж слишком, Маргарита Ильинична! По уши влезем,— щурит глаза Виктор, а в уме прикидывает: «Расстояние трелевки сократится на одну треть». Провалится трактор,— вслух повторяет он.

— Кабы да если! — недовольно говорит Рита.— Я вас не прошу, а приказываю. Вам ясно?

— Так точно! — вылетает по армейской привычке у Виктора.— Рискнем, значит, Маргарита Ильинична! — восклицает он. Стыдно стало за свою нерешительность.— Эх, двинем, как на танке! — сбивает на затылок шапку Сорокин. — Пошли! — Включает скорость, тянет левый рычаг поворота на себя, определяет на глазок, как ровнее пробить волок.

Трактор рванулся с места, ухнул гусеницами, заюлил железным брюхом по целинному снегу. Сзади, за трактором, тянулся ровный след, вдавленные, разметавшиеся космы травы, сплюснутые гусеницами кочки. В иных местах желтым наплывом проступала ржавая болотная вода. Рита сидела плотно сжав губы, вцепившись пальцами в кромки исшарканного до пружин сиденья. Лес надвигался, рос. Еще сотня-вторая метров — и все. Но вот гусеницы пожрали и эти последние метры.

Вальщик Николай Прошин оторопело уставился на трактор, который вдруг появился со стороны болота, точно леший, обсыпанный пихтовыми иглами. Прибежали Платон, Тося, Анатолий.

— Да это же наш трактор! — недоуменно вымолвил Николай.

— Ну, конечно же, сорокинский, — хором выкрикнули парни. — Только какого черта он с той стороны появился?!

— Привет, ребята! — помахала рукой Волошина. — Что, не ожидали? — Она спрыгнула в снег, веселая, раскрасневшаяся. Плечи, шапка у нее тоже обсыпаны желтыми иглами пихтача.

— Здравствуйте, Маргарита Ильинична! — в один голос ответили парни. — Как это через болото умудрились перемахнуть?

— Не трактор, а ковер-самолет, — отвечала она. — Новый волок проложили, теперь расстояние трелевки вдвое сократится. А ну, за дело! — озорно выкрикнула Рита. — Заноси, заноси чокер! Да не делайте такие глубокие засечки и без того хлыст не потеряется... Да, вот так, Корешов, вот так!

Платон чувствовал на затылке ее горячее дыхание, старался из последних сил.

— Эх, вас бы, Маргарита Ильинична, в нашу бригаду, — говорит Тося. — Мы бы тогда горы свернули!..

— Зачем горы, — улыбается Рита. — Трелюйте больше леса и не тащитесь в хвосте у Заварухина...

Парни сопят — в самую точку попала, самую больную струнку затронула. И так уж в поселке проходу нет... Генка цветет. Генка чувствует себя победителем. «Эх! — выдыхает Тося морозный пар. — Жили, работали спокойно, а сейчас вертись, как белка в колесе». — Чокер не нитка, чокер упруг, чокер вырывается из рук, норовит по лицу смазать.

— Шабаш! — поднимает руку Виктор. — Отходи! Вы со мной, Маргарита Ильинична?

Да, она с ним, а душой здесь. Но ты ведь не член бригады, ты руководитель. Надо еще на нижнем складе побывать, выяснить, почему медленно идет разгрузка.

— Всего хорошего! — машет она варежкой. Ловит взгляд Платона. А он смотрит в сторону. Эх, Корешов, Корешов!..

3

— Ты требуй, требуй с них денег! — напоминает Нестер. — Нашли дуру задарма работать... В двадцатый век дураков нет, так и скажи им.

Анна слушает мужа, не перечит, но и не поддакивает, как прежде. «С кого же деньги-то требовать?..» Давно ли страшилась идти на первое занятие, а сейчас освоилась, сейчас не может дождаться того вечера, когда идти в клуб. Девчата такие послушные, такие ласковые... А вскоре стали приходить и женщины. Сейчас встретятся где в магазине или на улице, приветливо улыбаются и говорят: «Здравствуйте, Анна Васильевна!» Ну, понятно, дело женское — о детишках малость поговорят, о всяком там житье-бытье. И кажется Анне, что посветлел поселок, и люди в нем такие хорошие, такие

ласковые живут... В гости наперебой приглашают. «Да разве не совестно с них деньги требовать?» — слушает Анна брюзжание мужа.

Сегодня нет занятий. Убралась в конторе, пришла домой, развела стирку. Стирки накопилось много. Грязного тряпья полный бачок. Стала отбирать — белое к белому, темное — к темному.

А Нестер, знай, все о деньгах твердит. Даже надоело.

Анна накинула ватник, взяла ведра, по тропке побежала к колодцу. Колодец оброс льдом. Крутит Анна ворот за отполированную ручку, ворот скрипит и будто выговаривает: деньги, деньги... На душе у Анны тяжело стало, чуть не обронила в колодец ведро. Будь прокляты эти деньги. Шла домой, выплескивалась из ведер вода, коромысло плечо давило...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1

Горизонт на западе вчера с вечера полыхал огромным пожарищем над тупорылыми вершинами сопок. Тайга притихла; настороженно прядет ушами под корчей трусливый заяц... Лесорубы, расходившиеся от конторки по домам, останавливались, поворачивали головы туда, где зашло солнце, хмурились, переглядывались понимающими взглядами...

С наступлением сумерек повалил косматый снег. За полночь стены домов вздрогнули, тонко запело в трубах печей, задребезжали стекла окон. И даже сквозь стены просачивался стон тайги, словно под окнами гуляла свадьбу волчья стая и выла, выла... Жутким был этот вой и ненароком проснувшиеся жены жались к мужьям.

— Пурга, Платон! Пурга! — будил Виктор крепко спавшего Корешова. — И угораздило же ее разразиться! Ну, да это не впервой! — точно в успокоение заключил он.

— Это еще ерунда, — подал голос Поликарп Данилович. — Вот в тридцатых годах, помню, намело такое, что одни крыши видать...

Пока они умывались, завтракали, ветер на улице неожиданно стих. Он залег за высокими сугробами, как

за барханами сыпучего песка, притаился... Низко над поселком тащились клочковатые тучи, отсиживались на вершине ближней сопки и брели дальше, беспокойными тенями чертя взлохмаченную тайгу.

В конторке толкались рабочие, ждали начальника лесопункта. Он с Волошиной на «козлике» выехал проверить дорогу до верхнего склада. Возвратились они очень быстро. Лица их были озабочены. Наумов, здороваясь на ходу с рабочими, прошел к столу, оставляя на полу печатки снега. Расстегнул полушубок, взял телефонную трубку, попросил, чтобы его соединили с директором леспромхоза. Телефонистка ответила, что линия повреждена. Исправят не ранее как к вечеру. Леонид Павлович со злости обрушился на ни в чем не повинную телефонистку. Потом резко бросил трубку на рычаги и, ни на кого не глядя, сказал:

— Плохи дела. Дорогу до верхнего склада перемело. Мы на третьем километре засели. — Он поднял голову, встретил тугой взгляд Вязова.

— Надо расчищать, — сказал Иван Прокофьевич. — Была бы связь, вызвали снегоочиститель...

— Ничего, справимся и бульдозером, — принял решение Леонид Павлович.— Марченко,— позвал он.

К столу протолкался бульдозерист Марченко. Он молча выслушал наставления начальника лесопункта и так же молча удалился. Остальным было объявлено — брать лопаты, выезжать на расчистку дороги.

Случайно или намеренно, но бригада Заварухина оказалась рядом с сорокинской. Генка орудовал лопатой с лихим озорством, снял телогрейку, остался в одном шерстяном свитере.

Впереди зарывался ножом в снежные завалы бульдозер. Платон видел, что Рита присоединилась к заварухинцам. Кольнула ревность. Он крепче сжал короткий черенок лопаты, с каким-то злым остервенением бросал и бросал снег. Примерно на половине пути к верхнему складу со склонов ближайшей сопки скатился первый порыв ветра. Он взвихрил снег, бросил его в лица работавших на дороге.

— Кончай! — разнеслась по цепочке команда Волошина. Повалил снег, закрутило. Илья неожиданно вынырнул за спиной Корешова, как огромная снежная кукла, дохнул в лицо табачным перегаром.

— Корешов, добеги до бульдозера, скажи Марченко, чтобы возвращался в поселок.

Платон закинул за плечо лопату. Закрывая лицо рукавицей, побрел по следу, проделанному бульдозером. Рокотание его было слышно где-то впереди. Вдруг небо точно упало на землю. Перед глазами в дьявольской пляске закружились мириады снежинок. В двух метрах ничего нельзя было разглядеть. Платон нагнулся ниже, подставив лобастую голову встречному ветру. Снег залеплял глаза, лез в рот, набивался в уши. Единственным ориентиром служило пока это твердое полотно дороги. Неожиданно у Корешова мелькнула мысль, что бульдозер может раздавить его, как щенка. Спине стало холодно. Движимый каким-то инстинктивным чувством, отпрянул в сторону и тотчас провалился по пояс в снег. «Наверное, попал в придорожную канаву»,— подумал он. И тут увидел, как из снежной мглы стала наползать черная, громоздкая тень. «Бульдозер»! — Платон рванулся из снега, упал на корточки, но лопаты не выпустил, точно это была вовсе не лопата, а винтовка. А оружие устав требовал не бросать ни при каких условиях.

Бульдозер уже, казалось, заслонил небо.

— Э-гей-гей! — закричал Корешов.— Стой! Стой!

То ли услышал Марченко, то ли увидел копошившуюся на обочине дороги заснеженную человеческую фигуру, но бульдозер остановился. Капот двигателя шипел и парил. Платон с трудом вскарабкался на гусеницу, снежным комом ввалился в кабину.

— Я за вами шел,— отдышавшись, промолвил он.— Волошин приказал возвращаться в поселок.

— Я и сам вижу,— протянул бульдозерист. — Там впереди никого нет?

— Не знаю,— Платон вытер мокрое лицо. Снег, набившийся за воротник, стал таять, холодные струйки воды неприятно защекотали.— Может быть, и есть... Растянулись по дороге, а здесь бац — пурга!

— Смотри в оба на дорогу,—попросил Марченко.— Не то раздавим кого. Вот, сволочь, закрутило-то как! — бульдозерист включил скорость. Трактор медленно пополз вперед.

В кабину, через щели в дверцах, заметало снег. Сколько ни напрягал Платон зрение, а впереди ничего разглядеть не мог.

— Ни черта не вижу! — крикнул он бульдозеристу.— Задавишь и не узнаем...

Марченко хмурился. Он и сам думал о том же. Корешов вызвался идти впереди бульдозера, дорогу еще не совсем перемело. Марченко минуту размышлял, потом дал согласие. Для лучшей видимости включил свет. Стали двигаться еще медленнее. Платон шагал, гонимый в спину ветром. Через каждые триста — четыреста метров он залазил в кабину, отдыхал, отогревался и снова маячил бледным пятном в свете фар. Так продолжалось до тех пор, пока, наконец, из мрака не вырос бревенчатый угол сторожки заправочной.

Платон ввалился в кабину и сразу обмяк от усталости. Стало клонить ко сну. Как сквозь стенку, Корешов услышал голос Марченко. Он показывал рукой туда, откуда навстречу бульдозеру бежали люди.

2

Телефонная связь с леспромхозом так и не была восстановлена в этот день. Леонид Павлович так громко кричал в трубку, что охрип.

— Оставьте телефонистку в покое,— не выдержала Рита. — Она здесь совсем ни при чем! Папа, — обернулась она к отцу,— зачем надо было посылать Корешова? Но где же они? — Волошина беспокойно заерзала на стуле.— Что, не видно еще бульдозера? — крикнула она в коридор.

— Не слыхать, Маргарита Ильинична,— отозвались рабочие. Часть из них уже разошлась по домам, часть еще толпилась в тесном коридоре конторки. Здесь же была в полном составе бригада Виктора Сорокина, во главе с бригадиром. «Беспокоятся за товарища»,— подумала Волошина. Но и ей не сиделось на месте. Она разглядела в углу коридора, у бачка с питьевой водой, Наденьку. Девушка сидела согнувшись, закутанная в теплую пуховую шаль.

— Шли бы вы домой, Надя,— сказала Рита.

— Ну и идите, если вам хочется,— отрезала та, отвернулась к стене.

— Бульдозер идет! — известили с крыльца.

Наденька схватилась, протопала по коридору, первой выскочила на улицу. Ветер сбил ее с ног...

Рита было тоже подалась вперед, но потом повернулась и вошла в кабинет. Надо было решать, что делать, если пурга продлится еще несколько дней. Леонид Павлович, склонившись над столом, делал какие-то подсчеты на бумаге.

— Осталось полторы тысячи кубометров и годовой план выполним,— поднял он довольное лицо.— Как, Михаил Михайлович, механизмы не подведут? — обратился Наумов к механику.

Сычев утвердительно кивнул головой, но сказал другое.

— Кто их знает, это же механизмы...

— Ты это мне брось! — Леонид Павлович погрозил пальцем.— Ты механик, ты должен знать.

Вошел Илья. Он тоже ходил встречать бульдозер. Бросил на подоконник рукавицы, ладонью вытер лицо.

— Метет-то как, а? — выговорил он. — Корешов на бульдозере приехал... Марченко говорит, парень всю дорогу впереди бульдозера шагал, боялись, не задавить бы кого... Крепкий парень! — покрутил головой Волошин. Свернул цыгарку.

— Бросайте дымить, мужчины,— поморщилась Рита.— Хоть топор вешай!

Илья Филиппович кашлянул в кулак, покосился на дочь, медленно раздавил цигарку в пепельнице.

— Так что я хотел сказать,— Волошин оперся ладонями о колени.— На шестом километре запас есть, как только пурга уляжется, надо бы вывезти его...

— Нет, нет,— запротестовал Наумов. — Этот запас про черный день, сейчас и без него план вытянем.

«А отец дельное предлагает, — задумчиво смотрела в замерзшее окно Рита. Но Наумов и слышать не хотел о запасе. Чем бы поддеть начальника?»

— Леонид Павлович, если мы выполним досрочно годовой план, наверняка в краевой газете напишут о нас.

— Верно Ритка говорит,— хитро прищурился Илья Филиппович.

— Хорошо, я подумаю. Пора по домам! — Леонид Павлович встал, застегнулся на все пуговицы, поднял воротник полушубка.— Ох и хитрые же вы, Волошины,— улыбнулся он.

Илья Филиппович подмигнул дочери. А на улице сказал:

— Это ты здорово его поддела. Разрешит вывозить лес, как пить дать.

Рита не слышала отца. Мысли ее были далеки от дел. Ветер прижимал к земле. «Неужели шел впереди бульдозера?! Не обморозился бы...»

3

— Куда собралась? — спустил с кровати босые ноги Нестер, видя, как кутается в шаль Анна.— Ты с ума сошла в такую погоду переться! Добрый хозяин собаку на улицу не выгонит...

— Да как же,— заговорила Анна,— а если девчата мои соберутся. Им, молодым, пурга нипочем. Я уж схожу. До клуба недалеко, не заблужусь.

— Дура! — жестко бросил Полушкин.— Нос отморозишь, может, поумнеешь...

За окнами гудело. У Анны на миг похолодело сердце: в такую погоду до калитки дойти — задача, не то что до клуба. Женщина до самых глаз замоталась платком. Шагнула за дверь. Ухнул ветер в спину. От неожиданности Анна потеряла равновесие, ткнулась носом в снег. Поднялась, оглянулась по сторонам, не видит ли кто — смеху не оберешься. Забыла Анна, что в такую-то погоду, да еще вечером, едва ли встретишь прохожего...

Мутными, желтыми зрачками кое-где были видны огоньки в окнах домов. Анна упорно продвигалась вперед. Пока добралась до клуба, совсем обессилела. Почти на корточках вползла на крыльцо, толкнула дверь. Вместе с посвистом ветра и шальным снегом ввалилась в клуб. Темно. Пошарила рукой выключатель. От лампочек брызнул свет. В клубе было холодно, нетоплено. Анна отряхнула снег, села передохнуть на скамью. «Глупая я, — подумала женщина, — кто же в такую погоду на занятия придет». За окнами гудел ветер, а Анна все думала и думала... Но сколько не сиди, а домой идти надо.

— Я уж думал замерзла где,— встретил Анну муж.— Говорил задарма сходишь...

— Почему ж! — зло сверкнула глазами женщина. — Девчата все собрались. Я в самый раз подошла.

— У-у,— промычал удивленно Нестер.— Не девки, а кобылы, если в такую погоду шляются...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1

Вихрастая пурга улеглась за плетнями огородов большими сугробами. Но после памятного похода Корешов занемог. Виктор вызвал фельдшера — сухонького, рассеянного старичка с окладистой бородкой. Глядя на то, как он выкладывает из саквояжа какие-то баночки, флакончики, шприцы, можно было подумать, что Селиверст Селиверстович намерен в сорокинском доме открыть медицинский пункт. Наконец, из вместительного саквояжа был извлечен помятый халат. Облачившись в него, фельдшер поверх выпуклых очков посмотрел на Платона и удивительно скрипучим голосом сказал:

— Ну-с, молодой человек, послушаем вашу грудь.— Он дотронулся холодным кружком стетоскопа до корешовской груди.— Дышите глубже, так-так! — Селиверст Селиверстович удовлетворенно хмыкнул, постучал указательным пальцем пониже соска.— Могуч, а?! Сто лет проживете-с, молодой человек. И никаких порошков и капель я вам не выпишу,— неожиданно заявил фельдшер, снова укладывая в саквояж целую шеренгу медикаментов. — Я не опорочу медицины, если скажу, что порошки помогают больным, а здоровым они только во вред. Вам мой совет — натереться водкой и спать,— Селиверст Селиверстович потеребил бородку.— Можно и сюда маленько,— он выразительно щелкнул пальцами по горлу.— Разрешите откланяться...

По обметанным от жара платоновским губам проскользнула улыбка.

— Ходячий анекдот, а не фельдшер,— сказал Виктор. — Ну ты лежи, а я за «лекарством» сбегаю...

Платон достал из-под подушки письмо и снова перечитал его. Василий Коржин писал, что живут они с Марией хорошо, ожидают ребенка... «Уже ребенка! — Корешов потер переносицу.— Кажется, вчера только уехал из города, а ведь сколько времени уже прошло...» Ему было приятно, что ребята в порту не забывают о нем, передают кучу приветов.

В комнату на цыпочках осторожно вошли ребята. Николай достал из кармана яблоко, неловко сунул его под подушку Платону.

— Поправляйся,— сказал он.

Не успели ребята рассесться, как вошла Волошина. Тося многозначительно кашлянул и незаметно тронул за рукав Николая.

— Засиделись уж,— протянул Тося.— Пора идти...

Платон густо покраснел: уж кого-кого, а Риту он никак не ожидал. Ребята незаметно покинули комнату. Рита и Платон остались наедине. Корешов до самого подбородка натянул одеяло. Он не знал о чем говорить с Ритой. Встречались они всего несколько раз и то случайно. Платон, присматриваясь к девушке, не раз думал, что в ней в одинаковой пропорции заложен как волевой характер, так и девичье легкомыслие. Какое из этих качеств привело ее сюда?

— А я вам небольшой подарок принесла.— Рита протянула книжку в зеленом переплете.— Два стихотворения моих в альманахе напечатали... Да, вы же не любите стихов... — притворно спохватилась она.

— Хорошие люблю, плохие нет.— Платон перелистал книжку альманаха, нашел отдел поэзии. — Поздравляю.

— Спасибо.

Это были те самые стихи, которые Рита читала со сцены колхозного клуба.

— Вам нравится Евтушенко? — неожиданно спросила Рита.

— Евтушенко? — переспросил Платон. — Ничего, модно...

— Почему модно? В наш век и должны быть такие стихи — экспрессивные...

Рита не закончила фразы — вошел новый гость. Было слышно, как на кухне Поликарп Данилович помогал гостю снять пальто, как тот шебуршал веником. Затѐм послышались шаги. В комнату вошел Заварухин. Увидев у постели Корешова Риту, он на какое-то мгновение растерялся, потом нарочито громко поздоровался, достал из кармана бутылку водки, поставил ее на стол.

— Витька дорогой передал, говорит Селиверст лекарство такое Корешову прописал...— кивнул он на Платона.

— Верно,— подтвердил Корешов,— прописал натереться...

Генка ладошками поелозил по коленкам.

— Ехал вчера, на косогор вышел, и потащило меня. Думал перевернется трактор, раздавит, как лягушку... Смехота и только! — Заварухин помолчал, глубоко вздохнул, обернулся к Волошиной.— Может, стишки нам почитаете?

Рита не заставила себя упрашивать.

Платон слушал полузакрыв глаза. Ему отчего-то до мельчайших подробностей вспоминалась сцена колхозного клуба, на сцене Рита... После этого короткие, нечаянные встречи, недомолвки и ничего, ни одного слова, которое бы скрепило их дружбу.

Генка повесил голову и тоже думал о чем-то своем. Возможно, стихи пробудили в его очерствевшем сердце воспоминания о детстве в осажденном фашистами Ленинграде. Потом воровская шайка, тюрьма... И снова бренчит на гитаре Степка-цыган:

Новый год, порядки новые,
Колючей проволкой барак наш
обнесен...

«Я приду, чтоб руку друга взять в свои ладони!» — доносились до Генки слова из Ритиного стихотворения, проникнутые такой неведомой ему лаской и теплотой, что у него сжалось сердце. Душно стало ему, нестерпимо душно. Заварухин рванул ворот застегнутой рубашки. Порывисто встал и, даже не попрощавшись, стремительно покинул комнату. Стук двери и все стихло.

2

В грудь словно головешку зажженную кто сунул. Жар ударил в голову и погнал Генку по поселку. Ни холода, ни дороги — ничего не замечал Заварухин. Быстрой тенью пересек чей-то огород с осевшим от ветра и снега плетнем и, проваливаясь выше колена в сыпучем снегу, побрел дальше. Еловые ветки шуршали по рукавам полупальто, хлестали по лицу, словно желали вышибить из головы парня дурь.

Но чем дальше шагал в тайгу Генка, тем ярче разгоралась в груди головешка, бросалась жаром в захмелевшую от ярости и ревности заварухинскую голову. «Стишки читают, — скрежетал он зубами. — В соревнование втянули, человеком хотят сделать... Ну, я вам покажу стиш-

ки, взвоете! Я покажу вам, кто такой Заварухин!» Парень на ходу зачерпывает полную горсть снега, сует в рот. Зубы от холода заломило, в груди вдруг стало холодно, в голове прояснилось. Стоп, Генка, куда забрел?

Темные ели сомкнулись над головой, свисают с сучьев мшистые бороды лишайников. И долго же, видно, гнала тебя дурь, если не знаешь, куда забрел. Может быть, до поселка и рукой подать, но попробуй разгляди его за темной стеной елей. А в десятке метров сопка уперлась рылом в морозное небо. Тихо. Нервы у Генки напряглись, слух обострился, глаза стали зорче. Только в самой глубине их остался еще трепыхать огонь, пригнавший сюда Заварухина.

И видит Генка: смотрят на него из кустарника злые, голодные глаза, магнитом притягивают к себе. «Волк»,— соображает Генка Заварухин и как-то весь внутренне подтягивается, напруживается. Рука тянется к карману. Генка никогда не расстается со складышом, лезвие отточено, как бритва. И снова волна злости захлестывает парня.

— А ну, сука, кто кого,— цедит сквозь зубы Генка.— Иди же, сука!..— густо дышит морозным паром.— Иди!..

Из кустов, словно приняв вызов человека, вышел долговязый волк. Он худ, он голоден, он зол не меньше Генки на морозную зиму, на то, что не уродились в этом году на дубах желуди,— ушли далеко кабаны, убежали в горы косули... Облизывается зверь, приседает на задние лапы, как для прыжка. Дыбом поднимается шерсть на загривке.

Теперь они стоят друг против друга всего в пятишести шагах, не спускают настороженных глаз. Генка крепче сжимает рукоять ножа, он не чувствует, как стынут пальцы, как морозище разгуливает под пальто.

— Ну, прыгай же, гад! — снова цедит Заварухин, наклоняет голову. Для лучшего упора выставляет вперед левую ногу. У него в руках нож, в груди жар, сейчас Генка сильнее зверя.

Глаза их встретились. Заварухину кажется, что видит он черные волчьи зрачки — неосмысленные, холодные, как сам снег. Волк заскулил обиженно, разочарованно и юркнул в кусты.

— Ха! Сдрейфил! — победно рассмеялся Генка. — Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха! — эхом откликнулась тайга.

— У-а-а! — злым воем из дальней чащобы отозвался волк.

«Не накликал бы стаю? — тревожно подумал Заварухин.— Тогда кончилась жизнь», — и тут только парень почувствовал, что чертовски хочется жить. Ведь жизнь-то еще впереди. Не оглядываясь, почти бегом кинулся Генка по своему следу. До самого поселка бежал без оглядки, совсем выдохся. Упал грудью на плетень, отдышался. Встал, стряхнул с пальто снег. Кончики пальцев на левой руке, в которой держал нож, побелели, стали деревянными. Генка усердно принялся оттирать их снегом. Тер до тех пор, пока не заболели. Сунул руки в карманы — рукавицы обронил в тайге. Затем не спеша, как с прогулки, побрел через тот же огород в поселок. А ноги в коленках часто-часто дрожали, по спине разгуливал неприятный холодок. И в душе у Генки пусто и холодно, как в прогоревшей печи.

3

— Из души вырвали! — Наумов грудью налег на стол, горячо выдохнул в лицо Волошину.— Да ты понимаешь, что значит этот резерв?! — он отвалился на спинку стула, издал тяжелый вздох. Конец шерстяного шарфа угодил в развалистую, как лохань, самодельную чернильницу. По настольному стеклу пунктиром протянулись фиолетовые штришки. Леонид Павлович перестал дышать, брови испуганно вскинулись. «Всыплет жена»,— только и подумал он. Как-то сразу обмяк, скис. — Весь вывезли? — уже без всякого запала спросил Наумов. Стянул с шеи шарф, аккуратно сложил его, сунул в ящик письменного стола. «Отдам уборщице, пусть отстирает...— нашел выход Леонид Павлович.— Жене скажу — в конторе забыл...»

— Сегодня-завтра закончим,— спрятал в ладони улыбку Волошин. Эти дни он только и говорил о своей дочери. Как же, в поэты выходит, фамилию Волошиных теперь весь край узнает. Чего греха таить, были в голове у старого мастера и такие мысли: выйдет Ритка замуж, обменяет паспорт — и конец фамилии Волошиных. «Только бы дело не забывала, а так пусть стишки пописывает», — думал Илья.

— Ты, Леонид Павлович, не серчай за резервный лес,— проговорил Илья.— Пока дороги расчищали, вывозка полным ходом шла. А сейчас и на лесосеки поднажмем. Вон Витька Сорокин рискнул, прогнал волок по болоту, как пошли дела! — Волошин да и другие на лесоучастке не знали, что душой этого рискованного дела оказалась Рита.— Ладно, я пойду,— шумно поднялся Илья. Нахлобучил на самые глаза меховую шапку. Пискнули под тяжелой поступью доски пола.

После пурги мороз спал, стал мягче. Небо чуть-чуть задумчивое. У Ильи походка охотничья — с носка на пятку. Минуя сорокинский дом, Волошин заслышал шарканье рубанка. «Что это Данилыч мастерит? — приостановился Волошин.— Давненько старика не видал, надо бы заглянуть...» — Он втиснулся в узкую калитку, прошлепал валенками к летней кухне.

— Здравствуй, Поликарп Данилович! — приветствовал от двери Илья, путаясь ногами в стружках. Пряный лиственный запах ударил в нос.

— А, Илья, здорово, здорово!— поднял от верстака голову старик Сорокин. На нем была ватная поддевка и лоснящийся фартук.

— Шел мимо, слышу стругаешь, дай, думаю, загляну на минутку.— Волошин огляделся, поднял с пола чурбак и оседлал его. Взгляд упал на какое-то странное сооружение, высившееся в углу кухни. Пригляделся — да никак это на памятник похоже? От удивления Илья чуть не сполз с чурбака.

— Ты кому это памятник мастеришь?! — наконец спросил он.

Старик Сорокин нагнулся, полез за чем-то под верстак.

— Себе думаю, Илья, заготовочку... — поперхнулся, закашлялся — невпопад соврал Поликарп Данилович. Но врать, так врать. Вылез из-под верстака, к бороде стружка прилипла, раскачивается.— Умру, поставят еще на могиле палку какую...

— Да ты что?! — изумился Волошин.— Кто загодя памятник себе готовит? Ведь ты не фараон египетский...

— Может, и фараон,— прикинулся дурачком Поликарп Данилович.— Всяк человек по-своему с ума сходит...— Он склонился над верстаком да как шарканет рубанком, стружка так и закрутилась в колечки.— Ты

как-нибудь вечерком, Илья, забегай. Поговорим, бутылочку перцовой раздавим, — забубнил старик Сорокин.

— Ладно, зайду помянуть твою душу,— все еще не придя в себя, отвечал тот. И боком, боком к двери. Рысцой через двор, в калитку.— Фу,— облегченно выдохнул Волошин. — Дребедень-то какая. Неужто старик умом рехнулся?.. — Илья несколько раз останавливался, оборачивался и во все глаза смотрел на летнюю кухоньку, гнездившуюся в просторном сорокинском дворе. А из нее все так же доносилось равномерное пошаркивание рубанка.

— Стоп! — Илья поднял руку. Лесовоз, шедший с нижнего склада, зашипел пневматическими тормозами. Волошин сел в кабину и всю дорогу до мастерского подучастка обалдело размышлял о причуде старика Сорокина. И только уйдя с головой в заботы дня, он забыл о ней.

Клином врезалась порубь в нетронутую тайгу. На свежие срезы пней через день-два садились ухарски сдвинутые набекрень шапки снега. На мастерском подучастке Волошина, кроме тракторов, на трелевке работало десять лошадей. Наумов таки свое слово сдержал — лошади теперь не зря поедали государственные деньги. Сперва лесорубы да и сам Волошин смеялись над затеей начальника лесопункта, но потом приумолкли. Ни много, ни мало, каждая лошадь подвозила к верхнему складу по одиннадцать-двенадцать кубометров в день. Заведовать «лошадиным хозяйством» Наумов отрядил Наливайко. Завхоз сперва было упирался, но потом взялся за дело. Он целыми днями просиживал в обогревательной будке. Когда к верхнему складу подъезжала лошадь, Еремей облачался в тулуп, выбегал на улицу и переругивался с возчиком. На том и замыкался круг его обязанностей как руководителя «лошадиного хозяйства».

— Проваливай-ка ты в поселок! — приехав на верхний склад, рассердился Илья.— Без твоего руководства управимся!

— Не ты меня сюда определил, не ты и снимешь.— Из высокого воротника тулупа высунулась маленькая головка завхоза.

— Эй, подожди, — окликнул Волошин шофера, машину которого только что загрузили лесом.— Довези-ка

Наливайко до поселка. Давай, давай! — мастер грубо подтолкнул к машине упиравшегося завхоза.

— Метлу, метлу ему привяжи, Илья Филиппович! — покатывались со смеху раскряжевщики.

Наливайко почти силой усадили в машину. Илья на прощание пригрозил:

— И чтобы ноги твоей тут больше не было! Так можешь и передать Наумову. Место только в обогревательной будке занимаешь!

Так бесславно закончилась карьера Еремея Наливайко как руководителя «лошадиного хозяйства».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

1

Морозный пар коромыслом валит из глоток парней, схватывается серебристым пушком на верхней губе, инеем ложится на черные пуговицы телогреек, отливает синью на бляхе с пятиконечной звездой. Платон поверх ватника подпоясывает на работу старый армейский кожемитовый ремень. Кожемиту не устоять против мороза — паутинкой расползлись по нему трещинки. Но был бы живот подпоясан: подтянутость не только в армии нужна. Подтянутость и здесь родная сестра успеха.

День за напряженной работой летит быстро. Не успели, кажется, позавтракать, а здесь уже Катерина обед везет. У Катерины душа добрая, не скупится, разливая щи, а своему Петру так и с верхом нальет. Петро холост. У Петра раньше и щек вроде не было, а как стал похаживать к вдове, лицо округлилось, отяжелел на работу. Ясно, Катерина сама какой лакомый кусок не съест, все Петру оставляет...

— Фу-фу,— отдувается тот, уплетая кашу с бараниной.

— Тебя Катерина как на убой кормит,— подзуживают рабочие.

А Петро только мычит в ответ да знай себе набивает нутро. Кровать в общежитии у него давно пустует. Петро не дурак, живо сообразил, что двухспальная куда лучше односпальной, холостяцкой. К тому же, когда под боком Катерина... Пусть за окном потрескивает мороз, обливает поселок ледяной стужей — все нипочем.

Зазвякали ложки по пустым донышкам алюминиевых мисок, значит, обед на исходе. Платон прячет ложку за голенище валенка.

— Эй, парень, воровать нельзя,— грозит пальцем глазастая Катерина.

— Вот черт,— смеется Корешов.— Солдатская привычка за голенище ложку совать.

И снова лесосека, и снова формируются пачки хлыстов.

А в это самое время, поднимая за колесами снежную пыльцу, мчался на мастерский подучасток наумовский «козлик». В нем участковый Коробушкин, Рита и сам Наумов. У начальника лесоучастка от нервного тика передергивается левое веко. Рита сидит сжавшись в комочек. Только участковый кажется вполне спокойным. Но у него тоже есть сердце. И это сердце то подпрыгивает, когда скачет на ледяных наростах «козлик», то опускается, когда заносит задок машины на крутом повороте. За всю службу ни одного порядочного ЧП, все по мелочам, а здесь вдруг такое...

Коробушкин егозит на сиденье, то положит, то снимет с коленок сумку.

— Да сидите вы спокойно!— не вытерпела Рита.

— Надо же, с фашистами путался, старостой был,— недоумевает Леонид Павлович.

— Потому и сбежал сюда, думал далеко, не найдут, — говорит участковый.

...Через полчаса Полушкина арестовали. Участковый увез его прямо в районную милицию.

2

Как в тумане плыла перед глазами улица. Она точно вдруг огорбатилась. Анна долго шарила руками скобу двери. Проплелась до кровати, упала на подушку и ну реветь. «Вот и лопнуло счастье,— подумала Анна.— Сошло подобно снегу, одна грязная водичка осталась!..»

Чайник на печи гремел крышкой, гудела печь, всхлипывала, лежа пластом на кровати, Анна. Но ведь не всю жизнь плакать. Встала и, чтобы только не сидеть без дела, стала прибираться по дому. Рабочие штаны и куртку Нестера вынесла в сенцы, бросила в угол. Подо-

грела воды, начисто смыла пол, протерла стекла окон, косяки дверей. Этого женщине показалось мало. Вытащила из чемодана кучу вышивок, стала прибивать на стены. Прибьет, отойдет на шаг-два, склонит голову и любуется сама на свое мастерство. Хорошо!

А потом снова сдавило грудь, снова заплакала. Уняв слезы, побежала в магазин. Пряча от людей глаза, набрала сластей, вернулась домой, приготовила вкусный ужин. Потом привела из детского сада детей. С ними как-то легче было переносить горе — щебечут, играют и вовсе не спрашивают Нестера. Только уселись за стол, вошли сестра с мужем.

Анна и тут слегка всплакнула. А потом схватилась.

— Ведь занятия же у меня сегодня!..

— Да уж до занятий ли тебе сейчас,— сказала было Софья Васильевна, но Илья незаметно наступил под столом на ногу жены.

— Почему же, пусть идет, детишки у нас побудут. Верно, орлы? — подмигнул Волошин.

— Да, да, я пойду— засуетилась Анна.— Уж такие у меня девчата, такие! — расхваливала она своих учениц и как-то вдруг посветлела изнутри, засветилась.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

1

Поликарп Данилович обежал вокруг двухэтажного здания районного комитета партии, юркнул в котельную. Пламя ревет в топке, блестит зубами кочегар.

— Чего пожаловал, дед?

— Ты уж разреши, сынок, я у тебя переобуюсь. — Старик сел на лавочку, стянул подшитые валенки. Из вещевого мешка достал яловые сапоги. Надел их, голенища гармошкой сбил, прошелся. Сапоги поскрипывают.

— Хоть на парад, — сказал кочегар.

— Не на парад, к самому первому, — ткнул вверх пальцем Поликарп Данилович.— Пусть у тебя полежит мешок, через часок заберу.

— Пусть полежит, только по ошибке бы в топку не угодил...

— А ты, сынок, шутник.

— Какой уж есть, — беззлобно отозвался кочегар.

Лестница каменная, по лестнице ковровая дорожка стелется. Поскрипывают по ней яловые сорокинские сапоги. Поликарп Данилович подымается медленно, важно, поглядывает по сторонам. По стенам плакаты разные развешаны, на большом щите масляной краской написаны социалистические обязательства района.

— Вам кого, дедушка? — спрашивает в приемной секретарша.

— Я к самому, — делает страшные глаза Поликарп Данилович. — Из лесопункта Тананхеза я.

— А-а, вы по делу Полушкина, — понимающе кивает головой секретарша.

— Хрена мне сдался ваш Полушкин! — осерчал старик Сорокин. — Я по делу Панаса Корешова!

— Не ругайтесь, дедушка, неприлично, — заметила секретарша. Попросила минутку подождать в приемной. Сама ушла в кабинет первого секретаря.

Поликарп Данилович присел на стул, расчесал пятерней бороду. Прошло пять дней, как послал он записки Панаса Корешова в райком партии. И вот позвонили, просят приехать на прием к первому секретарю райкома партии. Даже машину легковую предлагали, но зачем такая роскошь, коль автобусы регулярно из лесопункта в район курсируют. Вот и прикатил сегодня старик Сорокин. На стене большое зеркало. Поликарп Данилович расправил бороду. Тут из кабинета вышла секретарша.

— Александр Яковлевич вас ждет. Заходите, пожалуйста.

«Какая обходительная, — подумал Поликарп Данилович. — Зря я при ней хрена вспомнил. Скажет, из тайги, дикий...»

— Можно к вам?

— Давай, давай, входи, дед, — потянулся из-за стола секретарь райкома. Он высок, худощав, белокур, на ногах бурки. Рядом с ним полный мужчина в синем костюме с петлицами прокурора.

Поликарп Данилович присаживается на стул. Перед ним на столе в графине отливает ртутью прозрачная вода. Старику Сорокину вдруг нестерпимо захотелось пить. Начал наливать в стакан, выплескал на скатерть — волновался.

Секретарь райкома и прокурор переглянулись, заулыбались.

— Вы, папаша, не волнуйтесь, — сказал Александр Яковлевич. — Пейте себе на здоровье, — на губах так и дрожит улыбка. Но улыбка сошла, взгляд стал строже. — Как же вы тетради эти нашли?

Пришлось Поликарпу Даниловичу рассказать все как есть. Секретарь райкома и прокурор слушали внимательно, не перебивали, даже не задавали наводящих вопросов — и так ясно.

— Что же вы о находке сразу никуда не сообщили! — спросил прокурор.

— Да хотелось сперва самим прочесть. Ведь мало ли что о человеке говорили,— сказал Поликарп Данилович, прихлебывая из стакана воду.

— Большое вы дело сделали, папаша, — заговорил секретарь райкома. — Реабилитировали человека, коммуниста. Ведь до наших дней считали, что Корешов перешел на сторону бандитов. Когда гнали банду Сизова, бойцы нашли на сучке оторванный карман от гимнастерки. В кармане оказался партийный билет на имя Панаса Корешова, и еще кое-какие документы, подтверждающие его личность... — Александр Яковлевич сделал паузу. — Но главное другое. Ведь многие односельчане в один голос утверждали, что когда бандиты ворвались в село, среди них видели Корешова. Пойманные бандиты подтвердили это. Могли ли мы после этих фактов поверить Корешову? Конечно, не могли. Вот что значит твоя находка, папаша. Черный позор с человека снял. Партия и народ тебе большое спасибо скажут.

Уронив голову на сцепленные пальцы, молча слушал Поликарп Данилович.

— А тетради, — снова нарушил молчание секретарь райкома, — мы передадим в редакцию... Весной, когда сойдет снег, перенесем прах Корешова сюда, — Александр Яковлевич прошел к окну. Во дворе райкома партии высился памятник героям гражданской войны.

Поликарп Данилович решился напомнить о своем памятнике.

— И вашему памятнику, папаша, место найдем, — сказал прокурор.— Как думаешь, Александр Яковлевич, не поставим ли мы его у землянки?

— Пожалуй, верно, — согласно кивнул головой секретарь райкома. — Там и поставим... Завтра посмотрю, что за памятник смастерил... Давно я уже на вашем

лесопункте не был. Там, говорят, Волошина всем верховодит. Ты понимаешь, Виталий Степанович, — обернулся он к прокурору, — технорук задумала перевести участок только на зимнюю вывозку. Не ново, конечно, и даже возвращение к старому, но и старое хорошо, если от него больше пользы. Летом безобразно гробим технику... Амортизация обходится едва ли не дороже леса. Посмотрим, посмотрим, что из этого получится.

Поликарп Данилович встал.

— А что же вы, папаша, в сапогах в такой-то мороз? — удивился секретарь райкома.

— Да, того, — замялся старик Сорокин. — Валенки в котельной оставил, все же неудобно.

Секретарь райкома и прокурор от души рассмеялись.

— Виталий Степанович, а ну, покажи свои ноги? В валенках, а в райком партии! Папаша из тайги культурней оказался...

«Не узнал бы, как в приемной выразился»,— подумал Поликарп Данилович и поспешил распрощаться.

2

Ухнуло. Эхом раскатистым отозвалось в тайге. Всполошившееся воронье закаркало, каруселью закружилось в воздухе, глазея на развороченную, дымившуюся скалу. Ребристые камни разбросало далеко вокруг. Черными головешками они резко выделялись на белом снегу.

Софа Хабибулин, бригадир сплавщиков, вылез из-за укрытия. У Софы на голове заячья шапка. У шапки одно ухо нацелено в небо, другое в землю. Шапка заячья очень лезет, у Софы всегда облеплены пухом плечи телогрейки.

— Ох, здорово! — притопывает он ногой, скалит зубы. Зубы у Софы прокуренные, щербатые, нос с горбинкой. Когда он смеется, смуглая кожа на лице стягивается со скул к глазам и здесь собирается мятыми складками, почти такими же, как на брюках под коленками.— Был бельмо на глазу реки, нет бельма на глазу реки!..— Софа взволнован, а когда взволнован, всегда несет не разбери что. Еще бы не волноваться! Сколько лет торчала на изломе реки эта скала. Если бы кто-то вздумал написать на скале все те ругательства, какие отпускались

по ее адресу сплавщиками, не хватило бы места. Плывущие сверху бревна в большую воду ударялись о скалу с такой силой, что разлетались щепки...

— Ты прямо чародей! — тряс подрывнику руку Софа.

Бригада Хабибулина вела подготовительные работы на реке Малая Тананхеза. И хотя сплав еще был за горами, но уже сейчас делались боны, на низких, заболоченных берегах ставились рогатистые козлины, строились плавучие домики.

А между тем день и ночь сотрясали стылую землю машины, груженные лесом. Дребезжали в ближних домах стекла, по косам и берегам реки росли штабеля леса. И ничто, казалось, не могло остановить это движение машин: ни пурга, ни наледи, ни арест Полушкина...

Платон после разоблачения Полушкина несколько дней ходил задумчивый. Первое время он сам не понимал, что с ним происходит. И только позже понял — разоблачение Полушкина точно эхо прошлого откликнулось в восприимчивом сердце Платона и залегло где-то в его закоулках невесомой, но значимой частицей...

По вечерам Платон продолжал читать книги. Он их поглощал с какой-то необъяснимой жадностью. А утром, когда двери выплескивали на улицу рабочих, когда сонную дремоту ночи разгоняло урчание машин — все становилось на свои места. Жизнь продолжала свой безостановочный бег. Раскачивалась по дороге автобусная будка, скрипело настывшее дерево, гарью тянуло от костров, дымившихся на верхнем складе. До нового года оставалось несколько дней. Бригада Виктора Сорокина шла почти наравне с заварухинцами.

— Сыграете вничью,— говорили лесорубы. А ничья тоже поражение. А поражение — позор. А позора Генкина душа не принимала. Напиться, надебоширить в его понятии не означало опозориться, но быть битым в честном соревновании... О-о, Генка мечтал обогнать хотя всего на полдня, а полдня — это тридцать-сорок кубометров, это победа. От одного этого снова запевало в душе... «Почему другим везет? — Этот Корешов без году неделя на лесопункте, а уже герой, видишь ли, дед оказался большим человеком, только и говорят о нем... Эх, и в жизни, наверное, как в игре в карты, кто выигрывает, кто в дураках остается... Нет, пуп надорву, а сорев-

нование выиграю»,— к такому решению приходил Заварухин.

В автобусе Генка старался подсесть к Платону. Но гордость никогда не позволяла заговорить первым.

— Странный ты человек, Кореш,— не вытерпел-таки, сказал однажды Генка, когда они возвращались домой от автобусной остановки. — Идейных не люблю, а ты нравишься, чем — сам не знаю... А вообще-то не люблю я людишек. Мразь людишки! Каждый хочет куда-то вылезть. Пока щи лаптем хлебает, человек человеком, а как сел в кресло, начальничком заделался, так и морду воротит... Я бы их, зажравшихся, время от времени заставлял снова в рабочей шкуре побыть... Ну, скажи, за что мне людей любить, а? — Заварухин даже приостановился. — Что они мне хорошего сделали? Посадили в тюрьму, послали вкалывать к черту в зубы, а когда отсидел срок, вытряхнули как ненужный сор из мешка. Живи, мол, теперь, только не вздумай артачиться, не то снова за ушко да на солнышко.

— Что верно, то верно, мы с тобой разные люди! — забыв о всякой педагогике, вскипел Платон. — Слушая тебя, можно подумать — против Заварухина все человечество ополчилось. А ты что хорошего людям сделал? Что? Когда в осажденном Ленинграде людям давали пайку хлеба, ты с шоблой крал его, набивал свой живот!.. — Платон говорил зло. — Думаешь, мне легко без отца и матери было!? Но меня люди не выбросили на улицу, на ноги поставили. Понял ты?! — Платон вдруг круто обернулся к Генке.— И не смей о людях так говорить! Иди, не то верно в рожу дам! — Корешов свернул с дороги и не оборачиваясь зашагал прочь.

Генка долго смотрел ему вслед, хмурил брови, щурил глаза. Сплюнул на дорогу. Тупо посмотрел на застывший плевок, шаркнул ногой.

— Эх! — выдохнул он. — Заноза!

3

Только что закончился обед, который обычно привозили прямо в лес в больших молочных бидонах. Платон вышел из обогревательной будки, свернул за высокий штабель леса. С торцовой стороны слышался приглушенный разговор.

Заварухина он узнал сразу, второй был Костя Носов.

— Все будет шито-крыто, — говорил последний. — И комар носа не подточит. Стоит только винтик — р-раз!.. и готово. Я уже пробовал,— похвалился слесарь. — Помнишь, у сорокинского трактора трубку масляного насоса разорвало? — Костя чуть слышно хихикнул.

«Вот гад»,— у Платона сжались кулаки. Глухо застучало сердце. Вспомнился вчерашний разговор с Генкой, его философия жизни — и вся эта затея с соревнованием показалась ему мыльным пузырем.

За штабелем возня. Платон не тронулся с места. Он решил открыто дожидаться их.

— Так, значит, это ты в трубку воды налил? — на этот раз говорил Генка.

— Конечно же, не сама она туда попала! — хвастливо отозвался Костя. Из-за конца бревна показался кожаный верх его шапки. Она раскачивалась, отчего Платон решил, что ее владелец чем-то обеспокоен. — Сейчас самое время трактор «подремонтировать», — и снова приглушенный смешок, но далеко не такой веселый, как первый. — Соревнование выиграешь — полбанки с тебя. Витька от злости лопнет... Хи-хи!

— Дешево берешь! — сказал Генка.— Шестерка!

В следующую минуту произошла неожиданная для Платона развязка. Шапка Кости исчезла, а потом колесиком выкатилась из-за штабеля. Платон просветлел лицом, вышел и присоединился к перекуривающим рабочим.

После сытного обеда они расположились на бревнах. Сегодня мороз был не таким злым. Можно было позволить себе и некоторую роскошь — поднять у шапки уши, посидеть с пяток минут без рукавиц.

— Присаживайся, Корешов,— показал рядом с собой Иван Вязов. — Катерина сегодня отменно накормила, на работу аж идти не хочется, — он подмигнул поварихе, которая проносила мимо пустой бидон.

— Да, уж жрать-то вы мастаки,— отшутилась вдова.— Работали бы, как ложками, лесу давно бы не осталось...

— А куда ты со своим Петром будешь бегать, ежели мы его вырубим, а? — вставил долговязый рабочий.

Сидящие на бревне покатились со смеху. Но плоская шутка по ее адресу ничуть не смутила Катерину. Она

хвастливо повела высокой грудью, выпирающей из-под ватника, бросила шутнику:

— На нас кустов хватит, а вот тебе со своей вафлей и дома тесно. — Она имела в виду, что долговязый часто ссорился со своей женой.

Смех стал еще дружней. Смеялся вместе со всеми и Петро Суворов, скуластый, смуглолицый, приземистый, ростом на две головы ниже Катерины. Он был донельзя доволен тем, что его возлюбленная этак обрезала насмешника. А долговязый сплюнул от злости — сам не рад, что связался с бойкой на язык женщиной.

— Должно быть, стыдно тебе, а? — ловко вмешался в разговор Вязов. Подсел к долговязому. — Подумай, брат, неужто от людей не стыдно. Не понимаю, отчего дружно не живете с женой. Ведь она у тебя ладная баба! Смотри, отобьет кто.

— Эт мы живо! — сказал подошедший Генка.

— Пошел ты... кобель! — обозлился долговязый, метнул сердитый взгляд на Заварухина.

— Будешь обижать, она сама от тебя уйдет,— убежденно заявил Вязов.

— Да я и не обижаю ее,— погас рабочий. — Это иногда спьяну в башку зайдет, и сам не чувствую, что делаю...

— А что, Иван Прокофьевич,— подсел на бревно Генка,— правда, что скоро лес будут трелевать на вертолетах?

— Верно. Читал я в журнале, такой метод опробывается,— живо отозвался Вязов.

Рабочие заинтересовались заварухинским вопросом, подсели ближе к Ивану Прокофьевичу, а тот неторопливо высказывал соображения по этому поводу.

— Эксперты заключили, что вертолет выгодно использовать в горах. Правда, дороговато пока обходится, ну да мы с вами еще доживем, когда трактористам придется переучиваться на вертолетчиков.

— Вот это здорово было бы! — Генка почесал затылок. — Я бы такое на вертолете выкинул, что всем чертям тошно стало!

— И вниз головой,— бросил реплику Петро.

— Нет, я бы вверх головой летал,— упрямо и вполне серьезно сказал Заварухин. Заложил пальцы в рот, пронзительно свистнул. — Эй, вертолетчики, пошли, —

позвал он.— Не то придется сорокинцам хвосты заносить.

Папиросы полетели в снег. Рабочие стали расходиться по верхнему складу. Вязов подозвал Платона, попросил его вечером зайти к нему.

— Дело есть. И Виктора с собой прихвати. Волошиной я уже сказал.

— Что за сабантуй, Иван Прокофьевич? — спросил Корешов.

— Придешь — увидишь,— было ему ответом. Вечером Платон и Виктор побрились, нагладились, пошли на квартиру к Вязову. Дорогой гадали, зачем их позвал Иван Прокофьевич.

— Именины! — стукнул по лбу Виктор. — Честное слово, именины! — Эта мысль парням пришлась по душе. Виктор сетовал на Сашеньку, которая не предупредила их заранее. Свернули в магазин. Долго не раздумывая, купили электробритву. Довольные покупкой, зашагали по переулку. В сенях парней встретила Сашенька.

— Что же ты нас не предупредила?! — выговорил Виктор.

— Это дело отцовское,— тряхнула головой Сашенька, улыбнулась Корешову. — Я здесь ни при чем.

— Знаем, что ты ни при чем.— Виктор ощупал в кармане футляр электробритвы. «Вот молодцы, что догадались»,— подумал он.

В комнате за столом сидели Рита и Вязов. На Иване Прокофьевиче просторная белая рубашка, вышитая крестом на рукавах и отвороте. Она резко оттеняла кирпично-красную шею и обветренное усатое лицо.

— Вот и все в сборе,— встретил гостей Вязов радушным жестом. Усадил ребят за стол. — Не хватает только вина и закуски...

«Ох и постные же именины будут»,— Виктор пожалел, что не прихватил с собой вина.

— Не обессудьте, ребятки, но позвал я вас по делу... Один разговор к вам имею. Сейчас перешли на семичасовой рабочий день. Времени, значит, свободного прибавилось, а чем мы его заполним? Больше водки станем пить? Или все танцульками будем заниматься? — Вязов посмотрел на смущенного и разочарованного Виктора. — Вот и хотелось с вами посоветоваться... Что скажете?

Виктор пожал плечами. Платон разглядывал узоры на скатерти. Рита накручивала на палец локон. Они ровно ничего не могли придумать и только изредка переглядывались друг с другом.

— Молчите? Та-ак! А что скажете, если, к примеру, на лесопункте университет культуры организовать, а?

— Ого! — в один голос воскликнули ребята. — Вон Корешов скажет, в городе профессора лекции читают, а здесь на весь район ни одного...

— А зачем нам профессора,— широко улыбнулся Вязов. — Вот будущая поэтесса сидит,— кивнул он на Волошину. — Не красней! Читал рецензии на твои стихи, хвалят в один голос... А Корешов пусть о прозе рассказывает, познакомит наших лесорубов с литературой...

— Да не пойдет народ! — перебил Виктор. — Их-то на лекцию на аркане не затащишь!..

— Ты за себя говори, за всех нечего глотку драть,— сурово отрезал Вязов. — Может, кто и не пойдет, а другие пойдут. Вот тебе поручение от партийной группы. После нового года организовать первую лекцию. Обсудите на комсомольском собрании. Ну, как ребята, осилим? — уже весело спросил Иван Прокофьевич.

— Можно попробовать, — сказал Платон.

— Вот и отлично! Может, чаем угостить?

— Спасибо, мы уж пойдем,— поднялся Виктор. Вызвал на крыльцо Сашеньку. — Когда у отца именины?

— Фью, давно прошли!

— На вот, передашь ему,— протянул Виктор электробритву. — Авансом к следующим именинам...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

1

С красной рожей забрел новогодний дед-мороз на лесопункт. Прошлепал своими огромными сибирскими пимами по улицам, остановился за околицей, распахнул полы истасканного за год тулупа, напыжился и ну раздувать праздничное кадило, разбрасывать подарки. Детишкам — что послаще, их папашам — что погорше. Даже участкового Коробушкина не обошел праздник. У Коробушкина посоловели глаза. Коробушкина впервые видели одетого не по форме. На крыльце общежи-

тия, в окружении парней, он распевал: «Эх, старшина, старшина...» Глотка у Коробушкина, видать, луженая,— голос его слышно на другом конце села...

Но там тоже не дураки. Там тоже дерут глотки. Лесорубы такой народ — работать так работать, гулять так гулять. В доме у Волошиных дребезжат стекла. Стекла тоже не дураки, знают когда дребезжать. Когда пол ходуном ходит под хозяйскими ногами. Отплясывает Илья, как бывало в молодости — глаза навыкат, рубаха расстегнута. Такие коленца выбрасывает, что ахаешь. А кругом кричат гости, подзадоривают, хлопают в ладошки. Хлопает в ладошки и кричит вместе со всеми Платон. Накачали парня. Хорошо, что крепок, другой бы давно под столом новый год встречал. И Рита слегка выпила, у Риты огнем горят щеки. Переглядываются они с Платоном влюбленно, тянутся друг к другу. Жарко. Душно.

— Ух, хочу на улицу,— шепчет Рита Платону.

Ночь стоялая, звездная. Луна точно елочная игрушка подвешена над такой же игрушечной тайгой. В эту новогоднюю ночь, когда кружится голова от хмеля, все кажется игрушечным...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

1

Отгремел праздник. Отшумели гулянки. Каждый житель поселка стал на год старше, на полмизинца умнее. И еще головы трещали с похмелья, еще не выбросили во дворы новогодние елки, а уже снова за работу. Снова легли на плечи, у кого были заботы,— те же заботы, у кого были переживания,— те же переживания, нашли продолжение в новом году те же события, которые были и в старом...

Но год для рабочих кончается не по календарю, а по итоговому собранию. На нем, как уже заведено, подбиваются бабки, вручают премии, не скупятся на почетные грамоты. На столе красная скатерть, за столом, в президиуме, директор леспромхоза Турасов, председатель месткома леспромхоза, бульдозерист Марченко. На трибуне Наумов. В клубе натоплено, душно. Леонид Павлович потягивает из стакана воду и снова и снова

бросает в зал цифры заготовленной и вывезенной древесины. Цифры внушительные — лесорубы аплодируют, хлопают теми самыми ладошками, которыми заготовили и вывезли всю древесину.

— В общем, товарищи, годовой план нашим лесоучастком выполнен на сто тридцать процентов! — Наумов вскидывает от бумажки голову. — Социалистическое обязательство также выполнено с честью!

И снова из конца в конец зала прокатывается гром аплодисментов. Доклад окончен. Объявляется короткий перекур. Мужчины валят на улицу. Женщины подсаживаются ближе друг к другу. У женщин всегда найдутся свои секреты. Девчата тоже шумят. Они разбились на два лагеря; одним верховодит Сашенька Вязова, другим учетчица Наденька. У Сашеньки голос грудной, у Наденьки — тоненький, звонкий, как колокольчик. Первая утверждает, что по итогам соревнования первое место одержала валочно-трелевочная бригада Сорокина, Наденька говорит — Заварухина.

— Товарищи, прошу заходить! — высоким фальцетом выкрикивает на улицу Наумов. Несмотря на духоту, у Леонида Павловича на шее шарф — у него воспалились гланды.

Мужчины делают последние, глубокие затяжки, словно хотят накуриться на весь вечер. На переднем ряду Поликарп Данилович с супругой и еще несколько ветеранов-лесорубов. Сорокинцы на второй скамье по левому крылу, заварухинцы по правому. Генка последнее время замкнут, на Платона смотрит исподлобья — глубоко в душу запал тот разговор...

Председатель месткома, подвижной, лысый человек, зачитывает длинный список награжденных почетными грамотами, ценными подарками. Потом кладет список на стол, смотрит в торжественные лица, говорит:

— Особо на этом собрании нам хочется отметить соревнование валочно-трелевочных бригад Сорокина Виктора Поликарповича и Заварухина Геннадия Николаевича. За четвертый квартал этими бригадами заготовлено и стрелевано на верхний склад двенадцать тысяч шестьсот один кубометр...

Поликарп Данилович осанисто покашливает в ладошку. Его так и распирает от гордости за сына. Он крутит головой, знай, мол, наших.

— Так вот, товарищи, честно говоря, за такую работу следовало бы наградить обе бригады, но победителей мы награждаем особо,— председатель месткома взял со стола коробку, перевязанную шелковой лентой.— Бригадиру вручаем костюм.

— Ай да молодец! Весь магазин закупил! — выкрикивает с задних рядов Софа Хабибулин.— Говори, кому костюм такой даешь?..

— На тридцать шесть кубометров бригада Заварухина обогнала сорокинцев,— среди общей тишины раздался голос председателя месткома.— Поаплодируем, товарищи!

— Тридцать шесть кубометров,— разочарованно повторяет Тося. Он впервые надел галстук, галстук жмет. Тося вертит головой, потеет.

Платон косится на Генку. Генка же ни на кого не смотрит. Чубина свесилась на лоб. Он как будто бы даже недоволен победой. Что случилось?

— Заварухин! — вызывает председатель месткома.

Генка поднимается на сцену медленно, точно давая возможность всем сидящим в зале вдоволь насмотреться на себя. Так же не спеша подошел к столу, молча принял коробку, потом повернулся лицом к залу. В зале тихо. В зале даже слышно, как недовольно, обиженно посапывает старик Сорокин. Глаза Генки блуждали по залу и вдруг на ком-то остановились, сузились.

— Ты не молчи, ты говори! — выкрикивает нетерпеливый Софа.

— Я скажу,— Генка сделал шаг вперед.— Это не моя премия!

Зал встрепенулся и снова затих. На лицах недоумение, растерянность.

— Сорокин отстал на тридцать шесть кубометров,— медленно продолжал Генка.— Так, Леонид Павлович? — вполуоборот спросил он начальника лесопункта. Тот моргает глазами, утвердительно кивает головой.— Сколько до обеда может дать трактор? — Теперь Заварухин обращается ко всему залу.

— Тридцать-сорок,— говорит кто-то из передних рядов.

— Верно,— Генка взвесил на руке коробку, потом снова отыскал кого-то глазами в зале.— Как думаешь, Костя, отдадим?

Костя Носов, почувствовав неладное, спрятался за спины впереди сидящих. На него стали оглядываться: причем здесь слесарь Костя Носов?

— Отдайте эту премию Сорокину,— круто обернулся Заварухин к президиуму.— Она его! Трубка масляного насоса была не случайно разморожена...— Он положил коробку на стол, спустился со сцены и, провожаемый сотней недоуменных глаз, прошел через весь зал, хлопнул дверью.

В зале тотчас поднялся гвалт, шумели, кричали что-то на разные лады.

— Товарищи, товарищи, прошу внимания! — встал из-за стола начальник лесопункта.— Нам не совсем ясно, что произошло. Попробуем разобраться, на днях объявим. Собрание окончено. Сейчас приглашаем посмотреть художественную самодеятельность. «Надо же вечер так смазать,— думал Леонид Павлович.— И еще при начальстве...»

— Вы уж извините, Сергей Лаврентьевич. Мы обязательно разберемся,— топтался он около Турасова.

— Пожалуйста, пожалуйста,— машинально ответил Турасов. Он искал глазами Риту и не совсем ясно понимал, о чем бубнил над ухом начальник лесопункта. Риту Турасов разглядел не сразу в компании девчат. На ней было голубое платье. В нем она казалась стройней и выше ростом.

— С этим Заварухиным всегда какая-нибудь оказия... Но мы разберемся...— Леонид Павлович ни на шаг не отходил от директора леспромхоза.

— Что?! Всего хорошего, Леонид Павлович, всего хорошего.

У Наумова брови поползли вверх. Он так и остался стоять, полуоткрыв рот, немо взирая на директора леспромхоза. Турасов сдержанно кашлянул, покосился на Наумова и решительно зашагал к Волошиной. Увидев его, девчата отошли в сторону.

— Поздравляю вас, Маргарита Ильинична,— Турасов протянул руку. Рита ощутила, какая у него теплая и мягкая ладонь.— Если в таком же темпе сработаете во второй половине зимы — можете считать, что ваш проект принят...

— Спасибо, Сергей Лаврентьевич.— Рита почему-то избегала смотреть в глаза Турасову.— Только хвалить

еще рано... Запасных-то частей нет. А, может, дадите? Ну, хоть немного, Сергей Лаврентьевич, а?

— Как же вам откажешь,— улыбнулся Турасов.— А запчастей нет. Вот так. Будут — дадим...

— И на том спасибо...

— Да, да, вы уж подкиньте запчастей,— сказал кто-то просительно за спиной у Турасова.— Прямо беда без них, завалим план...

— Дорогой Леонид Павлович, знаете я сейчас о чем подумал?.. Мы, наверное, очень скучные люди, а? Смотрите, кругом все веселятся, а мы с вами о запчастях говорим...

2

У Генки полупальто нараспашку. Руки висят жгутами. Чуб, выбившийся из-под шапки, припорошило инеем. Сапоги по укатанной скользкой дороге цокают зло. И не премии жалко, не проигранного соревнования, жалко Заварухину жизни, прожитой впустую. Мало в ней светлого, мало в ней хорошего...

Он несколько раз останавливался, оглядывался на клуб. Из окон клуба брызжет свет, в окнах видны головы людей. «К черту всех,— размышляет Заварухин.— Уеду куда-нибудь, а там начну жизнь сначала...» Не в натуре Генки долго раздумывать, взвешивать, как это принято у других людей. Задумал, как ножом отрезал. Если бы Волошина ответила на любовь, тогда, быть может, не пришла Генке в голову мысль о побеге. Но он не маленький, он видит и понимает, что насильно мил не будешь. «Этот Корешов уже снюхался с Риткой. Ну, что ж, вейте семейное гнездо, а я вольная птица...»

На крыльцо общежития Генка взбежал быстро. Прогремел сапогами по коридору. Стукнул ногой в дверь. Дверь в комнату не заперта. На табуретке у стола кто-то сидит, на голове буйная, кучерявая шапка волос, на плечах потрепанное пальтишко. Рукава короткие, из них торчат красные, озябшие кисти рук.

— Степка-цыган! — Генка изумленно останавливается у порога.

— Дружище! — вскакивает со стула гость. Он тискает Генку, кружит по комнате, блестит вставленными зубами. — Не забыл тебя Степка-цыган! Друзья не забывают!..

— Зачем пришел? — высвободился из объятий Заварухин. Не раздеваясь, присел на кровать, подобрал под себя ноги.

— Не рад? — тревожно изогнулись брови у гостя. Он заискивающе смотрел на Генку.

— Ты мне не сват и не брат, чего радоваться,— продолжал хмуриться Заварухин. Неожиданный приход Степки-цыгана расстроил его планы. Укладывать при нем чемодан Генке не хотелось.— Небось, жрать хочешь? — Заварухин достал из тумбочки колбасу, хлеб, раскупорил банку рыбных консервов. Снял пальто, принес горячего чаю.

Степка-цыган с жадностью накинулся на еду. Прожевывая хлеб, говорил:

— Вспомнился адресок твой. Дай, думаю, проведаю дружка... А ты богато живешь. Харчи отменные,— он двигал челюстями, как жерновами. Одним глазом косил на стол, другим на вешалку, где висело новенькое заварухинское полупальто.— Валюту, наверное, лопатой гребешь, сотенными, а? — прицокнул языком гость.

Генка слушал рассеянно. Он полулежал на кровати, курил. Потом приподнялся на локоть, в углах рта спряталась презрительная улыбка.

— А я думал, ты в Одессе-матушке, под солнышком живот греешь.

— О-о, Степка-цыган везде побывал! — бахвалится гость. В то же время и о еде не забывает. У Степки-цыгана волчий аппетит — с утра ничего во рту не было. Ехал зайцем на поезде, ссадили. Покрутился на вокзале, хотел поживиться, да чуть в милицию не угодил. Тогда-то и вспомнил, что в этом районе на лесоучастке должен работать Генка. До обеда проторчал у чайной. Здесь, как ему подсказали, останавливаются машины — на автобус денег не было. На попутной добрался до лесопункта, разузнал у шофера, где живет Генка Заварухин. Бегом в общежитие, отыскал комнату. В комнате паренек. Он объяснил, что Генка на собрании, что Генке за хорошую работу должны премию дать... И ушел, даже не попросив Степку-цыгана покинуть комнату... «Ой, мил-человек,— думал Степка-цыган,— не знаешь, кого оставляешь в комнате...»

— А ты, слышал, премию получил? Сколько кусков отвалили? — бренчал консервной банкой гость.

— Ну, ты, кусочник! — поднялся с кровати Генка. Подошел, вырвал банку, бросил на стол.— Если пошарить приехал, не вздумай, башку сверну!

— Да ты что!? Верно говорю, в гости заехал! — клялся Степка-цыган.

— Раз в гости, тогда раздевайся,— остыл Генка.— Ляжешь на ту кровать, она пустует. Ребята на концерт остались, не скоро придут.— Заварухин разделся, выключил свет. Долго лежал молча, потом сказал:

— А от премии, Степка, я отказался... Сам отказался.

— Как отказался?! Заливаешь, Генка! Ты всегда такой шутник!..

— Не рогочи, верно говорю. И сам не пойму, как это случилось. Одно на уме было — ведь соревновались честно. Одинаково пупы рвали. Если б слесарюга у них трубку не переморозил, тогда б другое дело... Да что тебе толковать, все равно не поймешь..

На соседней кровати заворочался Степка-цыган. «Чепуху какую-то мелет,—подумал он. — Соревнование — это игра, неважно, как соревновались, важен результат... — Нет, это же надо, от костюма отказался! — И тут же он поймал себя на мысли: Генка за это время, как освободился, узнал что-то такое, чего ему, Степке-цыгану, пока никак не понять... Выходит, я ему завидую,— изумился Степка-цыган,— ему, который тут вкалывает, как карла...»

— Куда путь держишь? — снова подал голос Генка.

— Эх, и сам не знаю,— вздыхает Степка-цыган.— Поверишь, с этой бы кровати никуда не уехал...

«Значит, не сладко бродить по свету,— размышляет Генка,— если матрац, набитый соломой, периной кажется».

3

Машина, груженная лесом, вдруг осела на заднее колесо. Накренилась. Приехали! Это уже третья поломка за день. И у всех трех машин полетели рессоры. Полетели — это значит лопнули, то ли с краю, то ли посредине, но так или иначе — поломка.

— Кто дал право перегружать машины? — спросила Рита одного из шоферов. Тот, этак небрежно, возьми да и скажи:

— Грузят, мы и возим. Нам-то что!

Рита разыскала механика Сычева. Михаил Михайлович только плечами пожимал — я, мол, здесь при чем? Мое дело ремонтировать, ваше — возить, заготавливать лес. Рита так и задохнулась от злости, на переносице брови ленточкой сошлись, на щеках румянец проступил.

— Как это вы ни при чем?! Вы что же, ждете, пока все машины выйдут из строя!.. А ну, едем на верхний склад.

Поехали. На автокране в эту смену работал Санька Тынянов. Осенью, в период дождей, он женился. И парня словно подменили — остепенился, про балагурство забыл. Братья Близнецовы только успевали заносить стропы. Толстомерное бревно повисло в воздухе, ухнуло на машину, колокольцами перекликнулись цепи. Машина присела на правые колеса. Второе бревно — на левые. Третье — на все колеса. Машина будто ниже стала. Точно в землю вросла.

— Стоп! — подала знак крановщику Волошина.

— В чем дело, Маргарита Ильинична? — высунулся из кабины Санька. У Саньки дурацкая привычка скалить зубы даже тогда, когда разговаривают с ним серьезно.

— Не видишь, машину перегрузил! Очки нужны?..

— Зрячий, и так увижу,— беззлобно отозвался крановщик.

С передней площадки лесовоза спрыгнул на землю шофер Николай Ерохов. Не спеша, вразвалку подошел к начальству. У Николая полушубок блестит от мазута, лицо обожжено морозами.

— О чем разговор, товарищи начальники? — Николай снял рукавицы, сунул их за ремень.

— Почему, товарищ Ерохов, машину перегружаете? — дышит морозным паром Волошина. Не ко времени мизинец на правой ноге ощутимо заныл, стало покалывать, как иголочками. «Надо двигаться, не стоять на месте», — думает она. Взяла за рукав Ерохова, повела к машине. — Сколько, по-твоему, здесь кубометров?

Николай мнется.

— Сколько? — не отступает Волошина.

— Ну, кубиков двенадцать, — щурит тот глаза.

— А сколько можно погружать?

— Сколько, сколько! — Николай перевел взгляд на механика, с механика на автокрановщика.

— Тынянов, снимай эти два бревна, — скомандовала Рита. Неудобно приплясывать, но приходится — покалывание иголочек в палец усилилось. — Снимай, снимай! — Она не обращает внимания на просьбу Ерохова отвезти хотя бы этот лес. «Сегодня же переговорю с Наумовым, — думает Рита. — Пусть специальный приказ напишет: при перегрузке машин поломки относить за счет водителей, — и сама вдруг удивилась своей строгости. — Может быть, помягче? Нет, иначе через полмесяца — месяц не только рессоры, но и подшипники полетят...»

Дорогой в поселок Рита нагрубила механику. Михаил Михайлович только отдувался. «Вот баба, даже за себя не может постоять», — смотрела в лобовое стекло Волошина на убегающее под колеса белое полотно дороги. Последнее время она ощущала необыкновенную легкость, будто ее кто-то подхватил сильными ручищами и понес. Ни минуты не сиделось дома. Везде хотелось поспеть самой, до всего дотянуться, сделать, увидеть...

Хотя Рита и продолжала встречаться по вечерам с Платоном, но чувства ее как бы раздвоились. Мысли девушки все чаще стал занимать Турасов... Рита боялась этого второго чувства. Как бы желая перебороть его, она чаще встречалась с Платоном, она хотела узнать его ближе, чтобы никто иной, только этот паренек владел ее чувствами. Но Платон оставался для нее только отличным свойским парнем. С ним было просто и легко, как если бы она встречалась с другом детства или со школьным товарищем. «Кстати, как он там сегодня? — подумала Рита. — Справится ли за вальщика? Сысоев заболел, не вышел на работу...»

Они ехали в кабине трое. Рита между Ероховым и механиком. Михаил Михайлович смотрел в отпотевшее боковое стекло и часто протирал его рукавицей. Николай всю дорогу насвистывал какую-то песенку. Все уши Рите просвистел. Но не могла же она ему запретить свистеть. Другое дело — запретить перегружать машину.

Когда вылезли из кабины, Ерохов окликнул Риту.

— Маргарита Ильинична, а ведь в кабине тоже втроем не положено...

Рита улыбнулась, шутя погрозила пальцем — подметил-таки.

— Молодец, в другой раз не пускай. — Ноги отогрелись, мизинец больше не покалывало.

Наумова в конторе не оказалось. Сказали, что он уехал на нижний склад. В контору начальник лесопункта заявился только во второй половине дня. Валенки гремели, как железные. На полушубке блестящими росинками застыли капельки воды. Он почесал ладонью небритый подбородок, прислонился к обогревателю печи.

— До костей промерз, — сказал Наумов. — Машина на реке в пустоту угодила, еле вытащили...

Из диспетчерской принесли сводку вывезенной за день древесины. Леонид Павлович долго вертел в пальцах бумажный квадратик, сопел. Проследил валенками до стола, положил сводку под стекло.

— Да-а, — пробарабанил по стеклу пальцами, изучающе посмотрел на Волошину. — На тридцать кубометров сегодня вывезли меньше, — сипло выговорил он. — Почему?

— Вы же знаете почему, зачем спрашиваете? — шаркнула локтями по столу Рита.

— Я ничего не знаю, — упрямо повторил Наумов. Ему неудобно было заявить прямо, что он против распоряжения технорука, что он за перегрузку машин. — Мне важно то, что снизилась вывозка. Вот сейчас позвонит директор,— дотронулся он пальцами до телефонного аппарата, — спросит, сколько вывезли за день. Спросит, почему меньше. Что посоветуете ему ответить? — склонил на бок голову Леонид Павлович.

Было хуже всего слушать его ровный голос. Он жужжал надоедливо, подобно осе, летающей над ухом.

— Объясните все, как есть на самом деле. Зачем обманывать себя, Леонид Павлович? Неужели вы не хотите понять, что, перегружая машины, мы можем лишиться их!?.. Мы просто не выполним план!

— Вот-вот! — оживился Наумов. — Я же говорил, запас не следовало трогать.

— Леонид Павлович, — потеряла всякое терпение Волошина, — зачем разводить демагогию?!

— Я не демагог, — в свою очередь обозлился Наумов. — Я не меньше вас болею за план!

— Хорошо, дорогой Леонид Павлович, вы болеете за план, — озорно блеснула глазами Волошина, — но зачем небритым ходить?

— Что?! — Наумов дотронулся до подбородка. Некоторое время непонимающе взирал на технорука, потом упал на стул и долго, сипло смеялся. — Ох, уж вы, женщины! — сквозь смех говорил он. — Выходите замуж, Маргарита Ильинична, в этом ваше и мое спасение...

— Почему? — удивленно вскинула ресницы Рита.

— Станете, как это сказать, — Леонид Павлович наморщил лоб, — мягче, что ли... На свадьбу только обязательно пригласите. Начальника не пригласить грешно.

— Ладно, позову. Только приказ подпишите.

— Какой такой еще приказ?

— При перегрузке машин поломку относить за счет водителя.

— Вечером соберем мастеров, пригласим механика, обсудим... — почесал заросший подбородок Наумов. Теперь он ему не давал покоя. Надо же!

4

Ветер путался в густой кроне кедра, кидался в Платона сыпучими пригоршнями снега, дерево набатно гудело. Оно словно исполняло свою лебединую песню. Но у Платона своя песня — хлесткое жужжание бензопилы больно ударяет в уши, отзывается в голове тысячами маленьких, звонких колокольцев...

Сегодня он подменил заболевшего вальщика. И немало будто стажировался, а стал работать один, все пошло шиворот-навыворот. Деревья никак не хотели падать по ходу волока, а здесь еще со стороны болота потянул ветер. Платон решил прибегнуть к помощи шеста. Один конец упер в дерево, на другой налег грудью. Поднатужился. Кедр скрипнул, закачался, но устоял. «Большой недорез оставил,— подумал Платон и снова подналег на шест. — Дерево должно упасть по ходу волока, иначе какой к черту из меня вальщик».

Гудит крона, сопротивляется дерево. Но, видать, человек сильнее — стало крениться, ломая сучья, ухнуло в снег. «Все!» — Платон с радостным чувством опустился на пень, достал пачку папирос, задымил. Жарко.

Нелегкой оказалась борьба с деревом. И все-таки даже эта маленькая победа радует парня. Наконец-то непокорный кедр лежит по ходу волока.

— Как дела, Платон? — кричит из-за ближайших деревьев Тося.

— Отлично! — отзывается Корешов. Бросил окурок в снег, снова принялся за работу. Ребята поговаривают — и в этом году надо вызвать на соревнование Заварухина. С премией разобрались. Вручили ее все-таки Генке, а длинноногому Косте всыпали под самую завязку. Парень сейчас ходит, как в воду опущенный...

В обеденный перерыв Платон, читая газету, на третьей полосе увидел несколько стихотворений, подписанных Ритой. Это его удивило. Но вслед за удивлением появилось огорчение. Чем оно было вызвано, Платон и сам до конца не понял. «Почему Рита при встречах ни словом не обмолвилась о стихах? Неужели она считает, что это меня вовсе не касается? — спрашивал себя Платон. — А ведь, послав стихи, она не могла не волноваться, не могла не переживать...» — Досада сменилась обидой. Впервые закралось сомнение в подлинности Ритиных чувств...

Вечером, после работы, он переоделся и пошел на место их обычного свидания. Ждал до тех пор, пока не замерз, но Рита не приходила. По дорожке к дому Катерины спешит Петро Суворов. Под пальто карман оттопыривается.

— Эй, парень, нос отморозишь!

— Ничего, я привычный, — притопывает ногами Корешов.

— Не жди Ритку, — Петро часто их видит возле дома Катерины. — Они в конторе совещаются... Зайдем, обогреешься, что на улице торчать?

Платон бы, конечно, обогреться не против, но как-то неудобно, мнется.

— Пойдем,—тянет за рукав Петро.—Катерина баба добрая, не кусается...

У Катерины плита докрасна натоплена. На печи в кастрюле картофель булькает. Сама хозяйка от жары разомлела, раскраснелась, сама как печь.

— Вот гостя привел, — бубнит Петро.

— А-а, солдатик! — глаза у Катерины смеются. В такие глаза, как у этой женщины, посмотришь—и уто-

нешь в них. Катерина надвигается на парня высокой грудью. — Что, соколик, замерз, Ритку-то дожидаючи? Большую птицу поймал, смотри не выпусти, — она поводит плечом. — Ну, да мы сейчас тебя отогреем! Петро, сади гостя за стол.

— Я на минутку, — отнекивается Платон.

— Никуда твой технорук не убежит, — убежденно говорит Петро. — Они там заседают, а мы здесь засядем. Ха-ха-ха!

— Ну-ну, соколик, — подталкивает в спину парня Катерина. Неожиданно хлопает его ладошкой по плечу. — Люблю здоровых мужчин! Был бы ты, соколик, постарше, ей-богу опутала бы, а Петра побоку, — смеется озорная вдова.

Петро только тянет в улыбке рот, улыбается и Платон. И что ломаться, ведь люди-то они простые, и с ними просто и хорошо. Выпили, закусили, поговорили о разном.

— Спасибо, мне пора,— стал прощаться Корешов.

— Ты не стесняйся, заходи, — по-хозяйски приглашает Петро. Он сидит за столом в нижней рубашке, из-под распахнутого ворота видна волосатая грудь.

— Зайду,— обещает Корешов. От жары и водки голова кругом идет. Скорее на улицу. Хватил ртом морозный воздух раз, другой, легче стало. В окне конторки еще свет горит. Платон прибавил шагу. В самое время попал. Совещание только что закончилось. Вечер лунный, далеко видать.

Рита уж так, больше по привычке, посмотрела на дорогу. Маячит кто-то на ней. «Платон,— соображает она. — Вот глупый, сколько времени на улице мерзнет». — Рита еще не ужинала и одета по-рабочему.

— Рита, домой пора,— зовет отец.

— Ты иди, папа, я сейчас...

Илья Филиппович пошел было, но потом остановился, оглянулся. Куда это дочь направилась? Волошин давно приметил, что она по вечерам где-то пропадает. Не похоже, чтобы в клубе — домой придет, ног от холода не чувствует. «Уж не тот ли парень, кого на праздник Ритка приглашала?» — смекает Илья Филиппович. Но попробуй разгляди отсюда, с кем она на дороге встретилась. Подойти неудобно. Ладно, не маленькая, чтобы за нею присматривать...

Между тем Рита повстречалась с Корешовым. Обоняние у девушки острое — сразу уловила запах водки.

— Ты где это хлебнул?

— Суворов затащил погреться к Катерине. Угостили, как тут откажешься,— оправдывался Платон.

— А я-то думала на улице мерз!.. На первый раз прощаю, а больше не вздумай приходить выпивши. Пойдем, проводишь меня до дому. Есть так хочу!..

Платон взял под руку Риту, пошли. Глядь, у калитки сам Волошин стоит. Платон оробел. Но Рита держит за руку. «А, будь что будет»,— думает парень. Хотел о стихах спросить, да только ли о стихах, но, как видно, сегодня не удастся.

— Поужинала бы, дочка,— говорит Илья Филиппович. — И дружка своего пригласи... — многозначительно прокашливается. Все ясно.

5

Степка-цыган отсыпался три дня. Три дня отъедался на заварухинских харчах. Повеселел. Где-то раздобыл гитару с ярко-красным бантом на грифе и по вечерам в комнате устраивал концерты. На четвертый день терпение у Генки лопнуло. Выждав, когда никого не было в комнате, встряхнул Степку-цыгана за грудки.

— Долго будешь на иждивении сидеть?

— Ба! — стукнул тот себя по лбу ладонью. — Разве я вам бесплатно концерты даю?!

— Бросай дурачка корчить! — не отступался Генка.— Или дуй работать, или проваливай ко всем чертям!.. Хочешь, в свою бригаду возьму, мне как раз нужен помощник.

— Не-ет,— покрутил Степка-цыган кудлатой головой. — От работы кони дохнут, а у меня артистическая натура.

— Ну вот что, артистическая натура, собирайся и аллюра отсюда!

— Гонишь? Ладно, завтра утром скроюсь с глаз.

— Собирайся сейчас. Я твои фокусы знаю.

Не понравился Заварухину разговор о простынях. Хватит с него и того, что с этими простынями едва не угодил в паршивую историю. Потом их подбросили к соседу под кровать...

— Эх, забыл старых корешей! — вздохнул Степка-цыган.

— Не трави, никаких корешей у меня и не было, — отрезал Генка. — Ну, живо собирайся, скоро автобус отойдет.

Сборы у Степки-цыгана недолги. Надел свое потрепанное пальтишко, стоптанные сапоги. Через плечо мешок, под мышку гитару.

— Чья гитара?

— Гитара? А-а, этот инструмент! — Степка-цыган большим пальцем прошелся по струнам, понюхал надушенный бант. — Дусечки-агитаточки вашей.

— Оставь, верну сам. Пойдем, артистическая душа,— подтолкнул к двери гостя Генка.

По улице шагали рядом. Степка-цыган, втянув голову в плечи, Генка, засунув руки в карманы полупальто, часто, сквозь зубы, цыркая под ноги.

— Подожди,— остановился Заварухин. Забежал в магазин. Вышел, неся в руках бумажный сверток. Сунул Степке. — Держи на дорогу. Куда двинешь, в город? Вот деньги на билет.

У Степки-цыгана глаза засветились радостью. Когда садился в автобус, по-бабьи слезу пустил.

— Спасибо, друг, за деньги, за жратву.

— Может быть, останешься, поработаешь?

— Не-ет, — отрицательно покачал тот головой. — Я лес не люблю. Приеду в город, на судно устроюсь. Море мне больше подходит, там простору много... Люблю, когда простору много, — размечтался Степка. — И небо синее, и море синее, и видать далеко, далеко... А тайга не для меня, в тайге тесно...

— Давай лапу,— Генка весело подмигнул. — И тебе спасибо. Напомнил мне воровскую жизнь, и я умнее стал. Прощай. — Он приподнял шапку и, не оглядываясь, зашагал к общежитию.

Долго смотрел ему вслед Степка-цыган, чесал за ухом, вздыхал. Окликнул мальчугана, вытащил из мешка новенький заварухинский костюм — премию.

— Вон дядя пошагал, видишь? Догони, отдай ему это. Скажи, Степка-цыган прощения просит.— Он пощупал пальцами лацкан пиджака: «Чистая шерсть!» — Эх! Ну, беги!

Мальчуган опрометью кинулся за Генкой.

Степка-цыган сел на свободное место, на место, которое он оплатил, с которого его никто не имел права теперь согнать...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

1

Вчера Платон проводил Риту в город. Ее пригласили на краевой слет молодых поэтов. Без нее сразу стало пусто, скучно, чего-то не хватало, особенно вечерами. Корешов не мог дождаться утра. В шесть часов утра зимой еще темно. В шесть часов еще на небе перемигиваются звезды. Но людям не до астрономии. У людей своих дел по горло. Надо заготавливать лес, надо выполнять план.

Во дворе гаража, разгоняя предутреннюю темень, горят факелы. Машины, для которых не хватало места в боксах, разогревали под открытым небом. Пламя костров ударяло в днища картеров, факелы шоферы совали прямо в моторы. Старый испытанный метод.

Первая, вторая и третья декады не были показательными в работе лесоучастка Тананхеза. Об этом знали все рабочие, знал Платон. В последние встречи с Ритой только и было об этом разговору. Подвели механизмы. Проработав еще кое-как в первой половине зимы, они начали сдавать во второй. Не помог и приказ — ни в коем случае не перегружать машины. Резко падала вывозка.

Все это не могло не сказаться на настроении рабочих. В автобусной будке тихо, переговариваются вполголоса. Нагоняя тоску, скрипят настывшие доски, воет мотор. Наденька, не мигая, смотрит в узкое оконце. «И что она там видит? — недоумевает Платон. Стекло обкусано морозом, затушевано инеем. Под машиной прогремел мостик. Теперь Платон и с закрытыми глазами мог сказать, сколько проехали. — Вот так, пожалуй, и в жизни,— бегут у Платона мысли, как эта дорога, что пожирается колесами. — Когда не знаешь жизни, она кажется бесконечно запутанной, а узнаешь — все просто и ясно... А Наденька как будто похудела, — ни с того, ни с сего перескакивают вдруг корешовские размышления. — С чего бы это?»

Платон переводит взгляд на Ивана Вязова. У того даже кончики усов повисли. Вчера снова напомнил об университете культуры...

Вязов шевелит губами, разводит плечи, смотрит на Платона и неожиданно басом запевает. Слуха у него нет, поет на один мотив:

И стоит тот утес,
В землю русскую врос...

На Вязова смотрят во все глаза. Потом начинают подпевать сами. Песня тягучая, тяжелая. Утес, о котором поется в песне, кажется Платону, напоминает самих лесорубов — угловатых, с грубыми лицами, тяжелых на слово и на руку.

Наденька не поет. Зато плечи у Наденьки поднялись, и вся она точно стала выше ростом. Будку раскачивает, раскачиваются лесорубы, взлетает к потолку песня, дробится о ребристые выступы, тесно ей в будке.

Платон ловит на себе изучающий взгляд Волошина. Илья Филиппович упорно рассматривает его. Наверное, присматривается старый мастер к своему будущему зятю. Чем черт не шутит, сегодня чужой, а завтра переступит порог дома и скажет: «Здравствуй, батя!»

Работы в лесу начались, как обычно. А во второй половине дня, когда сорокинский трактор возвращался с лесосеки с пачкой хлыстов, под гусеницами вдруг расползся слой грязного тинистого покрова. Болото в этом месте, оказывается, не промерзало. Трактор в первую же минуту погрузился по самые катки. Но чем дальше, его все больше засасывало в грязь. Надо было срочно вызывать на помощь другой трактор. Очень не хотелось Виктору обращаться за помощью к Заварухину, но его бригада работала ближе других. За Генкой побежал Платон. Заварухинцы как раз формировали пачку хлыстов.

— Помоги, Генка, трактор Сорокина в болото провалился...

Генка посмотрел снизу вверх на Платона, кивнул головой, приглашая садиться в кабину. Трактор он повел напрямик, через мелкий кустарник. «Ох и нагорит мне за гибель молодой поросли», — пронеслась мысль, и тут же Генка забыл о ней. На болото трактор выскочил как ошалелый и полным ходом устремился к чер-

неющему среди кочковатого снежного поля сорокинскому. Его почти засосало до верхних катков.

— Здорово влипли! — впервые за всю дорогу Генка расцепил зубы. На крюк трос набросили, стали вытаскивать задним ходом. На это ушло около часа. Виктор, облепленный грязью, поблагодарил Заварухина. На Платона Генка почти не обращал внимания. Платон отошел в сторону, зачерпнул ладошкой снег, сунул в рот. Оглянулся и обомлел. Заварухинский трактор, гремя гусеницами, несся прямо на него. Ребята, занятые своими делами, не видели этого. Почти в метре от Корешова Генка резко остановил трактор. Потом дал задний ход, круто на левой гусенице развернулся и по своему следу пошел в обратный путь.

Только сейчас у Платона по спине пробежал холодок. Неприятно засосало под ложечкой.

— Поехали! — как ни в чем не бывало позвал Виктор.

2

Мороз осатанел. Выше кос, на которые была вывезена часть леса, проступила наледь. Воду выжали морозы и погнали по реке. Вода разрыхлила снег, постепенно пожрала его и закатилась на косы. Нижние накаты штабелей оказались в наледи. А через день бревна намертво вросли в образовавшийся лед.

Леониду Павловичу такая картина не улыбалась — пахло не одним выговором от директора леспромхоза. Отпустив технорука в город на слет молодых поэтов, Наумов теперь сожалел об этом. При Волошиной он чувствовал себя увереннй. Несмотря на ее строптивый характер, все-таки Леонид Павлович был привязан к ней. Но в конечном счете ни он, ни Волошина не виновны в том, что натворила наледь. Их вина — мало подготовили надежной складской площади.

Из леспромхоза утром этого дня передали телефонограмму.

«20 февраля начальнику лесопункта Тананхеза Наумову, техноруку Волошиной, механику Сычеву явиться на совещание.

Директор леспромхоза **Турасов**».

Леонид Павлович заглянул в настольный календарь. Прошло больше полутора месяцев, как тот же Турасов

поздравлял их с успешным окончанием года. Но сейчас на совещании не жди ничего хорошего. «Двадцатое — это послезавтра, — размышлял Наумов. — Завтра должна подъехать Волошина. Если вдруг задержится? Тогда срочно заболею. Сычев — тот толстокожий, его ничем не прошибешь. Эх!» — Леониду Павловичу от таких мыслей стало грустно. В кабинете ни одной души. Ехать на реку, еще раз посмотреть на вмерзшие бревна — мало приятного, да и толку немного.

За стеной слышится щелканье арифмометра. Там у людей одна забота: свести дебет с кредитом. Наумов не любил и не понимал бухгалтерские дела. Леонид Павлович старый практик, опытный лесоруб, но грамоты маловато, да и года не те, нет прежнего запала. До осени, а там на пенсию...

К щелканью арифмометра присоединился шелест веника. В коридоре подметала пол Анна.

— Анна, а, Анна, пойди сюда,— зовет Леонид Павлович. Анна кладет веник за печь, поправляет выбившиеся из-под платка волосы, скромно входит в кабинет.

— Я и у вас уберусь, Леонид Павлович, — виновато говорит женщина. Она впервые сегодня проспала. Вчера до поздней ночи прозанималась с девчатами, пришла домой — и, как убитая... Утром спохватилась, а времени уже девятый час. До обеда в конторе толпятся люди, убирать несподручно. Вот и пришла после обеда.

— Не за тем я тебя позвал,— показывает на стул Наумов.— Присаживайся, Анна. Рассказывай, как живешь? Как детвора?

— Спасибо, хорошо,— женщина не знает, куда деть свои руки. Руки у нее шершавые, сильные. Она то положит их на колени, то возьмется платок поправлять.— Зашло бы да посмотрели, как живу,— выпаливает Анна. Анна моложе Наумова. У нее широкая и высокая грудь. Глаза серые, добрые, со слезинкой. — Как ни хорошо, а все же вдова,— прячет глаза женщина, по-девичьи рдеет, думает — сболтнула лишнее.— А позавчерась в женский комитет меня выбрали,— делится она радостью.— Теперича совсем некогда скучать, то занятия, то комитетские дела, да и ребятишек надо проведать...

Леонид Павлович понимающе кивает головой. Навалившись грудью на стол, ногтем чертит по настольному стеклу, изредка поднимает глаза, смотрит на Анну. Ко-

гда та покинула кабинет, Наумов еще долго сидел, не меняя позы. В коридоре снова слышен шелест веника и тихое притопывание. Леонид Павлович отчего-то глубоко, глубоко вздыхает. В поле зрения попадает текст телефонограммы. «Ну, совещание, так совещание, — встряхивается Леонид Павлович. — С чего это я взял, что нас обязательно там изобьют!..»

3

Там, на болоте, Платон впервые узнал цену страха. Конечно, Генка не решился бы его задавить, но от всего этого веяло не лихачеством. Это было нечто большее. «Чего хотел Заварухин?» — много раз задавал он себе вопрос.

Там, где провалился трактор, пришлось сделать объезд. Со следующим рейсом на тракторе приехал Волошин. Походил по волоку, покрутил головой.

— Месяц еще какой потрелюете, а потом марш с болота, — резюмировал мастер. — Не то ухнетесь так, что не вытащишь. Смелые вы ребята, надо же — рискнуть через болото волок пробить!..— сощурился Илья. Присел на пень, посмотрел на Платона.—Дай-ка, дружок, папироску, табак уж весь выкурил.

— Волок через болото надоумила нас провести Маргарита Ильинична,— сказал Виктор.

Илья Филиппович поперхнулся дымом.

— Не привык к папиросам, горло дерет...— Встал.— Поехали, Витька!

Платон не слышал, как мастер, когда они шли к трактору, сказал Сорокину:

— Месяц, пожалуй, не выдержит болото. Если в каком месте проступит вода, тотчас скажи.

— Беспокоится за дочь.— Тося тронул Корешова за рукав. — Ты что такой бледный, лица на тебе нет?

— Так, голова побаливает,— соврал Платон.

— Скрываешь,— покачал Тося головой.— Не первый день вместе работаем...— Тося махнул рукой, направился к поваленному дереву.

Платону впервые пришло в голову, что, в сущности, он действительно ничего не знает о своих товарищах по бригаде. Ну, вместе в лес выезжают, вместе работают. А вне работы они как бы вовсе для него не существо-

вали. Платон догнал парня. Он заподозрил, что тот неспроста заговорил с ним о доверии. «Неужели он все видел?» — подумал он, но вслух сказал:

— Тося, прости, но, понимаешь, об этом я сказать не могу. Личное это дело, понимаешь.

Парень круто обернулся. В Тосиных глазах, таких обычно добрых, сверкнула злость. Трудно было поверить, что этот добродушный парень мог рассердиться.

— Сейчас личное,— тихо выдавил он,— а хоронить пришлось бы сообща? У меня и сейчас еще мороз по коже гуляет. Я не хотел говорить ребятам, думал, сам скажешь. Дело это, Платон, не шуточное! Всем, может быть, не обязательно говорить, а своим ребятам сказать надо,— заключил Тося.

Когда с верхнего склада возвратился трактор, ребята собрались в кружок. Тося, несмотря на протесты Корешова, рассказал о случае на болоте. Ребята возмутились. Виктор запальчиво предложил проучить Заварухина.

— Нет, драться не надо,— рассудил Тося.— Но намекнуть надо, если вздумает еще раз выкинуть подобную шутку, шею свернем, без милиции...

— Ты смотри какой смельчак! Дипломату кулаками драться не положено, они языками больше,— усмехнулся Виктор.

Тося на это ничего не ответил — не до шуток. Он только заморгал ресницами и решительно выставил ногу. Нет, Тося не отступится от своих слов. Как-никак Платон — товарищ, а за хорошего товарища и постоять можно...

После смены в обогревательной будке Заварухина отчего-то не оказалось. Не было его и в автобусе. Кто-то сказал, что Генка будто бы уехал в поселок на попутной машине. Едва ли кто из рабочих придал этому значение — мало ли ездили домой на попутных машинах. Только сорокинцы понимающе переглянулись.

4

— Маргарита Ильинична! Фу, голубушка, наконец-то! — встретил Волошину радостными восклицаниями начальник лесопункта.— В самый раз приехали, я уже было хотел загрипповать. Вот читайте,— сунул он Рите телефонограмму.

— Что на реке случилось? — пробежав глазами текст, поинтересовалась Рита.

— Наледь подошла под лес, что на косах. Беда, Маргарита Ильинична. Река тронется, начнем скатку, а те бревна хоть зубами придется выгрызать... Как, думаете, влетит нам за это?

— Это покажет скатка. Если вовремя выгрызем бревна — все обойдется.— Рита не могла скрыть улыбки. Она всегда подшучивала над начальником лесопункта за эту манеру подразделять все грехи в работе на «за которые попадет» и «за которые не попадет». К тому же она все еще находилась под впечатлением поездки в город.

— Когда выезжаем?

— Через часик. Спасибо, Маргарита Ильинична, успокоили.— Наумов позвонил в мастерские, предупредил механика, чтобы через час подходил к конторе.— Я сбегаю домой, перекушу малость,— Леонид Павлович хлопнул себя по животу.— Не могу, когда он в дороге пустой.— Стал, покряхтывая, шумно надевать полушубок.— Какие чудесные у тебя стихи! Читал, читал, как же... Чудесные! — повторил Наумов таким тоном, словно горько сожалел, что сам не пишет стихов.

«С чего бы это он вдруг заговорил о стихах?» — Рита недоуменно посмотрела ему вслед. Она села за стол, раскрыла блокнот и набросала тезисы выступления. Честно говоря, ей, как и Наумову, не очень-то хотелось ехать на совещание в леспромхоз. Хвалиться нечем, а оттого, что они поговорят, механизмы не станут лучше. Запасных частей по-прежнему нет. Рита ясно себе представляла, что если и дальше так пойдут дела, ее проект не найдет поддержки. Но надежда еще не была потеряна. «Как только подбросят механизмы, выйдем из прорыва». — Рита еще продолжала верить в добропорядочность поставщиков.

Первым к конторе подошел Сычев. Механик уже виделся с Ритой, они уже успели поругаться. Михаил Михайлович за последнее время заметно осунулся, щеки посерели. Он почти не выходил из мастерских: там реставрировали старые части, одним словом, выкручивались, как могли. Но Рите все казалось, что механик не проявляет должной расторопности...

— Поехали,— заглянул в кабинет Наумов.

До усадьбы леспромхоза пятьдесят километров. Зимой дорога относительно хорошая. Дорожники оградили мосты запретными знаками. Через реки и ручьи переезжали прямо по льду.

Леонид Павлович и Рита сидели на заднем сиденье, впереди — шофер и механик. У Наумова на коленях толстый портфель. Поверх портфеля руки в меховых рукавицах. После плотного обеда его мучила икота, он подергивал шеей и всякий раз извинялся.

— О чем на вашем слете говорили?

— Конечно, не о вывезенном лесе. — Рита сидела неловко, опершись о железную крышку ящика из-под инструмента, — бóльшую часть сиденья занимал грузный Наумов.

— Острите все, Маргарита Ильинична.— Наумов раздраженно кашлянул. Его вдруг разозлило замечание Волошиной о лесе. Забыв всякую осторожность, он ядовито заметил: — Да-а, стихи писать — не лес заготавливать. Верно, Михаил Михайлович?

— А вы бы попробовали, — Рита локтем оттеснила Наумова. «Дались ему эти стихи».

— Почему бы и нет. Сычев, твоя вторая строка, моя — первая.— Леонид Павлович наморщил лоб, посмотрел в боковое стекло.— Бегут навстречу горы, реки... Помогай, Михаил Михайлович,— и снова повторил: — Бегут навстречу горы, реки... Мм...

— На небе солнышко блестит,— подсказал за механика шофер.

— Блестит,— как эхо откликнулся Наумов.— Мм... Теперь у третьей строки должно быть слово с окончанием на «ки».

— Гайки,— сказал равнодушно Сычев.

— Фу, дьявол! Все мысли спутал! При чем здесь гайки?!

Рита прыснула от смеха. Засмеялись и все остальные. О делах старались не говорить. За дорогу Волошина с Сычевым помирились. На усадьбу леспромхоза приехали в самом лучшем настроении. Контора леспромхоза располагалась в длинном одноэтажном здании. У крыльца стояло уже несколько машин. До начала совещания оставалось каких-нибудь полчаса. Сычев пошел к главному механику леспромхоза. Рита заглянула в плановый отдел. Здесь работала подружка, с которой

они вместе учились. Леонид Павлович прошел в кабинет директора.

Там уже сидело четверо начальников лесопунктов. Все они хорошо знали друг друга. Двое из них, рыжеватый Багин и носатый Кронин, как и Наумов, были ветеранами лесной промышленности. Двое других — недавние выпускники института. Оба они беспрестанно вступали в спор с Турасовым. Турасов сам молод, сам горяч, сам не уступает в споре.

Багин и Кронин поздоровались с Наумовым за руку, молодежь ограничилась кивком головы. Турасов спросил, все ли приехали? Оказывается, не было еще одного начальника самого дальнего лесоучастка. Багин, Кронин и Наумов вышли в коридор выкурить по папироске. В коридоре Наумова стали разыгрывать.

— Ох, и жизнь у тебя, наверное, Леонид Павлович,— гундосил носатый Кронин.— Технорук стишки строчит...

— Стихи, братцы вы мои, сочинять — это не лес заготавливать, — сказал Леонид Павлович.

— Товарищи, заходите, Пояркова ждать не будем,— позвала секретарша.

Ветераны так и держались вместе. Наумов то и дело вытирал платочком потеющий лоб и шею. На нем диагоналевая гимнастерка с отложным воротником и такое же галифе. Рита в черном свитере и серой юбке. Черные локоны отросли за зиму, спадают на плечи. Молодые начальники лесоучастков искоса посматривают на красивого технорука.

Рита вспыхивает. Синие глаза Турасова останавливаются на ней. Директор стучит карандашом по настольному стеклу, просит тишины. Голос у него несколько хриповатый — простыл. На днях объезжал лесоучастки, дорогой сломалась машина, пришлось заночевать среди тайги...

Он зачитывает последние данные по заготовке и вывозке древесины в отдельности по каждому лесоучастку. Светлые, как конопля, волосы спадают на лоб; Турасов часто встряхивает головой.

«Точно так же на слете один из городских поэтов встряхивал головой, когда читал свои стихи»,— вспоминает Рита. И таким скучным показалось ей вдруг это производственное совещание. Турасова Рита слушала рассеянно.

После директора выступил главный механик леспромхоза. Он говорил коряво, нескладно. Толстые пальцы с въевшимся в кожу машинным маслом нервно теребили кончик скатерти. На щеках и подбородке механика проступала черная, жесткая щетина. Рита не могла терпеть небритых мужчин... Главный механик, в сущности, ничего нового не сказал. Все его выступление сводилось к одному — нечего надеяться на запасные части, надо реставрировать старые...

Затем говорили молодые начальники. В отличие от старых, они держались самоуверенно.

Наумов теребил замок портфеля. Рита же отчего-то чувствовала себя спокойно. «Не все ли равно, что решат сегодня,— думала она.— Все равно запасных частей нет».

— Что ж, теперь послушаем тананхезцев,— Турасов смотрит на Риту. Но Рита знает, что выступать не ей. «Какие, однако, у него синие глаза!» — девушка поправляет волосы.— Давай, Леонид Павлович, похвались своими делами... — в уголках турасовского рта прячется улыбка. «И совсем не к месту подковыривать старика»,— Рита хмурит брови, разглаживает на коленях юбку.

Леонид Павлович кладет на свое место портфель, идет к столу. «Хорошо, хоть не потащил его за собой»,— почему-то облегченно вздыхает Волошина. На затылке чувствует горячее дыхание Сычева. Михаил Михайлович сует ей записку. Рита читает: «Договорился с кладовщиком. Кое-какие запчасти будут». Рита на обратной стороне написала. «Очень хорошо! Вы молодчина, Михаил Михайлович!»

— Хвалиться нам пока особенно нечем, — доносится до Волошиной голос Наумова.— Правда, лесу мы заготовили на вчерашнее число больше остальных лесоучастков, а вот с вывозкой сели,— Леонид Павлович разводит руками, разгоняет под ремнем складки гимнастерки.

— Меньше поэзией надо заниматься! — бросает реплику один из молодых начальников.

Наумов запнулся, растерянно заморгал глазами. Рита покраснела до корней волос. Турасов строго постучал кончиком карандаша.

— Вам бы, товарищ Маевский, я советовал помолчать. Вы и без поэзии безобразно работаете,— сердито

бросил Турасов. Синие глаза стали холодны и строги. Кивнул Наумову.— Продолжайте, Леонид Павлович.

— Да продолжать-то больше нечего,— мямлит Наумов.— Может, Волошина что скажет...— Он вопросительно смотрит на Риту.

— Да-да, послушаем, товарищи, Волошину,— соглашается Турасов.

Рита одергивает свитер. Он плотно облегает ее стройную фигуру.

— Дела, товарищи, с вывозкой у нас обстоят неважно. И почему, думаю, известно вам, в том числе и директору леспромхоза,— Рита делает едва уловимый кивок в сторону Турасова, а сама ловит себя на мысли: почему на совещании обязательно настраиваешься на казенный лад.— Осенью, в распутицу, машины приходилось с верхнего склада до перевала таскать тракторами. И не только осенью, все лето. Механизмы мы рвали. Прошлым летом у сорокадевятки выдрали весь передний мост, машину пришлось отправлять в капитальный ремонт... Отработав в таких условиях лето, машины зимой стали одна за другой выходить из строя. Теперь из шестнадцати машин на ходу семь, остальные стоят на приколе. О какой же вывозке можно говорить?! — Рита перевела дух, заговорила тише: — Сейчас все лесоучастки переходят на круглогодовое действие, вернее уже перешли. Я не отрицаю, дело хорошее. Только нужно ли под одну гребенку стричь всех? Вот, скажем, открывается новый лесоучасток. Первым делом прокладывается грунтовая дорога, строится поселок, затем начинаются лесоразработки. В таких случаях дорога круглогодового действия оправдывает себя. А что же получается у нас на старых лесоучастках, да к тому же с небольшим объемом лесозаготовок? Дорог грунтовых у нас раньше не было. Теперь говорят — стройте дороги. А ведь лесоразработки за десятки километров от поселка. Вот и гадай. Начни дорогу строить, пока ее доведешь до верхнего склада, лесоразработки уйдут дальше, получается игра в догонялки. Дорожники догоняют нас, а мы убегаем от них...

— Так что же вы предлагаете? — подал с места голос Кронин.

— Предлагаю лесоучастки с малым объемом лесозаготовок или расширять, а значит, переносить поселок,

или вывозить только по зимним дорогам, как было прежде...

— Сезонщина,— пробурчал Маевский.

— Не надо бояться этого слова, товарищ Маевский,— Рита обернулась к инженеру.— Было бы дело, а слово можно изменить. У меня все,— она тряхнула головой, волосы рассыпались по плечам.

— Объявляю перерыв,— сказал Турасов. Синие глаза его были задумчивы. «Эта Волошина продолжает отстаивать свой план».— Маевский,— позвал он франтоватого начальника лесоучастка,— я бы на вашем месте извинился перед Волошиной. Какая бестактность! Идите! — Турасов потянулся к графину с водой.

Багин, Кронин и Наумов снова сошлись вместе. Теперь Леонида Павловича не донимали техноруком-поэтессой.

— Какой черт, дорогу хорошую построишь,— гудит носатый Кронин. Он курит, втягивая в себя дым, как компрессорный насос, затем через нос выпускает его в лица собеседников.— Я возил гравий на один из участков дороги все лето, а она садится, хоть ты что с ней делай!.. Пришлось ставить специальный трактор машины вытаскивать...— и снова его породистый нос закутался в облака папиросного дыма.

После перерыва снова заговорил Турасов. Около рта у него пролегла жесткая складка.

— Я соглашаюсь с доводами Волошиной, что в распутицу мы подорвали механизмы. Но это не дает права срывать государственный план. Полтора месяца продолжаем раскачиваться. Если мы упустим остаток зимы, упустим многое. Поэтому надо приложить все силы, товарищи. Вам будет оказана некоторая помощь. Конкретно,— Турасов очень близко поднес бумажку. Только сейчас Рита заметила, что синие директорские глаза — близорукие.

— Конкретно, — повторил Турасов. — Лесоучасток Березовый. Завтра к вам направляется автокран, прикомандировываются две автомашины из райпотребсоюза, таково распоряжение райкома партии. Тананхеза,— директор леспромхоза поднял голову. Рите как-то вдруг стало не по себе от мысли, что он сейчас видит ее и всех остальных, как в тумане. Ей даже хотелось крикнуть: «Наденьте очки! Ведь это мальчишество портить

себе зрение!..» — Тананхезе направляется пять автомашин...

— Но почему? — подал свой голос тот же Маевский.— Чем мы хуже тананхезцев?

— Тананхезе направляется пять автомашин,— не обращая внимания на вопрос Маевского, повторил Турасов.— Механику получить завтра на складе запчасти. Я уже дал распоряжение.

За спиной у Риты кашлянул Сычев. Рита вырвала из блокнота листок, размашисто написала: «Здорово вас обвел кладовщик».

Совещание закончилось. Дома поселка уже окутала ночь. Стали рассаживаться по машинам. Наумов подумывал заночевать в леспромхозе. Стояли, спорили на крыльце. Сычев колебался, ему, собственно, все равно — завтра снова ехать сюда получать запасные части. Кто-то тронул Риту за рукав. Перед ней стоял директор леспромхоза.

— Оставайтесь, Маргарита Ильинична,— отчего-то тихо, просительно сказал он.— Завтра вам покажу свою новую квартиру...

— Не могу, Сергей Лаврентьевич, — покачала головой Рита.— Простите,— потупилась девушка.— До свидания, Сергей Лаврентьевич.

— До свидания,— Турасов дружески помахал рукой и зашагал по намерзшему тротуару к калитке.

— Так решено, остаемся,— топнул ногой Наумов.— Места в гостинице есть, как-нибудь переночуем.

— Леонид Павлович, я вас очень прошу, едемте. Очень прошу,— повторила Рита.

— Гм,— хмыкнул Наумов.— Ехать так ехать. Сычев, ты можешь остаться, завтра за тобой машину пришлю...

А на задворках уже ночь, над тайгой ночь, всюду, куда ни ткни пальцем,— злая, настораживающая темень. Где-то в версте от поселка в диком, глухом распадке воют волки. Это бродячие волки. В этих краях их отпугивают лесоразработки. Но это летом, когда от сытости звери становятся ленивыми. Даже немыслящей твари нет тогда охоты расстаться с головой. Но голод в холодную зиму заставляет пренебрегать опасностью. Ветер доносит от поселка запахи варева. Волки все ближе и ближе к поселку, затаились за плетнем дальнего огорода. А кругом ночь. Кругом темень... Раздвигая ее

светом фар, мчит по дороге машина. Барабанят по днищу камни, стреляющие из-под колес. Спрятав подбородок в воротник пальто, сидит Рита — притихшая, задумчивая. Наумов дремлет на переднем сиденье. У Риты не выходит из головы Турасов, он стоит перед глазами... Чего она так испугалась, когда он предложил ей остаться до завтра? «Смешной, право,— квартиру покажу...— Усмехается про себя Рита.— Кто я ему? Кто?»

— А вы молодец, Маргарита Ильинична,— обернулся Леонид Павлович,— выручили старика... Чертовски не люблю выступать...

— Что вы, Леонид Павлович,— встрепенулась Рита.— Я трусиха, большая тру-усиха...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

1

В этот же день, когда после случая на болоте Заварухин быстрехонько уехал в поселок на попутной машине, Платон шел в баню к Вязову. Дорогой встретился Костя Носов. Парень дышал, как загнанная лошадь. С Заварухиным дружба у него распалась, с другими ребятами не завязалась. А Костя — компанейский парень, болтаться одному без дружков — пропащее дело. У Кости флюс. Правая щека перебинтована, из-под бинта толщиной в ладонь видна подушечка из ваты. Вид у парня самый что ни на есть плачевный. К тому же, родила его, видно, мама, а мерку забыла снять, вот и вытянулся Костя под небеса. Все сделано не по мерке — и нос, и руки, и ноги. Одним словом, нестандартным вышел парень — и баста.

— Платон, а Платон? —тянет Костя, прикладывая руку к щеке.

— Чего тебе? — останавливается Платон. В руках у него хозяйственная сумка. В сумке чистое бельишко.

— Слыхал? Генка в комнате заперся и кричит: «Повешусь!»...

«Час от часу не легче»,— задержал дыхание Платон.— Что же ты сразу не сказал! — у Корешова вылетела из головы баня. Бегом к общежитию. У дверей толпа. Сам участковый здесь. Он наклонился к замочной скважине и ласково этак уговаривает:

— Не дури, Заварухин...

— А пошли вы...! — доносится ругань из комнаты.— Какой дурак вам сказал, что я хочу повеситься. А дверь не открою, дайте человеку одному побыть.

— Открой, Заварухин,— не унимался участковый.

Платон пробрался к самой двери. Дверь в комнату открывается внутрь.

— Может, поднажать? — говорит он.

— Давай,— соглашается участковый.

Р-раз! —дверь распахивается, даже стекла в окнах задребезжали.

Генка сидит на кровати в одних трусах. С потолка свешивается веревка. Генка в дрезину пьян. На полу валяется бутылка из-под водки. Он ошалело смотрит на Платона, раскачивается из стороны в сторону, раскачивается, подобно маятнику, и веревка над заварухинской головой. Потом вдруг Генка начинает плакать, бить кулаком по татуированной груди, по орлу, несущему в когтях нагую женщину.

— П-прости, К-кореш, п-прости, д-руг. Хотел задавить тебя на б-болоте... П-прости! — У Генки на щеках ручьи слез, самых настоящих горючих слез.

— Что, что такое? — спохватывается участковый.

— Ничего. Не видите, — человек пьян, вот и несет всякую чепуху... — говорит Платон. Отвязывает веревку. — По заду бы тебя этой веревкой. Ложись спать.

Генка смиренно ткнулся носом в подушку, всхлипывает совсем как ребенок. Платон закрывает его одеялом. Когда Корешов вышел на улицу, над поселком уже кружили сумерки. «Ну и орешек этот Заварухин,— размышляет он.— А все-таки лед тронулся, перебесится, как река по весне, а потом должен и в берега войти...»

Сзади топает Костя, не отстает от Платона. Левая рука его на щеке, правая болтается, как та веревка над заварухинской головой. Косте, как всякому слабохарактерному человеку, нужен поводырь, авторитет. А с некоторых пор у парня авторитет — Корешов. Он даже перенял его привычку — тереть переносицу, смотреть из-под насупленных бровей...

— Ну, чего тебе? — не оборачиваясь, спрашивает Платон. «Опоздал наверняка в баню»,— в то же время думает он.

— Ты уж прости, тогда летом это я тебя...

— И я тебя,— усмехнулся Платон.

— Верно, здорово смазал. А зуб болит, аж в голове сверчит,— жалуется Костя.— Ох! — вздыхает он.

— А причем здесь я, я ведь не зубной врач?

— Да так, пожаловался и легче стало. Платон, а, Платон, ты куда сейчас?

— В баню.

— Ох, попариться бы!

— Пойдем, в чем дело.

— Верно?! — обрадовался Костя. — Страсть как люблю париться. На полке дольше меня никто не высиживал... А к кому в баню?

— К Вязову.

— А-а, не пойду, — сдрейфил парень.

— Не бойся, он не кусается. Идем, идем.

На крыльце стоит Вязов, пощипывает усы.

— Я уже, было, решил один идти. — Он сгреб парней в охапку, подмигнул Косте. — Сейчас мы живо флюс сгоним.

Дорогой Платон рассказал Вязову о происшествии в общежитии. Иван Прокофьевич нахмурил брови, но ничего не сказал. В тесном предбаннике мокрая духота. Половицы выскоблены добела. Выпуклые бревенчатые стены черным камнем выглядят. Костя нечаянно коснулся стены бедром — бедро черное. А здесь еще голый зад от печи припекает. Сел на пол, поставил бадейку между ног, всунул голову, а вода горячая.

— Ух! — В глазах у Кости тоже стало черно.

Вязов и Платон хлещутся вениками на полке, отдуваются да пару подбавляют. Слабому сердцу не выдержать.

Костя на приглашение Вязова отмахивается — в горле пар застрял, не выговорит. Ему и на полу неплохо. Костя уже освоился, чувствует себя здесь своим человеком. Размахнулся жесткой мочалкой, хлесть по голому заду, думал — корешовскому. Гусаком шею вытягивает, довольно гогочет.

— У-у, кто балуется? — оборачивается Иван Прокофьевич. Костя ныряет головой в бадью, не дышит. Когда вынырнул, протер глаза, смотрит, а Корешова и Вязова уже нет. «Не подстроили бы какую штуку?» — беспокойно елозит по полу Костя. Высовывается в дверь. На улице уже темно. Так и есть — в снегу валяются...

— И-а-а! — визжит от возбуждения парень. Прыг из предбанника, поскользнулся, сел голым задом в морозющий снег, схватился и пулей назад. Следом Корешов и Вязов, хлопают Костю по плечу, снова — на полок. И снова хлещутся березовыми вениками. «Дружки самые настоящие»,— усердно натирает грудь мочалкой парень. Он уже не чувствует себя одиноким — запевает в нем каждая жилка. И Вязов оказался на деле совсем обычным, простецким дядькой.

— Дай я тебе спину потру, — вызывается Платон. Мочалка шпарит спину. Косте кажется, что кожа лохмотьями так и слезает, но терпеть надо, ведь он же не какой-нибудь там хлюпик...

— А вот в снег тебе, брат, прыгать рановато, — журит Костю Иван Прокофьевич. Они натягивают на разваренные тела сухую, шуршащую одежду. — Щеку замотай, форсить нечего. Пойдем, ребятки, сейчас женщины придут мыться.

Выходят на улицу. Пар от них валит так, будто весь жар из бани унесли. Навстречу, по тропке, спешат к баньке жена Вязова и Сашенька. Сашенька стыдливо прикрывается от парней концом шерстяного платка.

— Зайдем ко мне, — приглашает Вязов парней. — Пока хозяйки нет, пригубим по маленькой...

За столом Иван Прокофьевич, точно вспомнив о случае в общежитии, сказал:

— А ведь получается из него толк, а? — подмигнул Корешову. — Жизнь заставит... Так-то!

2

Все было как прежде. Та же тропка вдоль плетней, круто сбегающая к речке. Те же мальчуганы в стареньких пальто (новые разрешается надевать только в школу), бегают по этой тропке на лед кататься... Только снег за то время, что Рита была в городе, несколько просел, да на реке курилась гейзерами наледь... Как и прежде меряют тропку Платон и Рита — десять шагов вперед, десять назад: стоять на одном месте холодно, зима никак для свиданий не приспособлена...

— Эх, скорей бы лето, — говорит Рита, а потом, как девчонка, цепляет варежкой горсть снега — и в рот...— Иду я по городу, ветрище насквозь пронизывает, смот-

рю у лотка продавщица стоит, посинела вся, мороженым торгует... — Рита хохочет, запрокидывая голову, так что, кажется, упадет меховая шапка. Вообще, она сегодня чересчур весела...

Платон тоже хочет казаться веселым, но как вспомнит, что ему сегодня лекцию читать в клубе, — мрачнеет, исписал кучу бумаги, а в голове сумбур, никакой последовательности в мыслях. Нет, Платону бы сейчас не о мороженом поговорить, но Рита словно нарочно тараторила там про всяких поэтов с модными прическами...

— А тигров ты не встречала там? — Платону вдруг захотелось надерзить Рите.

— Каких еще тигров?!

— Тех, которые молодым косулям рога ломают...

— Ты считаешь меня глупой?! — Рита приостановилась и с вызовом посмотрела на Платона.

— А то нет?! — Платон чувствовал, что не следует разговаривать с Ритой в таком тоне, глупо искать причин для ссоры, портить настроение и ей и себе. Но, видимо, сомнения в искренности Ритиных чувств, которые как-то исподволь, незаметно закрались в душу, требовали если не прямого ответа, то чего-то такого, что бы прояснило их отношения.

— Захотел поссориться? Ничего не выйдет! — вдруг заявила Рита, точно угадав и мысли, и настроение Платона. И тем было хуже для Корешова, что она будто бы нарочно, с расчетом отводила удар.

Спросить ее прямо — у Платона не хватало смелости, а может быть, не позволяла мужская гордость. Уж чего, а гордости парню не занимать: детдомовская жизнь научила — не считать себя хуже других... И он решил молчать, что бы сейчас ни говорила Рита.

— Ты отличный парень, Платон... — Рита вдруг стала задумчивой. — Хороший друг... — Она как будто бы чего-то недоговаривала, или это казалось Платону: когда в душе посеяно сомнение, человек всегда склонен к подозрительности.

«Ведь ничего особенного не произошло, — старался успокоить себя Платон. — Все, как прежде... Но хоть бы поинтересовалась, что я буду говорить сегодня в клубе. Неужели, ее это не касается?..»

— Дядь, а дядь?

Платон обернулся, перед ним стоял подросток в больших, видимо, отцовских валенках и шапке, почти закрывающей глаза. На валенках коньки накручены — на речку отправился.

— Чего тебе?

— Закурить не дашь? — подросток шмыгнул носом.

— Ты чей такой?! А ну, беги, скажу вот матери, — подступилась Рита к подростку.

— Подожди, малец. — Платону и здесь захотелось сделать назло Рите. Он вытащил папироску. — Бери, да уноси ноги, а то тетя злая, уши надерет...

— Зачем ты так? — Рита с нескрываемой укоризной посмотрела на Платона.

— А затем, что я сам такой был!.. — Платона вдруг прорвало. — И бычки в таких годах собирал, и в огороды лазил, и дрался! Папки с мамкой не было, чтобы баюкались со мной...

— Зачем же на свой аршин всех мерять? Зачем так приземленно на жизнь смотреть, ведь есть у детей и матери и отцы, и не курят такие подростки, как этот...

— И инженерами становятся!.. — как эхо откликнулся Платон. — Если все инженерами будут, кто лес валить пойдет?

— Механизмы. — Рита говорила спокойно. И в этом тоже было что-то новое для Платона. Раньше она как бы горела вся изнутри при встречах.

— Вот Сергей Лаврентьевич (даже так, отметил Платон — по имени и отчеству) мечтает о поточной линии. Представляешь, Платон, и этой линией управляет один человек!.. Трактор сам без водителя срезает ножами деревья, сам складывает их на трелевочный щит.

— Фантазия! — обронил Платон.

— Нет, не фантазия, Платон. Это наше завтра. А ты говоришь — я курил, я дрался... Это ты вчера делал, а сегодня ты другой, Платон. Ведь другой?

— Не знаю, — пожал Корешов плечами. И опять-таки неправда, — знал Платон, что Рита права, тысячу раз права. Да и он сам уже давно не такой, каким сейчас хотел показать себя. «Однако что-то часто она стала говорить о Турасове...»

— Ладно, мне надо еще разок материал почитать, — сказал Платон, поворачивая к поселку. — Сегодня лекцию читаю...

— Подумаешь, лекцию, — раздражаясь, сказала Рита. — Ведь о другом речь...

— Мне некогда, я пойду, — упрямо повторил Платон.

3

Сегодня Корешов читал первую лекцию. Афиши заранее, за три дня, расклеили по всему поселку. Женщины и мужчины останавливались возле них, читали, спрашивали друг друга:

— Неужто в поселке у нас университет открывается?

Но когда дочитывали до того места, где черным по белому было написано, что лекцию читает «П. Корешов», их рабочий — лукаво прятали улыбки, с сомнением качали головами. И все-таки народу в клуб набилось не продохнуть: любопытно все же, как Корешов лекцию прочтет. А Корешов и верно вышел на трибуну и... как язык отнялся. Смотрит в зал, а зал на него сотней пар ожидающих, смеющихся глаз. Ну, все... Провалил!..

У Платона перед глазами пухлая кипа листов. Видно, что парень готовился в поте лица.

— Знаете что, товарищи, — наконец осмеливается он, а сам прислушивается к собственному голосу, не дребезжит ли он от волнения. — Хотел я вам сегодня лекцию о литературе прочитать, и передумал. В жизни всегда больше героизма и романтики, чем в книгах...

С первых рядов многозначительно покашливают. Виктор исподтишка кулак показывает.

— Много толков до сих пор ходит в поселке о Панасе Корешове, а по-настоящему никто ничего не знает, — продолжал Платон. — Вот решил я вам подробно обо всем этом рассказать. О литературе в следующий раз. Согласны?

— Давай, Корешов, давай, рассказывай!— дружно кричат в зале.

— И вот, значит,— Платон трет переносицу.— Ехал в тарантасе со станции новый председатель здешнего волисполкома Панас Корешов...— У Платона память цепкая, слово в слово помнит. В зале тихо, ни стулом никто не скрипнет, не кашлянет. Целых два часа, без передышки, рассказывал он эту историю. Два часа, за-

таив дыхание, слушали люди. Женщины подносили к глазам платочки, у мужчин посуровели лица. Когда кончил говорить Платон, в зале еще продолжала висеть тишина.

— Мы тебе аплодировать не будем, не к месту,— подойдя к парню, выговорил Иван Вязов.— А от всех, кто сидит в зале, большое тебе спасибо.

Люди молча вставали с мест и молча покидали клуб. Так закончилось это первое, несколько необычное занятие в университете культуры лесорубов далекого таежного поселка.

4

Запасные части были получены. Пришли из районного центра и пять обещанных машин. Но тут произошла неувязка с выплатой денег прикомандированным шоферам. Оказывается, заведующий автобазой распорядился оплачивать водительскому составу по тем же тарифам, как и в райцентре. Но тайга имеет свои тарифы, свои специфические особенности. Там промчался по дороге с ветерком, отмолотил положенное время — и под бок к жене. А в тайге другое. За смену шофер так накрутит баранку, что всю ночь крутяки снятся... К тому же водить машину с прицепом, груженную лесом, не всякий шофер сможет...

Пришлось Наумову звонить в райком партии. Пока утрясли вопрос, пролетело три дня. На дворе уже метелями и первой оттепелью кружит март. Иногда и капелью баловалась погода; повисали с крыш чем-то похожие на заварное пирожное сосульки. Кое-где по дорогам стала расползаться чернота. И чем больше становилась она, тем неспокойнее становилось на душе у Риты. Каждый раз она прибрасывала на бумаге количество вывезенной за зимние месяцы древесины. Получались неутешительные цифры. Они опрокидывали ее проект — зимой лесоучасток не в состоянии вывезти столько леса, сколько ему запланировано на весь год. А на то, чтобы снизить план, никто не пойдет. «Тогда, собственно, зачем вводить новую технологию?»— спросят в управлении лесдревпрома». «Но поймите же! — скажет Рита.— При нормальной работе механизмов лесоучасток в состоянии за зимние месяцы вывезти не

один, а полтора годовых плана. А летом механизмы можно обстоятельно подготовить».

Так по ночам Рита часто разговаривала сама с собой. Она уже внутренне готовилась к тому, что на ее проект могут ответить: «Разобрались, подсчитали, увы, нет смысла на лесоразработках возвращаться к сезонщине. Вот цифры, а цифры — упрямая вещь».

— Нет, — стоит на своем Рита. — За цифрами надо видеть объективное положение дел. Если уж судить о зиме, нужно, чтоб ей предшествовало лето, всецело отданное на ремонт техники и другую необходимую подготовку. А то ведь лето шло по-старому, значит, и зима не могла дать ожидаемого нового результата...»

Рита проснулась. В ушах продолжали звучать собственные слова. Каждая деталь сна была так четко и ярко выражена, что девушка первое мгновение не могла понять, где сон, а где действительность. Окна с улицы закрывались на ночь наглухо ставнями. В комнате было темно. Рита спустила на коврик босые ноги, прошла к туалетному столику, посмотрела на часы. Без двадцати минут пять. Можно еще подремать. Юркнула в теплую постель, до подбородка натянула одеяло.

Спать уже не хотелось. Скорей бы лето, думала Рита. Как хорошо, когда кругом зелено и солнышко... А потом осень... Что-то не ладилась у них дружба с Платоном. Вернее, дружба осталась, но не было уже того, другого чувства, которое всколыхнулось однажды в девичьем сердце. Всколыхнулось, словно нарочно желая приоткрыть Рите что-то такое, чего она еще не знала и не испытывала раньше, а потом улеглось...

Не хотелось расставаться с теплой постелью. «А если бы я женой была, и мужу на работу надо идти?»

Рита вскочила, быстро оделась. Родители еще спят. Надела фуфайку, рукавицы, вышла на улицу. На дворе совсем еще ночь. Брр, как холодно! Набрала целую охапку дров. На кухне, стараясь не греметь, разожгла печь. Печь весело загудела.

Рита подвязала фартучек. Чего бы такого приготовить? Сделаю-ка я пельменей. Завела тесто. Через мясорубку пропустила мясо. «Интересно, как это мама успевает завтрак приготовить, уж шесть часов, а она спит. — Девушка спешит, она вся в муке. — Фу, отдувается она. — Трудно, наверное, быть женой».

— Ты что здесь делаешь?!— удивленно протянула, выходя на кухню, Софья Васильевна.— Илья, глянь-ка, дочь завтрак вздумала готовить...

Выходит заспанный Илья Филиппович. Поводит носом.

— Вкусным чем-то пахнет,— говорит он.

— Пельмени завела,— смеется Софья Васильевна.— Да кто же их утром делает? Надо с вечера завтрак готовить...

— С вечера?— переспрашивает Рита и смеется.— А я-то думала, надо вставать так рано...

— Чего тебе вставать,— недоуменно пожимает плечами Софья Васильевна.— Пока не при муже живешь...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

1

Турасов, если не каждый день, то через день стал наезжать на лесопункт Тананхеза. Дорога уже расползлась, и его «козлик» останавливался у конторки обычно забрызганный грязью... Сам Турасов в неизменной кожанке и сапогах заявлялся в контору и прямо заходил к Наумову. Если в кабинете не оказывалось Волошиной, он перебрасывался с Наумовым несколькими словами, и мчался на мастерский подучасток...

Близкая весна теплым ветерком вливалась в открытое боковое окно машины. Это была его, Турасовская, тридцать четвертая весна. «Тридцать четвертая... — думал он. — Не много ли, чтобы, как мальчишка, бегать за Волошиной?» — Турасов уже как-то свыкся с мыслью, что он теперь холостяк. За все это время, с тех пор, как он выехал из города, бывшая жена не написала ему ни строчки. Только сейчас Турасов начинал понимать, что не нежелание Кати выехать из города расстроило их семейную жизнь. Это началось значительно раньше, когда он еще работал в управлении. Как-то так получалось, что Турасов стал жить сам по себе, Катя сама по себе... Установить тот день, когда было положено начало этому, Турасов бы, наверное, не мог. Да и кто в таких случаях может? А было так: он потерял желание делиться с Катей какими-то своими мыслями, планами, мечтами. Он говорил, а у Кати читал на лице такое безразличие,

что дальше говорить язык просто не поворачивался. Так и остался он один на один со своими планами и мечтами.

Баранка дернулась. Турасов машинально крутнул ее вправо и едва не заехал в кювет. Скоро сплав, надо бы еще проехать на нижний склад... А она волнуется — зима не оправдала идею проекта. Вчера Турасов разговаривал по этому поводу с Ритой. Он понимал, что, несмотря на печальный итог, идея Волошиной стоит того, чтобы ее внедрить. Сейчас же просто сказалась неподготовленность механизмов. Поэтому он все-таки решил отдать приказ о подготовке к переводу участка Тананхеза на новую технологию.

Чем ближе к верхнему складу, тем дорога становилась хуже, приходилось то и дело переключаться на первую скорость. Турасов же не любил медленную езду, как, впрочем, и все, что делалось медленно... И в Рите ему сразу же понравилась стремительность, горячность, которая была так сродни его собственной душе...

И опять топь. Она будто нарочно повстречалась на пути, чтобы еще раз подтвердить правильность доводов Волошиной — зимой топи замерзали. Зимой вози по ним лес — и никаких тебе затрат на строительство дорог. Ведь сколько тысяч рублей пожрали эти топи. Старший экономист как-то прибросил на бумаге. Получилась такая внушительная цифра, что Турасов за голову схватился: древесина, которую заготавливали мелкие лесоучастки, была «золотой». Она не оправдывала тех средств, которые на нее затрачивались.

Даже через забрызганное грязью смотровое стекло Турасов сразу увидел Риту — она стояла около автокрана. К его приездам здесь так привыкли, что никто не подошел встретить начальство. «Однако тоже факт», — усмехнулся про себя Турасов. И Рита, вместо приветствия, кивнула на автокран и без всякого предисловия сказала:

— Полюбуйтесь, Сергей Лаврентьевич, это разве техника — час работает, десять стоит!

Турасову хотелось ответить, что за простой техники с них спросят, но вовремя прикусил язык — ни к месту и по-казенному прозвучало бы это сейчас.

— С вывозкой как, неважно? — в свою очередь спросил Турасов, хотя знал, что неважно: утром читал сводку. И знал, почему это так — слякоть, бездорожье, частые

поломки механизмов. Волошина тоже не стала особенно распространяться по этому поводу, только махнула рукой. Этот широкий жест как-то не шел девушке, как, может быть, не шли и большие не по размеру сапоги, и ватник, и то, что даже в присутствии Турасова Рита грубо отчитала автокрановщика. Парень тоже огрызался — и все это выглядело по-простецки, без особой дани чинам и положениям. Из кабины подъехавшего трактора высунулся скуластый паренек, помахал рукой и крикнул:

— Маргарита Ильинична, не забудьте, сегодня в клуб...

У Турасова даже заколотилось сердце. Впервые пришла в голову ревнивая мысль, что ведь он, собственно, ничего о Рите не знает. Разве исключено, что она дружит не с этим парнем, так с другим, возможно, он провожает ее домой, называет просто Риточкой и...

— Я бы вас просил проехать со мной на нижний склад,— вдруг сухо, даже резко произнес Турасов, обращаясь к Рите.— Вот-вот скатка начнется, готово ли у вас все...— И, не оборачиваясь, зашагал к машине, неестественно твердой походкой, будто боялся оглянуться назад.

Машину он некоторое время тоже вел молча, упрямо сжав губы. «Козлик» бросало из стороны в сторону. Рита не понимала, почему вдруг замкнулся Турасов, обычно в таких поездках он был разговорчивым, любил отпустить острую шутку... И Рита, даже если им приходилось оставаться наедине, не испытывала особой робости. Но сейчас она вдруг ощутила, что не может уже так свободно говорить с ним. Рите казалось, что скажи она хоть слово, обязательно покраснеет или же чем-нибудь другим выдаст себя... Молчание затягивалось, оно просто становилось невыносимым. Рита даже обрадовалась, когда машина нырнула передними колесами в глубокую вымоину и забуксовала. Рита отворила дверцу и легко выскочила на дорогу. Турасов заглянул под машину.

— Сели. А-а, черт! — сдержанно выругался он.

Рите же вдруг стало смешно, она ладонью закрыла рот, потом присела на корточки и сделала вид, что счищает с сапог грязь... Эти простецкие слова неожиданно разрядили ту неловкость, которая создалась между ними.

— Ничего, вытащим, Сергей Лаврентьевич! — с каким-то озорством выкрикнула она.

Принесли вдвоем несколько жердин, подложили под колеса. Однако и это не помогло.

Турасов, не долго думая, вытащил домкрат и полез под машину.

— Да вы же запачкаетесь!

Турасов только в ответ пошевелил выглядывающими из-под крыла ногами. Потом вылез уморительно перепачканный грязью, на правой щеке пятно мазута, но довольный.

— Теперь выберемся.

— Ну, какой же вы, однако! — Рита достала платочек.— Давайте я вам щеку вытру.

Турасов перехватил ее руку, Рита совсем близко увидела его глаза, они показались ей в эту минуту необыкновенно синими...

— Вы... мешаете мне,— Рита осторожно выдернула руку.— Ведь мы еще не выбрались...

Но «козлик» на этот раз выскочил из промоины и снова продолжал путь.

С нижнего склада Турасов подвез Риту прямо к дому.

— Вы бы зашли умылись,— предложила Рита.— А то на себя не похожи.

— Если на себя не похож, пожалуй, надо и умыться,— согласился Турасов. В его годы, возможно, люди уже не испытывают той робости или неловкости, когда входят в дом или же знакомятся с мамами своих избранниц. Турасов с Софьей Васильевной сошелся быстро. Пока умывался, та успела пожаловаться, что в магазин к ним плохо завозят мясо, и что пора бы привести в порядок улицы поселка, а то весна нагрянет, опять по колено в грязи ходи...

Турасов долго не задерживался, вскоре уехал: уезжать ему не хотелось, но дел уйма.

Рита проводила его до калитки. Когда вернулась, Софья Васильевна не без намека сказала:

— Что-то частенько он тебя стал раскатывать, барышня.

— Начальству положено заботиться о подчиненных,— отшутилась Рита, подошла к зеркалу, долго и старательно расчесывала волосы.

2

С приближением весны краски неба над поселком, над тайгою становились гуще, синее. Для Платона это была первая послеармейская весна. В город она приходила как-то незаметно, крадучись, а здесь бурно, сразу. Корешов любил, когда вот так — сразу. Последние дни он чувствовал необыкновенный прилив сил и какое-то беспокойство. Он часто уходил за поселок на реку. Она еще не вскрылась, но лед, уже проточенный ручьями, посинел и вспучился. У самого берега появилась узкая полоска воды, прозрачной и синей, как само небо. Настроение было такое, что хотелось куда-то ехать, лететь. «Зов предков,— усмехнулся Платон.— Наверное, когда-то наши предки с наступлением весны снимались с насиженных мест и кочевали в поисках новых охотничьих угодий...»

Пахло смолистыми бревнами. Они высокими штабелями возвышались над берегом. Если забраться на штабель, то из конца в конец виден весь поселок. Вон избы Сорокиных, Вязовых и Волошиных... Платон задержался взглядом на последней и не сразу понял, что за машина остановилась у этой избы. «Вот дьявол! — выругался он, узнав директорский «козлик».— Что-то он повадился к ним». Платона так и толкало пойти туда. И он пошел медленно, заложив руки в карманы брюк, широко ставя ноги в кирзовых сапогах. Сапоги, хотя и кирзовые, но не солдатские, а приобретенные Корешовым за собственные деньги. Платон за зиму приоделся: костюм, пальто, рубашки... Уже давно он привык одевать сам себя — надеяться было не на кого. Правда, иногда помогал Петр Тарасович, но у дядьки была и своя семья... В прошлом письме он сообщал, что получил новую квартиру. Расстраивается наш город, в отпуск обязательно съезжу, решил Корешов.

Платон несколько раз прошелся по улице мимо машины. «И что его сюда носит? — не выходило у него из головы.— Хоть и директор, а выйдет, возьму за грудки и спрошу... Глупо»,— Корешов шумно вздохнул. Скрипнула калитка. Турасов, одетый в хорошо знакомую кожанку, прошел к машине. «Козлик» фыркнул и промчался мимо парня. Платон проводил его долгим взглядом, решительно направился к калитке. Что он скажет, ког-

да войдет к Волошиным, и сам не знал, но ревнивое чувство погнало его в калитку. Поднялся на крыльцо, долго вытирал подошвы сапог о коврик, связанный из прутьев. «Я скажу, все скажу, хватит за нос водить, не маленький, ишь, директор, подумаешь, начальство...»

Платона встретила Софья Васильевна. Руки у нее дрожали точь-в-точь, как тогда у матери Маруси, и лицо такое же испуганное, счастливое и растерянное одновременно. Глаза прячет, не смотрит на Платона.

— Здравствуйте, — глухо говорит Платон. Руки то в карманы сунет, то вытащит. «Где же Рита?»

— Здравствуй, Корешов,— вышел из комнаты Илья. Накинул тужурку, взял за плечи Платона, подтолкнул к двери.— Поговорим, парень...

Вышли за калитку. Некоторое время шагали молча.

— Ты не думай, что одобряю это дело, — наконец произнес Илья.— Человек он немолодой, семья в городе...

Платон спутал шаг, сцепил зубы. Нет, он ни слова не скажет. Сам дурак, сам ведь давно уже понимал, что не клеилась их любовь, да и была ли она, эта любовь. Ну, целовались за углами, ну провожал, ну читала она стихи какого-то местного поэта:

Эти живут
Без понимания.
Разлучены,
Хоть почти неразлучны.
Она —
Измученная вниманием.
Он —
Без внимания измученный.

— Ритка, она молчит... — продолжал говорить Илья.— Ты, если любишь, не отступай. В жизни надо всегда за свое бороться...

Но Платон слушает и не слушает, о чем говорит Волошин. На него вдруг насели эти распроклятые стихи. Каруселью красивых, приглаженных строк завертелись в голове, хоть убегай от них...

Ну и жизнь!
Цена — грош ей,
Хотя не хотел я
Их жизни охаять.

Не видит она,
Какой он хороший,
А он —
Какая она плохая.

«Проза лучше, — вдруг отчего-то решает Платон. — И жизнь — проза», — мрачно заключает он, ошарашенный известием.

— Не вешай носа, парень, — хлопает по плечу Волошин.

— А я не вешаю, — вдруг обозлился Платон. — И вообще, пошли вы все!.. — Он круто повернулся и зашагал прочь от Ильи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Река вскрылась двадцать седьмого апреля. Устремившиеся со склонов сопок потоки талой снеговой воды разрыхлили снег, проточили лед, как черви древесину. Вечером в поселок с реки донеслось уханье. Оно раскатистым эхом отозвалось в сопках. И вдруг вся река задвигалась, зашевелилась. Сухой треск слышался всю ночь. Утром он перешел в легкий шелест — друг о друга терлись льдины.

Весна.

Вскоре на нижнем складе забурлила работа. Началась скатка леса. Подымая каскады брызг, бревна падали в реку. С лесоразработок снимались люди и направлялись на сплав. Платон упросил Софу Хабибулина взять его в бригаду, на пикет, на реку, подальше от поселка; подальше от Риты. Она еще делает вид, будто бы ничего не произошло.

...В глазах рябь, в ушах шум. Плот стремительно скользит вниз по течению. Двое сплавщиков, стоя в раскорячку, навалились грудью на большие свежетесаные весла. Один из них — Петро Суворов. У Петра рот полуоткрыт, глаз не сводит с бригадира, не прозевать бы команды. А Софа стоит, расставив ноги в болотных сапогах с голенищами до пояса. Оттого он кажется еще меньше ростом. Были видны только эти огромные сапоги, круглая голова с маленькими хитрыми глазами и короткие руки, словно вырастающие из сапог.

Платон и еще несколько рабочих держат на изготовку длинные скользкие шесты. На концах шестов наконечники и круто загнутые зацепы. Впереди река ломается вправо, вода здесь хлещет пенной накипью о скалу. «Здорово поработали подрывники, а все-таки еще бы вон там кусок надо было срезать», — думает Софа.

Платон то смотрит на бригадира, то переводит взгляд туда, где на изломе реки развороченная скала. Он затрудняется сказать, кто же из них спокойнее. Корешов уже знал, что плоты с домиками обычно спускают вниз по реке осторожно — цепляют тросами и ведут с берега. И только Хабибулин гонял их без всякой страховки с берега. Это рискованно, зато быстро и экономично.

Софа поднимает руку. Суворов и его напарник у весел напруживиниваются, вытягивают шеи. Плот продолжает стремительно приближаться к опасному месту. У Платона от непривычки даже дух сперло, потом вдруг хмельная, озорная смелость ударила в голову. В такие минуты все нипочем. В такие минуты люди с винтовкой наперевес бросались из окопов... Вот уже видно пенное закипание и у валунов. Платон стоит всего в двух-трех шагах от Хабибулина. И вдруг слышит, как тот отсчитывает вслух:

— Раз, два, три...

На правом низком и заболоченном берегу мелькают чахлые деревца, обглоданные давними пожарами. Рядом с плотом, поблескивая облизанными боками, небольшие льдинки. Изредка догоняют плот бревна, тараном нацеленные на него.

— Одиннадцать, двенадцать...

— Ха, налегли! — гортанно выкрикивает Софа. Сам резко наклоняется, разбрасывает руки. Вот-вот и он сам, кажется, прыгнет за борт...

Петро и напарник подтянулись, занесли весла. Но плот с нарастающей скоростью продолжал мчать к валунам. И не было, кажется, такой силы, которая бы могла свернуть его с пути. Платон поднимает багор, чтобы, если понадобится, принять весь удар на себя. Принять его за того же Софу, что стоит на носу плота; за Петра Суворова, ради спасения всех этих людей, которые с ним...

В такие минуты человек, наверное, и совершает подвиги...

А валуны уже позади. Софа подмигивает, молодец, не сдрейфил, нашей закваски парень.

Хабибулин садится на чурбак. Чурбак ему служит одновременно и стулом и «капитанским мостиком» — у каждого в жизни свой «капитанский мостик». Сворачивает цигарку, довольно шмыгает носом, протягивает кисет Платону:

— Кури, парень, никакой страх не возьмет, багор клади, пронесло, теперь лагуну пойдем...

Свернули цигарки, задымили. Табак крепкий, дс кишок достает, из глаз слезу выбивает. Плот все так же стремительно скользит по реке...

— Ха, налегли! — снова подает команду Софа, не вставая с чурбака. Обернулся к Платону, прощупал парня хитрыми умными глазами и сказал как бы между прочим: — Пуговица застегни, пока молод — горяч, все нипочем, придет старость — хворать будешь.

Платон хотя и видел Хабибулина в поселке несколько раз, но близко знаком с ним не был. Мужик он хороший, по всему видно...

Плот послушно юркнул в узкую горловину, разогнал тупым носом стоялую воду.

— Здесь жить будем, — делает широкий жест рукой Софа. — Здесь твоя и моя дом. Прямо курорт! — прищелкивает он языком.

Но ничего такого курортного, сколько ни таращил глаза, Платон не увидел. Плот уже покачивался в лагуне. Со всех сторон ее обступают корявый кустарник и темные ели. В полукилометре подпирает небо крутобокая сопка, поросшая молодым приземистым дубняком.

— А сколько отсюда до поселка? — интересуется Платон, хотя ему совершенно безразлично сколько.

— Десять, одиннадцать, — слюнявит цигарку Софа, качает головой; уши у заячьей шапки — хлоп, хлоп. — На свидание ноги заболят бегать, — смеется бригадир.

— Ох, — вздыхает Петро, тоскливо глядит на тайгу, и, наверное, думает, что не скоро придется встретиться с Катериной, поесть такого борща, какой умеет готовить только она.

Закрепили плот тросами, закрыли вход в лагуну боном. Платона Хабибулин посылает нарубить сухого ва-

лежника для костра и для печурки, что стоит в домике, на плоту. Ночи еще обещают быть холодными, особенно здесь, на реке... Развели костер, повесили на сырую осиновую палку ведро с водой. Ухнули туда три котелка гречневой крупы. Любят сплавщики кашу покруче. «От нее в животе плотнее, — как выразился Петро, — не булькает, как от жиденького супца».

Сварили кашу, заправили мясной тушенкой, повесили в другом ведре чай кипятить.

— Он на костре, ох, как пахнет! — закатывает глаза Софа. Он сидит у костра, скрестив ноги.

Кроме Софы, на плоту семь человек. Все они из разных бригад и даже с разных мастерских подучастков. Платон рассеянно слушает болтовню Хабибулина. Он чем-то напоминает ему Портнягина, бывшего их бригадира в порту. И, вообще, эти люди такие же, как и те, грузчики. Они не умеют хитрить и прикидываться, иногда такое в глаза скажут, что не всякий бы решился. А тут и знают, что Рита стала встречаться с Турасовым — в небольших поселках люди все друг о друге знают, — в самую бы пору разыграть сейчас парня, что, мол, с «бородой» оставила тебя технорук, а молчат. Да, эти люди стоят того, чтобы грудью пойти за них на скалы.

Вода в закопченом до самых ушек вместительном ведре, говорливо забулькала. Туда бросили несколько прутьев лимонника. Из ведра потянуло горьковато-кислым запахом, да таким стойким, что он увязался за людьми, как голодный пес. Из ведра черпали каждый своей кружкой.

— Вода нынче хорошая, — хрустит сахаром Софа. Он обмакнет его в чай, пососет, а потом снова хрустит. — Если на нижнем складе не прохлопают ушами, лес пойдет... Эх-ма, только бы двенадцатый километр не подвел! — Он носком сапога шевелит горящие головешки и снова тянется с кружкой к ведру. — На разведку ходили, там лес со дна поднимается...

— В прошлом году на двенадцатом покувыркались, — вставляет Петро. — Такой заломище наворочало, что ой-да-лю-ли! — вздыхает он, то ли снова вспомнив Катерину, то ли трудную сплавную навигацию прошлого года.

— Да-а, — тянет кто-то из рабочих.

— Смотрю я на тебя, Петро, фамилией русский, громкий фамилия, а лицо — татарский, — смешливо щурится Софа.

— Рыбак рыбака видит издалека, — говорит один из рабочих, тот самый, который стоял с Петром на веслах.

— Кто его знает, — беззлобно тянет Суворов. — Может, мамаша с каким татарином и согрешила...

— Ох-хо-хо! Ха-ха-ха! — ударяет по костру дружный смех. Пламя костра колеблется, сыплет искрами.

Небо над тайгой посерело, на речку плашмя упал туман. Надвинулась глыба сопки. Из кустарников показалась ночь, черная, будто побывала перед этим в печной трубе. Затушили костер, пошли в избушку, что на плоту. В избушке жарко. В избушке чугунная печурка, упершись железными лапками в железный лист, покраснела от переваривания смолистых сучьев. Зажгли фонарь, стали укладываться спать на деревянных нарах.

Платон ворочается с боку на бок — никак не идет сон, а здесь еще молодецкий храп Петра. Может, и верно, «помрешь, трава на могиле вырастет...» Платону до слез обидно за свою мужскую гордость — «бороду Рита приклеила...» Он набрасывает чей-то полушубок, выходит из избушки. Закуривает, садится на чурбак. «Может быть, мне капитанского мостика не хватает? — спрашивает себя Корешов и ничего не может ответить. А плот слегка покачивает, убаюкивает. Вокруг жуткая тишина. И кажется, будто ты один во всем мире, во всем. — Страшно, наверное, быть одному во всем мире, страшно...» — Но за спиной из избушки доносится храп, там люди...

— Тра-та-та, тра-та-та...

Платон отворачивает воротник полушубка, напрягает слух. Нет, послышалось.

— Что не спишь, парень? — Это из избушки вышел Софа. — Думаешь? Это хорошо — когда думаешь, в твои годы надо думать...

— А в ваши все ясно? — Платон щелчком отправил окурок в воду.

— Ха-ха-ха! — тихонько посмеивается Софа. Он посмеивается и к месту и не к месту, будто всегда чему-то рад, всегда ему весело. — Сегодня все ясно, завтра ни-

чего не ясно, — говорит афоризмами Хабибулин. — Так всю жизнь...

— Тра-та-та, тра-та-та, — снова улавливает Платон непонятные и далекие-далекие звуки. Софа тоже вскидывается, прикладывает ладонь к уху, всматривается в поблескивающую под лунным светом даль реки.

— Моторка идет! Не боится башка свернуть! Вот, ложились спать — все ясно, а сейчас ни черта не ясно, кого дьяволы несут...

У Платона перед глазами встают пенные всплески у валунов. Можно только посочувствовать смельчаку, рискнувшему идти на моторной лодке среди ночи. Вот мотор заработал на больших оборотах, потом перешел на веселый тон.

— Прошел скалу! — выдохнул Софа. Некоторое время думает и снова говорит:

— Слышу, сам Наумов идет. Значит, не зря идет, надо будить своих...

«Скажешь, Наумов, — усмехнулся про себя Платон. Как-то не вяжется с представлением о начальнике лесоучастка, чтобы тот решился идти на моторке в ночь. — А, впрочем, и в тихом болоте черти водятся».

Они с Хабибулиным сошли на берег. Пробрались к бону. Вот уже на воде видна черная точка, она растет, приближается.

— Верно отгадал, сам пожаловал, — не оборачиваясь, обронил Софа, сложив ладони рупором закричал: — Э-гей-гей! Э-гей-гей!

С лодки их заметили. Она круто свернула и, не сбавляя хода, направилась к берегу. В лодке двое. На берег выскочил Наумов.

— Хабибулин, буди народ. Беда на двенадцатом! Председатель колхоза среди ночи поднял, — кивает Наумов на своего спутника. — Там залом нагородило, вода на поля пошла, почву так и вымывает...

— Ты поезжай, я следом, — засуетился Софа.

— Это ты, Корешов? — оборачивается Наумов к Платону. — Садись к нам в лодку, а то с этим председателем скука одна... — он притворно зевает и хлопает по рту ладошкой.

Пошли полным ходом. Председатель колхоза сидит между Наумовым и Платоном. Он беспрестанно курит и в который уже раз надоедает вопросом:

— Неужели подрывника нет?

— Говорю тебе, рыбнадзор запретил на реке подрывать, — начинает сердиться Леонид Павлович. Но злит его больше не председатель, а тот, «двенадцатый». А здесь еще дьявольски хочется спать. Наумов тянется через борт, черпает ладошкой воду, умывает лицо, пырхает.

— Выкупать тебя, что ли? — донимает он председателя колхоза. — Вы, колхозники, больше в земле копаетесь. Наверное, и плавать не умеете?

— Купай, все равно на свои поля вынесет, — невозмутимо отвечает тот. Потом шуршит плащом, негромко и почему-то таинственным голосом сообщает: — К залому приближаемся. Вон сколько наворочало!..

И верно, не потребовалось и дневного света, чтобы увидеть, какой в узком проходе реки образовался залом. Вода, лишенная свободного прохода, хлынула на левый берег, на колхозные поля.

Причалили к сухому клочку земли. Стали дожидаться Хабибулина с рабочими. Наумов хмыкает, осматривая залом, крутит головой.

— Н-да, аммональчику бы здесь...

— Я же говорил, — живо вставляет председатель. — Вот бы...

— Говорил, говорил, и я тебе говорил! Не разрешает рыбнадзор.

— Да здесь ни одного пескаря нет, — убеждает председатель.

— Не знаю, не ловил, — отрезает Леонид Павлович. — И что ты ко мне присосался, как пиявка?! — потрясает руками Наумов. Он похаживает по островку два шага вперед, два — назад. Поеживается от мокрого тумана, шебуршит подошвами сапог по гальке. Галька стылая, пощелкивает кузнечиками.

Платон тоже смотрит на залом. Ему совершенно непонятно, как можно разобрать его. И вообще зачем понадобилось разбирать залом среди ночи. Разве нельзя было дождаться утра? Стоило ли беспокоить себя и людей?

На лодках-плоскодонках подошли пикетчики.

— Ничего не говори, сам вижу, — самоуверенно заявляет Софа. Вперив глазки в залом, он о чем-то думает, потом возвращается к лодкам, просит помочь ему

перенести одну из лодок на другую сторону островка. Захватив длинную бечеву, Хабибулин и Петро отплывают к залому. Софа немерен отыскать бревна, положившие начало залому. Не так-то легко найти их в этом клокочущем котле.

Накинув петлю бечевы на конец бревна, они отплыли к берегу.

— Тянем! Р-раз! — покрикивал расторопный Софа. Тянули все, даже председатель колхоза.

— Эх, сколько мы удобрения на это поле вывезли, — в короткие передышки говорил он. — Земля-то какая была, эх, урожай бы какой был!..

Платона раздражал жалобный тон председателя. «И что ноет», — подумал он, отвернулся и стал смотреть на поле. Через него перекатывалась вода. Она смывала землю, ту землю, в которую столько труда вложили люди, возможно, те самые девчата, которых он видел прошедшей зимой в колхозном клубе. Платон сцепил зубы, его вдруг обуяла злоба на этот залом, на эти торчащие во все стороны бревна. Парень с яростью тянул конец бечевы. Это словно передалось и всем остальным. Наконец, выдернули из залома первое бревно. Однако залом не шелохнулся, казалось, этот хаос из бревен окаменел и его уже не сдвинуть с места. Лодчонка с бригадиром и весловым курсировала между островком и заломом. Уже потеряли счет вытащенным бревнам, уже ладони горели от бечевы...

— Девчата возили сюда удобрения. Бывало, запрягут лошадок — и пошел! Носы на морозе покраснеют, а возят... — рассказывал председатель, смотрел на рабочих, рабочие отводили в сторону глаза, вставали и снова брались за конец бечевы.

Светало, когда с заломом было покончено.

— Закуривай! — устало сказал Наумов. Присел на борт лодки и тотчас заклевал носом.

Расселись передохнуть и остальные. От усталости трудно даже свернуть цигарки. Председатель колхоза запахнул полы брезентового плаща и, не попрощавшись, побрел в село через хлюпкое поле. Было слышно, как его сапоги чавкали по раскисшей земле. А поле парило, и вскоре фигура председателя точно растаяла в дрожащем мареве занимавшегося дня.

Небо над тайгой становилось все светлей и выше...

2

Рита с утра среди рабочих. За советом они идут к ней, подписывать бумажку — к Наумову. Сегодня Леонид Павлович заявился в контору сонный, вялый. Он поминутно вздыхал и в гробовую доску клял «двенадцатый». Зевота раздирала рот. Не выдержал, махнул рукой, побрел домой спать. Управляйся, Маргарита Ильинична, одна. А ей страсть как не хочется сидеть в конторе, когда на дворе весна, когда так и хочется на солнышко. Но в коридорчике толпятся люди, ожидают приема.

— Ну, кто с чем, заходи! — выкрикивает она в коридор. Садится за наумовский стол, наскоро поправляет перед зеркальцем волосы.

В кабинет не входит, а прямо-таки влетает Катерина. У вдовы обиженный вид. Еще от двери она начинает размахивать руками.

— Вы женщина, Маргарита Ильинична, вы должны меня понять!.. — Катерина пускает слезу и громко на всю контору сморкается. — Это же форменное безобразие! Вчера нарезали огороды, и — хвать, отполовинили! — рубит она ладонью перед самым носом у Риты. — Но у меня же Петро?! Я не одна.

— Но он же вам не муж — осторожно пытается возразить Рита.

— А кто ж он мне?! Ты хочешь сказать, что я шлюха! Может, я честнее других женщин. Мы с Петром живем, ни от кого не скрываем...

«На что она намекает?» — густо краснеет Рита.

— Хорошо, я поговорю с председателем комиссии. Кто там, старик Сорокин? — вдруг упавшим голосом говорит Рита.

— Да, да, он, дьявол! — радостно спохватилась Катерина. — Ты, уж, милая поговори с ним, — улещает вдова.

Вторым в кабинет входит шофер Николай Ерохов. Парень цокает подковками сапог по полу, бросает на стол кепку.

— Отпускайте, Маргарита Ильинична! Уезжаю.

— Почему? — машинально спрашивает Рита, откидывается на стуле. Краска еще не сошла со щек. — Не нравится работать в лесу?

— Не-ет,—тянет парень.—Домой потянуло, в колхоз. Там сейчас самая горячка начинается, а мать пишет — шоферов маловато. Я же с детства в колхозе был, а после армии не захотелось ехать.

— И снова сбежишь.

— Что вы, Маргарита Ильинична! Это твердо.

— Давай заявление, я скажу Наумову, подпишет.

— Спасибо, Маргарита Ильинична!

— Всего хорошего, Николай. Только в колхозе береги машину, не гоняй, как здесь, — напутствует Волошина.

— Будьте уверены, троих-то уж больше никогда не посажу, — улыбается парень.

Еще четверых рабочих приняла Рита, а потом сбежала. Сбежала на нижний склад. Скатка шла ниже моста. С реки тянуло прохладой. Ветер доносил рокотание тракторов, выкрики рабочих. В этой сутолоке Рита свой человек. «Я не шлюха, мы с Петром живем, ни от кого не скрываем...» — звучат в ушах слова Катерины. «А я, что же, выходит шлюха, шлюха?» — Ноги вдруг у Риты ослабели, она ощутила страшную усталость, точно напряжение последнего месяца сказалось именно в эту минуту. Рита присела на обрезок бревна... Со стороны казалось, что Турасов ворвался в ее жизнь, как ветер в распахнутую форточку окна: подхватил со стола разбросанные листки — и закружил их... Нет, все это было намного сложнее, чем казалось с первого взгляда, и чувство к Турасову росло постепенно. Платон только разбудил его, сейчас оно плеснуло через край... Для Риты теперь не было человека дороже, чем Турасов. Отец не одобрял ее выбора. «Все не как у людей, — говорил Илья Филиппович. — Открыто и свадьбу не сыграешь, ведь он не разведен с бывшей женой...» Софья Васильевна по-матерински жалела дочь и защищала ее. «Что же, что не разведенный, — возражала она мужу. — Если друг дружку любят, им теперь ничто не помеха. Была б у него хорошая жена, приехала бы давно», — по-простому рассудила женщина...

— Маргарита Ильинична, товарищ технорук, — машет рукой мастер нижнего склада Логинов. У него сутулая спина и неимоверно длинные руки. Издалека такое впечатление, будто он идет на четвереньках. — Прямо беда с этими косами, — говорит Логинов, сгла-

тывая окончания слов, — хоть выгрызай изо льда бревна...

«Бревна, бревна, — вслед за ним повторяет про себя Рита. — Какие бревна? Ах, да!» Она вскидывает голову, медленно соображает.

— Их будем скатывать в последнюю очередь, — наконец принимает она решение. — К тому времени лед подтает...

— Едва ли, — переминается Логинов и делает какое-то странное движение руками.

— Ладно, что-нибудь придумаем. — Рите не хочется сейчас задумываться над этим. И так голова кругом идет. А в ушах стоит звон, долгий и нудный звон.

Но Логинов продолжает что-то говорить о скате, о ранней весне, жалуется, что на скатке недостаточно тракторов. Мастерам всегда недостаточно механизмов, им хоть весь тракторный парк подавай. Рита почти не слушает Логинова. В сердце заползает непонятная тревога: все утро она ждала от Турасова телефонного звонка. Еще не было такого дня, чтобы он не позвонил. Не заболел ли? Рита не выдержала и позвонила сама. Ответил главный инженер: «К нему гости приехали, хи-хи!» — нагловато прохихикал он в трубку. «Но о чем это Логинов говорит?»

— Много еще осталось? — спрашивает у него Рита.

Логинов недоуменно смотрит на технорука. Он сбит с толку — к чему такой вопрос, ведь сама видит и знает не хуже его. Но раз начальство спрашивает, надо отвечать.

— Да порядочно еще.

— Хорошо.

«Хорошо! Что же тут хорошего, если еще много скатывать». Логинов косит глазами на технорука, прячет в морщинистую ладонь понятливую улыбку. Ясно, весна и техноруку вскружила голову. Логинов, словно боясь оторвать Риту от ее мечтаний, тихо, с носка на пятку, уходит к реке. За дорогу несколько раз оглядывается, разводит длинными ручищами и отчего-то глубоко-глубоко вздыхает. Молодость. Молодости всегда завидуют те, у кого за плечами не один десяток лет.

«Ну что же ты, Ритка, раскисла?» — спрашивает она себя, старается прогнать прочь усталость. Но вместе с усталостью наваливается скука. Скука — страшнее ус-

талости. Она пиявкой присасывается к девичьему сердцу. Сердце нехотя толкает кровь, сердце, кажется, вот-вот остановится. Как надоела эта любовь за углом, как надоела! Они поженятся, как только Турасов получит развод от жены. Интересно бы посмотреть, какая она — жена Турасова. Сам Турасов мало и нехотя говорил о ней. А если и говорил, то Рита следила за каждым движением его лица, она так боялась увидеть на этом лице хотя бы малейший намек, что он еще любит ту... Но что за гости приехали к нему, почему он не позвонил? Что означали эти идиотские насмешки главного инженера?..

Рита встает с бревна. Ноги, как деревянные. Ей бы следовало еще побыть на нижнем складе, но она поворачивает назад, в поселок. И поселок ей вдруг кажется серым и маленьким, как птичье гнездо, и небо над ним рыхлое, как по весне снег, вязкое и как бы неумытое. «Корешов сбежал на сплав, мальчишка, — думает Рита, тяжело ставя ноги. — Витька Сорокин даже здороваться перестал, обижаются, а понять не хочет никто, даже мама. Им странно, что получилось все «вдруг». Может быть, оно всегда так и получается...» — Рита смотрит на часы, скоро обед, не стоит идти в контору.

Дома спокойно, чисто, уютно.

— А у меня обед-то еще не готов! — всполошилась Софья Васильевна. — Борщ только закипел...

— Спасибо мама. Я не хочу пока есть.

Софья Васильевна покачала только головой.

Рита прилегла на кушетку, закинула руки за голову. «Гости приехали, гости приехали, хи-хи-хи!» Она набросила куртку, решила сходить к Наумову.

«Попрошу машину, попрошу машину», — стучало сердце.

Дом у начальника участка новый, отстроенный прошлой осенью, еще не оштукатурен снаружи. Рите как-то не приходилось бывать у Наумова на квартире. О жене его, Надежде Лукьяновне, ходили в поселке слухи, как о ревнивой женщине. Она встретила Волошину не очень-то приветливо. На ней был замасленный фартук, в вырезе платья видны бретельки комбинации. На кухне, на плите, что-то шипело, потрескивало, тянуло гарью. Хозяйка проводила Волошину в комнату, ревниво бросила:

— Леонид, твоя помощница...

Наумов нехотя открыл глаза, протер их пальцами.

— А?— зевнул он, потянулся. Приподнял от подушки голову, торопливо, испуганно спросил:— Что такое? Что такое? Начальство приехало?

— Леонид Павлович, дайте машину на полдня.

— Машину? Мне ехать? Куда ехать?— У Наумова на помятой физиономии появилось такое выражение, будто лимон съел, хватит с него и поездок среди ночи по реке.

— Не дадут человеку и отдохнуть,— ворчливо заметила хозяйка.— Приходят, поднимают с постели в полночь...

— Не беспокойтесь, это мне надо ехать... в леспромхоз...

— А-а,— облегченно протянул Леонид Павлович и переспросил: — В леспромхоз? Ладно, поезжай, только осторожно,— погрозил он пальцем.

— Ездят, шашни разводят,— уже, захлопывая дверь, услышала Рита слова хозяйки. Эти слова стеганули ее, как кнутом. Выскочила за калитку, угодила в лужу. Со злостью оглянулась на заплаканные окна наумовского дома. Выбралась на скользкие грязные доски, служившие тротуаром. Они ниточкой тянулись вдоль самого плетня. Доски чмокали, из-под досок веером во все стороны разлетались капельки мутной воды. Минуя сорокинский двор, увидела во дворе Поликарпа Даниловича, окликнула.

— Здравствуй, здравствуй, дочка! Заходи.

— Спасибо, Поликарп Данилович, я на минутку.— Рита легла грудью на калитку.— Катерина приходила жаловаться, будто обрезали ей огород.

— Конечно, обрезали, какой здесь разговор. Сколько полагается, столько и оставили. — Старик Сорокин с досады даже сплюнул. Эта Катерина чуть не повыбрасывала их с огорода. Силы в ней больше, чем у другого мужчины.

— Да ведь она не одна, Поликарп Данилович! Она же с Суворовым живет. Как только возвратится он со сплава, они поженятся, — уже от себя приврала Рита.

— Если так, то, пожалуй, и добавим,— подумав, сказал Сорокин.

3

— Ох, уж эти мне огороды! — поднявшись на крыльцо, сказал Поликарп Данилович жене.— Слыхала, Катерина с Суворовым расписываются. А мы ей огород на одну нарезали. — Он стянул у двери грязные сапоги, в носках прошлепал на кухню.— Жрать чего-то захотелось,— почесал живот, заглянул в одну, потом в другую кастрюли — пусто. — А где же обед-то?!

— Поешь сальца. Замоталась сегодня, не успела приготовить, — отозвалась из сеней Нина Григорьевна.

— Сальца,— проворчал Поликарп Данилович.— Жуй ты его сама. Оно как подошва. Без недели сто лет этому сальцу! — Он еще долго награждал «сальце» нелестными эпитетами. Но ими брюхо не набьешь. Взял корочку хлеба, пососал. Аппетит волчий. Поликарп Данилович даже как будто помолодел, забыл об «аттестате старости», по делам забегался: то огородная комиссия, то комиссия по взаимопроверке между лесоучастками. Поликарп Данилович прошел в спальню, достал из сундука бережно сложенную газету, в который раз перечитал очерк о себе, о том, как он нашел останки Панаса Корешова. Прочитал и снова спрятал в сундук. Из райкома партии сообщили, что как только подсохнет земля, поедут за прахом Корешова. «А Катерине и верно надо огород прибавить,— подумал Поликарп Данилович и тут же:— Неужели Ритка за Турасова выходит?» Хотел позвать жену, но в сенях чей-то голос, кажется, супруги Вязова:

— Дело-то какое!— Она поднесла платочек к глазам, всхлипнула.

— Да что с тобой?— обескураженно спросила Сорокина. Поликарп Данилович даже сбегал на кухню, принес ковш воды. — Беда какая?

— Да уж не знаю как и ска-азать...— отвечала та нараспев.— Срам... Сашенька-то моя от Витьки... того... Сама сегодня призналась...

— Что такое?!— Поликарп Данилович даже присел.

Нина Григорьевна ойкнула, побледнела и тоже всхлипнула.

— Да как же это они,— только и выговорила она.— Без расписки-то...

— Твоя Сашка тоже хороша! — обозлился Поликарп Данилович. — Ишь, невтерпеж им стало! — Не выносил он бабьих слез. Топнул ногой, нахмурил кудлатые брови. — Хватит ныть. Идите по магазинам, завтра же свадьбу сыграем. А перед свадьбой жениха выдеру, как сидорову козу! Кобель!..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

1

И веки еще липкие ото сна, а Софа уже торопит в лодки. Сорвало бон. Его развернуло и ухнуло о крутой каменистый берег, только шум пошел. В илистую затхлую протоку, как сельди в бочку, набились бревна. Для пикетчиков это — гиблое дело.

Умывались прямо с плота, брызгались, как мальчишки. Суворова чуть не столкнули в воду. Поели наскоро — всухомятку. Расселись по лодкам, налегли на весла. В лица ударил сырой, тягучий ветер, прогнал остатки сна.

— Нажимай, нажимай! — с подъемом выкрикивает Софа. В такт взмахам весел он то нагнется, то выпрямит спину, то поднимет, то опустит руки. Колышутся уши у заячьей шапки, болтаются завязки туда-сюда, туда-сюда. — Раз-два, раз-два! — Его голос сливается с говором ближних перекатов.

Лодки идут наискосок против течения, чтобы не снесло далеко. В первых лучах развеселого солнца поблескивают мокрые лопатки весел. Подошли к протоке.

— Корешов, Суворов, со мной, — командует Софа. Прыгает из лодки на бревна. В руках у каждого длинный багор. Остальные пикетчики остаются в лодках.

— Принимай! — Софа вонзает острие багра в крайнее бревно. Ему помогают Корешов и Суворов. Вытолкнули бревно к лодкам. Лодочники вывели его из протоки, пустили на простор реки.

Через несколько часов присели на перекур. Сверху тарахтение моторной лодки. Повытягивали шеи — кого еще там несет?! Куприянов! Ясно, инспектировать едет, на то он и начальник сплавной конторы. Кто-то зашевелился — работать надо.

— Неудобно все же — вот, скажет, работнички.

— Сиди, перекур так перекур,— говорит Софа.— Зачем пыль в глаза пускать, пыль всегда пылью и останется...— умозаключает он.

Платон невольно ловит себя на мысли, что ему по душе такая прямота и честность.

— Прими лодку,— толкает Корешова в бок Петро.

Платон идет к реке. На нем прорезиненная зюйдвестка, на ногах болотные сапоги. Оттого он кажется еще шире в плечах и выше ростом. Забрел по колено в воду, ветер разметал русый чуб. Вытянул руку, поймал нос лодки, одним махом вытащил ее на берег. Куприянов здоровается с ним за руку.

— Какую новость привез?— спрашивает Софа и скалит зубы. Он всегда их скалит, точно всем хочет показать, как хороша жизнь.

— Ничего нового, вот разве только передачку. Кто здесь Суворов? — Куприянов поднял над головой объемистый узел.

— Ай да баба! Ай, хороший человек! — ударяет по коленкам Софа.

— Да, уж женщина так женщина,— поддакивает Куприянов.— Пристала — и все тут! Вези, говорит, меня на пикет... Еле отговорил, а передачку все-таки сунула...

Петро смущен. У Петра кривятся в улыбке обветренные губы. Он растерянно топчется с узлом, не знает, что же с ним делать. Потом кладет на землю, развязывает.

— Налетай, братва! Еды на всю бригаду хватит!..

Расселись вокруг узла.

— А на двенадцатом бы следовало по берегам поставить козлины, а? — Куприянов чистит яичко.— Люблю всмятку,— приговаривает он.

— Надо бы!— чамкает Софа. Его любимая поза — сидеть поджав под себя ноги.

Платон тоже ест из общего «котла». Такой уж характер у Петра — для других он готов отдать и свою рубашку. Софа ввел в бригаде такой порядок — зарплата всем поровну. «Уравниловка», — сказал как-то Наумов. Хабибулин на это темпераментно возразил: «Какой такой уравниловка! Он человек, я — человек, всем деньги нужны. Моя бы платил их не по чину, а по тому, кому они нужнее... я бобыль, а у него — пятеро де-

тей, я бригадир, а он нет, кому прикажешь больше платить, а?!» У Софы, как заметил Платон, был на многие вещи свой взгляд, своя философия, подсказанная жизнью. Он, например, мог, не моргнув глазом, соврать хоть кому, если считал, что это на пользу дела. Так, например, когда бригада выезжала на сплав, всем выдавали по одному одеялу, Софа раздобыл по паре.

«Я ему (завхозу) сказал, нет совсем одеял. Он мне раньше выдал без расписки. Тот башка хватил, как нет, куда делись! Давал еще. А уж потом я ему говорил честно, он ругался, зато всем тепло...»

— Лихая у вас технорук,— между делом заметил Куприянов.— Промчалась на «козлике», когда на лесоучасток ехал, как угорелая. Наверное, в леспромхоз по какому важному делу вызвали.

— Ага, по делу... — покрутил головой Софа, посмотрел на Платона, дальше разглагольствовать не стал.— Ладно, надо работать,— вдруг поднялся Хабибулин.— Катерина, шайтан, всех обкормила, теперь ленивый, как баран, будешь...

Снова протока, и снова бревна. «В леспромхоз помчалась!» — Платон с остервенением, что есть силы всадил острие багра в толстое, важное бревно с косым срезом...

2

«Козлик» Рита вела на большой скорости. По днищу дробно стучали мелкие камешки; брезентовый верх бился на ветру, будто над головой Риты не отставая летела стая птиц. Машину водить тоже научил ее Турасов. Рита отлично помнила эти уроки. Бывало, она заезжала в кювет, растерянно и даже испуганно вцепившись пальцами в баранку, а Турасов, сидевший справа в роли пассажира, едва уловимо улыбался и шутил: «Завтра же застрахую жизнь...» Он нарочито медленно вылазил из кабины, заглядывал под колеса и, разыгрывая Риту, делал серьезное лицо. «Н-да, Маргарита Ильинична (он отчего-то всегда называл ее по имени и отчеству), рессоры полетели. Придется на ваш счет их отнести.

Ему будто нравилось видеть, как у Риты совсем подетски вздрагивали розовые губы, как она вскидывала брови. А когда Турасов открывал, что это всего лишь

шутка, Рита вспыхивала. Ему нравилась она и такой — горячей, ершистой...

Быстрая езда несколько успокоила Риту. Она уже подумала, стоило ли вообще выезжать в леспромхоз. Ведь ничего, собственно, не произошло. Ну, не позвонил, ну, не приехал, мало ли у него забот... Но что означал этот нагловатый смешок главного инженера — к нему гости приехали... Рита непроизвольно прибавила газу.

«Нет, нет, Сергей не такой,— убеждала она себя,— он хороший, он лучше всех...» Ей припомнилась живо, до мелочей последняя их встреча. Они тогда тоже ехали в машине, Турасов сидел за баранкой. Рита в шутку призналась, как когда-то, стараясь представить себя в роли жены, принялась утром делать пельмени. Но Турасов не рассмеялся — и Рита почувствовала себя страшно неловко — подумает еще, что она набивается ему в жены. Потом он неожиданно сказал: «Вчера в «Комсомольской правде» читал анкету с вопросами. Извечная тема семьи и брака. Есть там и такой вопрос, почему, мол, иные семьи молодоженов быстро распадаются, не выдерживают испытание временем. Кстати, одной из таких причин является неумение молодой жены готовить обеды. Да, да, не смейтесь. Ведь в семейной жизни, кроме цветов и любви, есть и другая сторона — черновая. Сегодня жена не захотела пришить пуговицу, завтра постирать белье, послезавтра муж идет на работу голодным...— Турасов сделал паузу.— А весна-то какая. Весна!»— вдруг сказал он, точно захотел скрасить свои рассуждения о семье и браке. Вообще, за его мыслью Рита иногда не успевала уследить: он мог говорить о лесе, делах, а потом вдруг без всякой связи сказать: «Фантасты изощряются друг перед другом, показывая, каков будет человек будущего. Вот, например, Ефремов в «Туманности Андромеды» выдвигает такую теорию: со временем человек освободится от воспитания детей. Якобы материнство в человеке — это не изжитый инстинкт животного. А, по-моему, материнство — это самый большой дар природы человеку. Утратив его, человек потеряет свое лицо, потеряет самое дорогое чувство!..» «Вы увлекаетесь фантастикой?!»— не скрывая удивления, спрашивала Рита. «Почему бы и нет. Как, по-вашему, зачем детям нужны сказки? Сказки пробуждают в ребенке любознатель-

ность, дают толчок для мышления... Но вот ребенок вырос, перерос сказки, а что дальше? Если он будет занят только узким кругом забот, из такого человека получится деляга, сухой, расчетливый деляга». «И вы бы такому человеку советовали читать фантастику?» — с иронией перебивала Рита. Турасов ничуть не обижался на тон, с каким был задан вопрос. «Зачем так прямо понимать,—спокойно отвечал он.—Но если, грубо говоря, такому дяденьке не хватает фантазии, которая бы чуть-чуть приподняла его над землей, то большой пользы от него для общества не жди. Ведь вы помните, как в той же «Комсомольской правде» на запуск наших ракет был напечатан и такой отклик: зачем, мол, осваивать космос, когда мы на Земле еще всех благ не добились... Вот они, такие люди, о которых я вам только что говорил...»

К усадьбе леспромхоза Рита уже подъезжала без особого запала. «Только бы не попасться на глаза главному инженеру,— подумала она.— Этот обязательно съехидничает...»

Машину она поставила у магазина за три дома от конторы леспромхоза. Рита направилась туда пешком. В коридоре она свернула в плановый отдел, где работала ее подружка по техникуму. Подружка уже год как была замужем и только что вернулась из декрета. В кабинете, кроме нее, никого не было.

— Такой крикливый, прямо ужас!— заговорила Вера о своем сынишке.— Мы с Петром прямо замучались!.. Всю ночь кричит... С желудочком, что ли, не в порядке, прямо не знаю. А ты что в гости не заезжаешь?

— Некогда все,— оправдывалась Рита.— Начался сплав... Турасов у себя? — как бы между прочим спросила она.

— Турасов? У-у, здесь такая история получилась!— всплеснула Вера руками.— Заходит какая-то дама, расфуфыренная, пацана за собой тащит. Прямо в приемную. Секретарша не пускает: у Турасова срочное совещание. Так она нахально ворвалась. В общем, нагрянула к нему жена... Пойдем, я тебе сынишку покажу, пойдем, — потащила Вера Волошину. Рита, как слепая, машинально шагала за ней, безразличная ко всему, даже к Вериному сынишке...

3

Дни стали заметно теплее. Из пухлых почек на деревьях, как птенцы из яиц, вылупились клейкие листочки. Полегла жухлая прошлогодняя трава, на смену ей из рыхлой земли острыми луковичными перьями пробилась молоденькая травка... Прибавилось работы в бригаде Хабибулина: сверху большими косяками поплыл лес. Бригада с раннего утра до позднего вечера курсировала по пикету. Разбирали заломы, скатывали в реку занесенные на косы бревна.

На исходе недели Корешова и Суворова Софа отрядил в поселок за покупками. В этот день Софе стукнуло сорок три года. Решили после работы отметить именины бригадира. В бригаде имелась моторная лодка, но Софа не доверял ее никому. Поэтому пошли в поселок на весельной. Петру не терпелось повидать Катерину, Платону — друзей. Втайне он надеялся встретить Риту, увидать хотя бы краешком глаза. При воспоминании о Рите он обычно замыкался, становился хмурым, неразговорчивым... В полдень они были в поселке. Время обеденное, магазин закрыт. Договорились встретиться через час. Суворов убежал к Катерине, Платон заглянул к Сорокиным. В своей комнате нашел изменения — пахло духами, на тумбочке принадлежности женского туалета.

— Витька женился,— объявила Нина Григорьевна.

— Когда?!— удивился Платон.

— Да совсем недавно. Жалел, что тебя нет. Все получилось так неожиданно, так неожиданно!.. Ты уж не обижайся на нас, Платоша... Вчера какой-то корреспондент приходил, все о тебе расспрашивал. Как это он называл, а? — «внуки наших дедов», и придумал же!

«Действительно, придумал,— усмехнулся Платон.— Внуки как внуки»... И в том, что Витька женился, для него тоже не было ничего неожиданного — рано или поздно надо было ожидать этого.

Платон сменил белье, направился к магазину. За дорогу он несколько раз оглядывался, но отсюда была видна только крыша дома Волошиных. Только крыша. А что под крышей?

Петра у магазина еще не было. Платон закупил все необходимое, нагрузил полный мешок, взвалил его на

плечи и побрел к домику Катерины. Он порядком пропотел, прежде чем добрался до Катерины. Дверь открыла сама хозяйка, раскрасневшаяся, с томными, соловыми глазами.

— А-а, Платоша! — воскликнула она. — Милости просим, дорогой ты наш!..

Петро сидел за столом с расстегнутым воротом, навеселе. Перед ним обильная закуска и выпивка. Он виновато прятал глаза и глупо до ушей улыбался. Проворная Катерина заговорила Платона, оградила своего возлюбленного от упреков. Ее полные слегка тронутые первым загаром руки так и мелькали перед глазами Корешова. Она усадила упирающегося гостя за стол, налила в стаканы водку, выпила сама и заставила выпить Платона; Петра на этот счет упрашивать не приходилось.

— Разлюбила, ну и пусть... Подумаешь! Красавица!...

— Верно, — поддакивал Петро. — Выпьем з-за некрасивых!..

— Может, и я некрасивая?! — подбоченилась Катерина.

— К-красивая!.. — Платон опьянел и лез целоваться к Катерине. Все и все казались Корешову очень милыми. Он готов был расцеловать и Катерину, и Петра, и всех жителей поселка... Впервые он сейчас стал похваляться дедом, и вообще плел всякое такое...

— Д-давай за твоего деда даванем, — в который уже раз потянулся Петро со стаканом. — Что именины Софы, дед — это да! С-сила твой дед!..

— Именины? Какие именины? — Платон мотнул головой, волосы рассыпались по лбу. Неожиданно вспомнил, зачем они пожаловали в поселок. Оттолкнул руку Петра. Тот выронил стакан, стакан разбился.

— Ничего, посуда к счастью бьется! — сказала Катерина.

— Сегодня же распишемся! — загорелся Петр.

— Никаких женитьб! — стукнул кулаком по столу Платон. — З-завтра распишитесь, сегодня надо продукты везти.

— Верно, — согласился Петро.

— Куда же вы пьяные?! Не-е пущу!—Катерина ухватила Суворова за рукав, заголосила: — Не-е пу-ущу!

— Ну и не пускай, а я пойду, — Корешов толкнул ногой дверь, вывалился в сенцы. Там он долго искал мешок, наконец, схватил его в охапку, вышел на улицу.

Из дома доносилась яростная перебранка. Потом возня, хлопанье двери. Во двор выбежал Петро в расстегнутой до пупа рубашке, в правой руке зажатая в кулак пестрая косынка Катерины. Следом за ним и сама Катерина, все еще продолжавшая голосить, что она не пустит их в лодку. Но, видя, что с мужчинами не совладать, решила хотя бы протрезвить их. Платон шагал впереди, Катерина и Петро чуть поотстали. Плыла перед глазами Платона улица, поселок плыл, потом вдруг Рита...

— Рита-а! — Корешов глупо таращит глаза, потом вдруг злость, обида — все это захлестывает его. — Уйди с дороги, не то!.. — Опустил плечи. — Звездой была?! Да, недоступной, пускай бедой, но путеводной была звездой. — Зачем, к чему прочитал он эти строки из какого-то стихотворения? А Риты уж нет. Может быть, ее и не было.

— Стрекача-то как дала, ха-ха! — смеется за спиной Петро.

— Кто это?

— Твоя бывшая...

— Бесстыжие морды, — ворчит Катерина. — Вам, мужчинам, никогда не понять женского сердца. Сегодня мне кажется, Петра люблю, а завтра — Ивана. И за того Ивана в огонь и в воду...

— Шалявы вы все, — гундосит Петро. — Рас-сквакалась — сердце, а у меня, может, вместо сердца — печенка, ха-ха-ха!

«Значит, и верно Рита была,— вяло думает Платон.— И что это я нюни пускаю, подумаешь...»

Спустились к реке. Катерина потребовала, чтобы они разделись по пояс.

— А, может, совсем прикажешь? — осклабился Петро.

— Не видала!.. — Катерина схватила его за ворот и стала окунать головой в воду.

Платон поспешил сам проделать то же. «Купание» несколько протрезвило их. Но настроение по-прежнему оставалось приподнятым. Платон и Петро заговорщицки перемигнулись. Затем схватили Катерину и столкнули в реку. Та завизжала на весь поселок. Из ближайших

домов повыбегали женщины, таращились на странное купание поварихи. Пока она барахталась в воде, Корешов и Суворов столкнули лодку, отплыли.

— Вот кобели! — грозила Катерина, выжимая подол платья. — Утонешь, домой не возвращайся, — напутствовала она своего возлюбленного. — Смотри мне!

— Ха-ха-ха! — отвечал ей из лодки дружный смех подвыпивших «экспедиторов». — Утонем, не вернемся. Ха-ха-ха!

От конторы бежали несколько мужчин, впереди Наумов. Они махали руками и требовали вернуться.

— Волошина наябедничала, — сплюнул за борт Петро.

— Теперь пусть попробуют догнать, — отозвался Платон. Поплевал на ладони, взялся за весло. — А, ну, нажмем! Солдату терять нечего, кроме звезд со своих погонов...

Они вывели лодку на средину реки. Течение ее подхватило и понесло, как на крыльях. Петро на четвереньках прополз на нос лодки, положил голову на мешок, загундосил неразбери-пойми какую песню. Потом сказал:

— А ты по Ритке не плачь: на наш век баб хватит... — И сонно замурлыкал под нос: — Менял я девок, там-дам-рьям, да как перчатки...

Платон на корме правил веслом. Когда становилось невмоготу, черпал жестяной банкой воду, выливал на голову. По мере того как улетучивался хмель из головы, становилось стыдно. Платону чудилось, что с берега отовсюду смотрят с укором на него глаза деда. «Что же ты этак, брат, подкачал, замахнулся на женщину... Выдрать бы тебя, внук, ремнем так, чтобы сесть не мог. Мы воевали ведь для вас, и отец твой погиб за вас. Плакаться, конечно, по нам каждый день не надо, жить надо, но жить-то по-настоящему, внук...» — Платон все ниже и ниже клонит голову; потом как хватит веслом по воде, окатил Петра. Но тому все нипочем, сопит в обе дырки — и баста.

Вечерело, а они не проплыли еще и половины пути. Платон изо всех сил налегал на весло. На носу лодки заворочался Петро, приподнялся на локоть, его тошнило. Он навалился грудью на борт. Не успел Платон предупредить, как тот мешком плюхнулся в воду, едва не

перевернув лодку. Платон оторопел, выронил весло. Потом спохватился, начал поспешно снимать куртку, сбросил сапоги, кинулся вслед за Суворовым. Петро торчмя торчал в воде и на всю тайгу кричал:

— Спасите-е! Спасите-е! — и отчаянно бил по воде руками.

Дальнейшее Платон помнил отрывочно. Помнил, как догнал Суворова, а как добрался с ним до берега — не помнит. Лежа на спине, он, как выброшенная на берег рыба, открывал и закрывал рот. Потом встал на корточки, подполз к неподвижному товарищу. У того изо рта пошла вода. Вспомнил, как в армии учили делать искусственное дыхание — начал практиковаться на Петре.

Тот судорожно вздохнул раз, другой, открыл глаза. Платон дал ему прийти в себя, потом приподнял за плечи, посадил. Солнце уже касалось вершин сопок.

— Тонули, что ли? — хриплым чужим голосом выдавил Петро, повел вокруг мутными глазами. Глаза у него были такие, будто в них налилась вода.

— Тонули, да не утонули, — сердито отвечал Платон. — Что теперь делать? — Он посмотрел на босые, покрасневшие от холода ноги. Встал, выжал рубашку, потом брюки. Было неприятно думать, что лодка с продуктами, сапогами и бутылкой спирта уплыла. — Вот тебе и справили именины! — натягивая сырую одежду, поежился Корешов.

— Добро, что по нам поминок не справили. — Петро стащил сапоги, бросил их товарищу. — Бери, я теперь перед тобой в неоплатном долгу...

— Пошел к дьяволу! Сапоги обувай сам, их не разделишь.

— Ты не думай, босой я по тайге не пойду. Из портянок добрые ичиги получатся. — Суворов оторвал несколько полосок от подола рубашки, скрутил, перевязал ими портянки. — Полный порядок! — посмотрел на реку, почесал затылок. — Километров пять придется отмахать. Пошли, что ли?

— Ясно, пошли. Не сидеть же!

Петро виновато плелся сзади. Берег был низкий, болотистый. Больно жалила мошка, роем кружившаяся над головами. Двигались медленно: обходили бесчисленные протоки, продирались сквозь густые тальнико-

вые заросли. Когда огибали очередную протоку, по реке прошла моторная лодка. Пока Корешов и Суворов добежали до берега, она скрылась за поворотом.

— Уж не нас ли разыскивают? — тревожно спросил Петро.

Платон тоже подумал об этом. Если их лодка благополучно миновала взорванную скалу, то в бригаде наверняка заметили и выловили ее. Обнаружив в лодке мешок, сапоги, куртку, решили, что с людьми приключилось несчастье.

— Ох, и будет шуму! — издал тяжелый вздох Петро.

— Да-а, по самую завязку всыплют!

— Ох-хо-хо!

— Вот тебе и «ох-хо-хо!»

— Катеринушка изведется, узнавши...

— Больше любить станет.

— И капли в рот не возьму!

— Сейчас бы не мешало, а то простуду схватишь.

— Ты здоровый, тебя не возьмет.

— А в тебе татарская кровь горячая.

— Распишусь с Катериной!

— Давно бы следовало.

— Да!..

Уже давно стемнело, когда они вышли к своему посту. На берегу горел костер, пламя его освещало лица троих рабочих. Заслышав треск кустарника, они испуганно повскакивали.

— Свои, — отозвался Петро.

Люди с радостными объятиями кинулись к ним, трясли за плечи, ощупывали, словно еще раз хотели убедиться, что перед ними не привидения, а такие же, как и они, люди во плоти и крови.

— А мы уже вас оплакивали, — заговорили сплавщики. — Как только выловили лодку с вещами, Хабибулин в поселок на моторке дунул. Решил, если не найдет вас, весь поселок поднимет на ноги. Как это вас угораздило отпустить лодку?

— Я упал в воду, Корешов бросился меня спасать... — мрачно пояснил Петро. Подставил жару костра спину, зябко поежился. — Спасибо Платону, вытащил, а то бы каюк... — Петра точно подменили. Он сидел задумчивый и не мигая смотрел в ночь. О чем думал? После «второго рождения» человеку всегда есть

над чем поломать голову, особенно над своим будущим...

Больше им не надоедали с расспросами. Сидели прислушиваясь, не идут ли сверху лодки. Платон облокотился на колени, задремал, а в ушах, будто исходившие из самого сердца, слышались строки:

Как хорошо, когда по-братски
Есть с кем делить и хлеб и соль.

Как ни странно, а Платону вдруг захотелось читать стихи, от которых бы ярче горел костер, согревая продрогшего Петра и тех, остальных, что сидели рядом... На Платона иногда находило какое-то непонятное волнение, непонятное и тревожное, как эта ночь, что висела над головой, точно искры от костра рассыпав звезды... Но усталость брала свое, и Платон незаметно для себя задремал.

— Проснись, брат, едут,— отчего-то шепотом известил Суворов, легонько растолкав Платона. И еще тише: — Ты не виноват, я виноват кругом, так и скажу... Сапоги с портянками поделили, совесть не поделишь, она вся тут, — стукнул он кулаком в грудь.

Сверху, со стороны поселка, приближалось рокотание не одной, а нескольких моторных лодок. На каждой из них ярким пламенем горели берестовые факелы. Двигались лодки вдоль берегов.

— М-да, ищут, надо бы сигнал им подать, — сказал один из рабочих. Он вытащил из костра палку с горящим концом, пошел к реке, стал кричать и размахивать ею.

На лодках, видимо, заметили сигналы: они вышли на середину реки, не гася факелов, двинулись к лагуне. К берегу подошли одновременно.

Сидящие у костра услышали возгласы. Из темноты вынырнула сперва юркая фигура Хабибулина, издавшего при этом странный гортанный выкрик. Затем появились участковый, одетый по всей форме, Наумов, Виктор Сорокин, Тося, наконец, с неразлучным саквояжем Селиверст Селиверстович. За первой волной радости последовала менее приятная.

— Идите в лодку, уто-пленники! — с издевкой протянул Леонид Павлович. — Катерина рвет на себе волосы, у-у! — Наумов дал Суворову под зад пинка.

Виктор взял под руку Корешова, подтолкнул к лодкам.

— Идем. — У Виктора в руках языкастый факел. Свет вырвал из темноты чью-то фигуру. «Рита», — узнал Платон и, ниже нагнув голову, прошагал мимо. Ни слова. И Виктор, и ребята — ни слова. Это очень тяжело, когда вот так — ни слова. Лучше бы ругали, или дали бы пинка, как Суворову...

В поселке, на берегу, лодки встречали все жители. Жгли костры. Толпа людей нахлынула к лодкам, обступила «утопленников». Рядом с собой Платон увидел заплаканную Наденьку, и вдруг весело и озорно подмигнул ей. Откуда-то вынырнула Катерина. Она, не стесняясь, при всех закатила истерику, ругала и целовала Петра, целовала и ругала, но он вдруг осадил ее:

— Не позорь при людях, дом на то есть!

Катерина даже рот открыла, и новыми, совсем новыми глазами посмотрела на Петра. Она вдруг притихла, прижалась к Суворову. Народ расступился, давая им дорогу.

А Платон, все также молча конвоируемый Виктором, отправился ночевать к Сорокиным.

4

Турасов позвонил на следующий день утром. Голос у него был все такой же — ровный, но как будто чуть-чуть уставший. Так во всяком случае показалось Рите. Турасов сказал, что очень бы хотел ее сегодня видеть. Рита прикусила губу, но старалась тоже отвечать так, будто ничего не произошло. Хорошо, что в кабинете не было Наумова. Леонид Павлович последнее время вдруг проявил кипучую деятельность. «Перед пенсией надо поработать!» — как-то сказал он. И нельзя было понять начальника лесоучастка, то ли он радовался, что через несколько месяцев, наконец, расстанется с заботами, которые тащить уже не под силу, то ли сожалел, что жизнь, как предзакатное солнце — раз, другой еще брызнет на землю яркими лучиками — и уйдет на покой...

Рита должна была ехать в лес, и она поехала: разыщет. Странно, ловила свои мысли Рита, я сержусь на Турасова. Почему? Разве не знала, что у него есть

жена и ребенок? Он этого не скрывал, значит, не обманывал... Интересно бы посмотреть, какая она — его жена.

Приехав на верхний склад, Рита, вместо того чтобы заняться делами, побрела в тайгу по старому волоку. По обочине тек ручей, мерно журча, и ничего-то, кажется, не могло омрачить его веселый говорок. Но стоило только пройти дождям, как он вдруг мутнел, вспучивался и с недовольным рокотом скатывался вниз по склону сопки. Так, наверное, и наша жизнь, размышляла Рита, то бежит и журчит, как этот ручеек, то вспенивается, начинает бурлить...

Когда она возвратилась на верхний склад, здесь уже стоял «козлик». Турасов и отец расхаживали около штабеля леса. Говорил, вероятно, Турасов — он то и дело вскидывал правую руку и теребил воротник кожаной куртки. Этот жест был очень хорошо знаком Рите, значит, коснулись они чего-то серьезного. Отец пыхтит трубкой и смотрит под ноги. Рита присела на пень и стала наблюдать за ними. Неужели они говорили о ней? Вот они тоже сели на бревно. Потом встали. Отец направился к автокрану. Турасов вышел на середину площадки верхнего склада, огляделся. Конечно, он высматривал ее, Риту. Но Рите, как девчонке, вдруг захотелось поиграть в прятки. Она притаилась, даже задержала дыхание. К голове прилила кровь, сердце, как дятел, стало выстукивать в грудь: тук-тук, тук-тук! Турасов медлил уезжать, но по тому, как он нервно расхаживал около машины, было ясно, что ему некогда, его ждут какие-то важные дела. «А разве это не важное дело, пусть походит, пусть...— Потом Рита загадала: как дятел постучит двадцать раз — она выйдет. Но дятел оказался непокладистым малым — простучал девятнадцать и, вспугнутый рокотом подъезжавшего трактора, улетел в глубину леса.

Турасов курил и все расхаживал около машины.

— Сергей Лаврентьевич! — не выдержала и позвала Рита.

Турасов оглянулся и зашагал к Волошиной. Не надо было обладать особой проницательностью, чтобы определить, чего стоили Турасову прошедшие сутки.

— В кабинете на диване спал,— откровенно признался он и попробовал улыбнуться.— Жена приехала... —

Турасов открыто посмотрел в глаза Рите — вот, мол, я весь перед тобой.

— Я... знаю. — Рита хотела добавить, что ездила вчера в леспромхоз, но промолчала. От волнения она больше ничего не могла сказать — вот сейчас, сейчас должно решиться что-то очень важное...

Турасов внешне казался спокойным.

— Просил у нее развод, не дает, говорит — буду жаловаться в райком партии.

— Может быть... не надо, Сережа?

Турасов нахмурил брови.

— Зачем ты так говоришь?

— Затем, что я не смогу так жить! Не смогу жить с сознанием вины. Я все время буду чувствовать ее перед твоим сыном... Я лучше уеду!

— Перед сыном прежде всего виновата его мать, — перебил ее Турасов. — И ты здесь ни при чем, семья развалилась, когда я тебя вообще не знал. Не надо все усложнять, Рита. У тебя есть цель, ты должна ее осуществить, и у меня много начатых дел... Мы должны сейчас работать и работать!

Над их головами снова застучал дятел — ему-то какое дело до переживаний людей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

1

Платон спал, как убитый. Софа еле добудился его.

— Вставай, герой, пора на свою бригаду ехать, — он показал ряд прокуренных зубов. О вчерашнем происшествии ни слова. Это вдвойне расположило к нему Платона. Нина Григорьевна усадила их завтракать.

После завтрака Платон и Софа направились к конторе. Из-под заячьей шапки у Хабибулина по лицу градом струился пот. Но Софа, казалось, ни за что на свете не желал расстаться со своей шапкой.

В конторке, кроме счетных работников, никого. В конторке на доске приказов приколота бумажка за подписью Наумова: «За нарушение трудовой дисциплины П. Суворов снимается со сплава, направляется на заготовку леса. П. Суворову объявляется выговор». О Корешове ни слова, ни полслова, пронесло.

— Ну ладно, — сказал Софа. — Кобыла с возу, бабе легче... Пойдем, парень, на свою бригаду. — Он обнял Платона. Так, в обнимку, и спустились они к реке. Через несколько часов прибыли на пикет. Платон сожалел, что не встретил Волошину — все-таки извинения надо было попросить...

И снова жизнь вошла в прежнюю колею. Дни сменялись днями, текло время, как текла вода в Малой Тананхезе. Скатка на нижнем складе закончилась. Началась зачистка. По мере продвижения по реке бригад, работающих на зачистке леса, в них вливались пикетчики. Очередь до пикета Хабибулина пока не дошла.

Платон работал до десятого пота. Он старался не думать о Рите. Ходили слухи, что она уже живет у Турасова, хотя к Турасову приехала жена с ребенком... Корешов старался забыть Риту, но нет-нет, да и зайдется у парня сердце. Особенно, когда на пикет привозили почту или передачи от жен. В такие минуты Платон отчего-то как никогда чувствовал себя одиноким, ему казалось, что без Риты жизнь для него кончена. В такие минуты, сжав кулаки, он уходил куда-нибудь на косу и готов был послать ко всем чертям всех и все. Но порою в нем, где-то в самой глубине сердца, начинала звучать какая-то струнка. Он не мог понять, что она ему напевает. Особенно она запевала по вечерам, когда собирались вокруг костра, когда над головами повисало звездное небо, когда к говору реки присоединялась тягучая, несколько заунывная песня Софы. Софа любил по вечерам распевать татарские песни. А потом сам же и переводил их. Однажды он сказал, глядя на задумчивого Платона.

— Знаешь, молодец, о чем песня поется? Не знаешь? Скажу. Она говорит, если настоящий джигит сел на коня, он поводьев не ослабит... Башку на плечах имеешь, поймешь. Нет башки на плечах, ничего не надо! — Хитер Софа, своими маленькими глазками насквозь видит парня. Они у него как буравчики ввинтятся в душу, не вытащишь.

Хорошие это были вечера у костра, на берегу таежной реки. Красное пламя, отсвечивая, плясало на лицах людей. А то вдруг вспыхнет какая палочка, метнется яркий язык пламени к кустам и, словно разбившись там на множество разноцветных искр, вспыхнет на

бусинках росы. Неподалеку шумит, журчит перекатами река. Не то прошуршит по косе галька под копытами лося, вышедшего на водопой. Блеснут в саже ночи жгучие уголья рысьих глаз. Прошелестит перепончатыми крыльями летучая мышь, уцепится за чье-нибудь белье, вывешенное на плоту...

Лежа на войлочной подстилке, Платон слушал рассказы сплавщиков. В них, как в охотничьих, добрая половина вымысла. Слушая, он подолгу думал о своей жизни и жизни этих людей. Сперва Корешову казалось, что этим людям требуется от жизни совсем немногое: прилично заработать, хорошо поесть, привалиться к теплому боку жены... «А что мне требуется, — тут же спрашивал он себя. — Что? Плачешься по Рите, кажется, без нее жизнь — не жизнь. Какой-то писатель сказал, что безрассудная любовь не только одухотворяет людей, но иногда толкает их на низменные поступки, которые в конечном счете не оправдывают даже самую большую любовь... Но неужели в жизни есть только любовь, а кроме любви?.. Хочется чего-то такого, от чего бы жизнь плескалась через край...» — И снова не находил ответа.

Надвигалась сырая пахучая тьма. Она обложила плот. В домике душно, угарно. Сон в такие ночи тяжелый. Кошмарные видения вызывают холодный пот... После таких снов Платон, открыв глаза, долгое время не может сообразить, где он и что с ним. Он шарит выкатившимися глазами по темному потолку. А на потолке волосатые, рогатые чудища кривят рожи, закатываются в беззвучном смехе... Потом — р-раз! — и как пелена с глаз. И потолок как потолок, и домик как домик. И принятая за черта заячья шапка Софы безмятежно висит на гвоздике. Но в это утро Платон, открыв глаза, вдруг не обнаружил на прежнем месте шапку. Не обнаружил ее и Софа. Он пошарил под деревянными топчанами, перерыл весь домик — шапка бесследно исчезла.

Софа в сильнейшем волнении обежал плот, перемерял берег, даже кустарник прочесал. Тщетно. Кто-то из рабочих, видно, подстроил козу бригадиру, ведь не могла же она сама по себе исчезнуть. Погоревал Софа, погоревал, да и махнул рукой: пора снимать шапку, и так волос на голове мало, а то совсем облысеешь.

Лес поплыл по реке косяками. Значит, зачистка совсем близко. А уровень воды в реке стал вдруг резко падать. Забелело множество кос отполированными, обкатанными камнями. По ним прыгали длинноносые кулики и, будто передразнивая сплавщиков, кричали:

— Во-оды нет! Во-оды нет!

— У-у дьяволы, без вас тошно! — кидал в глупых птиц камнями раздосадованный Софа.

Плывущий сверху лес оседал на обмелевших перекатах. Трактор сюда не пригонишь: кругом топкая марь болота. Вот и орудуй ломами да баграми. А здесь еще поджимали сроки. Надо торопиться. Синоптики обещали сухое лето. Уже и сейчас под жаркими лучами полуденного солнца млела от истомы трава, сворачивались в трубки ушастые лопушьи листья.

Во второй половине дня из-за поворота реки вынырнули два спаренных бревна. Верхом на них кто-то сидел и размахивал кепкой.

— Какой шут верха едет?! — изумился Софа, заслоняясь ладошкой от солнца. Прищурился. — Генька шайтан! Ай, парень! — притопнул он ногой. Сложил ладони рупором, крикнул: — Куда едешь, Генька-а?

— Е-е-нь-ка-а, — откликнулась тайга.

— Почему музыки не слышу? — осклабился Генка. Яростно заработал руками, как веслами. Бревна нехотя причаливали к берегу. Когда до него оставалось несколько метров, восседавший на бревнах Заварухин сорвал с головы кепку.— Привет рабочему классу от мирового пролетариата,— перебросил ногу, спрыгнул в воду. Здесь ему было по пояс. Выбрался на камни. Поздоровался с каждым за руку, в том числе и с Платоном.— Наши уже за тем поворотом, — кивнул он головой в ту сторону, откуда только что приплыл.— К вечеру здесь будут.

Заварухинский трактор, оказывается, отправили в ремонт, в ЦРМ, Генку же Наумов отрядил на зачистку леса. Вообще с резким падением уровня воды на реку бросили всех, кого могли.

Генка не обманул. Вечером на восьмой пикет подошли сплавщики. Теперь бригада Хабибулина должна была влиться в общую бригаду. Забелели на берегах палатки, задымили костры, словно разбило здесь лагерь какое-то древнерусское воинство: как пики торча-

ли у палаток багры; многие рабочие за время сплава стали отращивать бороды. Генка же как пристал к хабибулинской бригаде, так и остался в ней. В плавучем домике он занял пустующий топчан Суворова.

Лагерь шумел, готовили ужин. Над рекой тянуло варевом. Платон взял доску, переплыл на другой берег, надеясь разыскать кого-нибудь из своих ребят. Заглянул в первую палатку. При колеблющемся свете «коптилок» голые по пояс четверо рабочих резались в домино.

— Даешь!

— Ха-ха-ха! Здорово ты их! Молодец, Семен!

Все были так увлечены игрой, что даже не заметили вошедшего. На горизонте угасали последние отблески вечерней зари. Все предвещало назавтра погожий день. В некоторых палатках, куда заглядывал Корешов, уже укладывались спать, в других приглашали на кружку чая.

— Привет, Платон! — окликнул кто-то за спиной.

Корешов оглянулся.

— И ты здесь?!

— А как же! — самодовольно подбоченился Костя Носов. — Где все, там и я. Страсть как не люблю без компании. Я теперь у Вязова наилучший друг...

— В какой он палатке? — Платон уловил девичьи голоса, распевающие песню где-то у крайних палаток. «Весь поселок сюда притащили, что ли? — подумал он. — Кажется, голос Наденьки...»

— Со мной вместе, вон в той, — показал Костя. — Только его нет, кажись, партийное собрание у них... Пойдем к девчатам? Слышал, Генка с Наденькой...— Парень плутовато повел глазами, многозначительно хихикнул.

— Оставь эту новость при себе, — отрезал Платон. — Собираешь бабьи сплетни. Ладно, бывай здоров! А к девчатам как-нибудь сходим в другой раз, — подмигнул Платон. Ему, действительно, сейчас не хотелось идти к девчатам.

Корешов вернулся к реке. Лодка стояла на прежнем месте. Когда он отплыл от берега, до его слуха снова донеслась девичья песня. И снова ему показалось, что над тем берегом колокольчиком звенит голос Наденьки. Вспомнил, как когда-то она лазила на дерево за кедровой шишкой... «Эх, Рита, Рита, что же ты!» — так, ка-

жется, и выговаривали горластые перекаты. За лодкой тянется фосфоресцирующий след. А песня на том берегу хватает за душу, бередит ее и зовет куда-то далеко-далеко...

По дну лодки когтисто заскребли камни. В домике на плоту тихо. Спят. Платон пробрался к своему топчану, зажег спичку. Топчан, на котором расположился Заварухин, пустовал. Платон лег не раздеваясь, положив под голову руки, в ушах продолжала звенеть девичья песня...

2

На телеграфных столбах не часто, не редко (а столько, сколько позволила щедрость зам. директора по хозяйственной части) висели электрические лампочки. Днем они служили неплохой мишенью для мальчишек, пристреливающих рогатки, ночью мало-мальски освещали горбатые улицы поселка. Тогда они казались еще более ухабистыми: за каждым бугорком пятак тени. За каждым бугорком точно разверзлась бездонная яма... Иногда это ощущение настолько реально, что невольно переступаешь «пятаки» или же обходишь их.

Но в этот поздний вечер Турасов едва ли обращал внимание на игру теней, хотя нельзя сказать, чтобы он в свои годы не сохранил этакого приподнятого восприятия жизни. Это помогало иногда Турасову в трудные минуты не упасть лицом в грязь, не превратиться в циника, потерявшего веру в людей. А ведь эти люди сегодня, на партийном бюро леспромхоза, строго осудили его. Как это выразился главный инженер Тищенко: «Я ценю Сергея Лаврентьевича как специалиста, но как коммунист должен сказать со всей ответственностью: нельзя разрушать семью. Руководитель — это прежде всего воспитатель масс. А что он может сказать тому же Иванову или Петрову, если сам грубо нарушает социалистические устои».

Турасов, шагая по ночным улицам поселка, продолжал недоумевать — откуда такое многословие у главного инженера. До этого он знал его, как замкнутого и ретивого, даже очень ретивого исполнителя всех его директив. На миг появилась мысль — прикрылся партийным билетом, чтобы выступить поядовитей, боль-

нее укусить. И, кажется, он достиг своего: партийное бюро присоединилось к его мнению. Вынесли решение передать дело на бюро райкома партии. Тищенко приложил два слезливых письма его бывшей жены... Но стиль, стиль писем, пусть даже написанных собственной рукой Кати, был не ее. Она просто-напросто была глупее и уж во всяком случае не знала и не понимала проекта Волошиной, который якобы взят под его, Турасова, защиту лишь в силу полюбовных связей. Так и написано «полюбовных».

К ногам Турасова выкатился черный взъерошенный комочек — собака. Она залилась звонким лаем и отвлекла Турасова от его размышлений. Он было хотел пнуть песика носком сапога, но потом пожалел. Проклятая жалость! Она как червь грызла Турасова с того самого дня, когда он снова увидел сынишку... Катя знала, чем можно его поранить. Ей кто-то сообщил о намерении Турасова жениться на Волошиной. До того она была спокойна, разыгрывая соломенную вдову, но при известии, вероятно, взяло верх женское самолюбие. Ведь сынишку она могла оставить у бабушки, он, собственно, и воспитывался там... Катя уверяла, что с бабушкой ему лучше, а они еще должны пожить в свое удовольствие...

«А я идиот, круглый идиот, — бранил себя Турасов, — так безропотно принимал ее капризы и ни разу не настоял на своем... И сейчас так жалко сына...

Кто-то на партийном бюро задал стереотипный вопрос: «А куда вы, товарищ Турасов, смотрели раньше?» Есть такие вопросы, на которые просто невозможно ответить. «Куда я смотрел раньше? Смешно и дико». Тут, как нарочно, пришла на ум поговорка: все невесты хорошие, откуда берутся жены плохие? Турасов, кажется, улыбнулся... Это все и испортило. Тищенко наклонился к секретарю парткома, покачал головой: как, мол, нехорошо улыбаться, когда задают серьезные вопросы...

В темном переулке, куда не доставал свет от лампочек на столбах, Турасов вспугнул парочку. Они, вероятно, узнали директора и, стесняясь его, спрятали лица и теснее прижались к плетню. Турасов поспешил миновать парочку, дальше надо было пройти мимо своей квартиры. В окнах горел свет. Турасов прибавил шаг, но тут он увидел по ту сторону окна Тищенко. Тот,

видимо, что-то говорил, жестикулируя правой рукой. За столом сидели жена Тищенко и Катя.

Турасов остановился, пораженный этим открытием. Неизвестно, сколько бы он простоял так, если бы вдруг Тищенко не обернулся к окну. Турасов, как мальчишка, пойманный за подглядыванием в чужие окна, отпрянул в тень. Тищенко задернул шторки.

«Вот дьявол!» — мысленно выругался Турасов.

Турасов давно перебрался в леспромхозовскую гостиницу. Жил он в отдельной комнате, питаться ходил в столовую. А то целыми неделями мотался на своем «козлике» по участкам. В такие дни, уйдя с головой в заботы, он как бы жил не своей жизнью, а всех тех, с кем приходилось сталкиваться по работе. Рабочие уважали Турасова за открытый характер... Турасову пришли на ум слова Тищенко, как-то сказанные им в одну из таких поездок: «Вы, Сергей Лаврентьевич, извините, но, по-моему, вы излишне панибратствуете с рабочими...» — Тищенко был из отставных военных, но работать в леспромхоз пришел значительно раньше Турасова. Говорят, что он был в большой дружбе с бывшим директором леспромхоза. Пользуясь слабоволием того, чувствовал себя здесь полным хозяином. «Что вы понимаете под этим словом «панибратствуете»? — сказал тогда Турасов.— У меня такое впечатление, будет вам не в обиду замечено, что вы обращаетесь с рабочими, как с солдатами...» Тищенко через силу улыбнулся: «Острите, Сергей Лаврентьевич», — и постарался изменить тему разговора.

Турасов просыпался под шарканье веника уборщицы, которая подметала коридор. Это шарканье всегда раздавалось под дверьми в одно и тоже время — в семь утра. Хотя в эту ночь Турасов уснул очень поздно, однако встал точно «по расписанию уборщицы». Умылся в порядке очереди (только что встали рабочие, проживающие в гостинице) и направился к конторе. До начала рабочего дня он успевал сходить в столовую и позавтракать, но сегодня изменил своему распорядку. Отчего-то не хотелось появляться в многолюдном месте: о решении партийного собрания, наверное, уже многие знают в поселке, если не все... Шагая по улице, Турасов покрутил головой — ни облачка. Снова, как и в предыдущие дни, солнце обещало вылить на землю

снопы жарких лучей. «Сплав, сплав задержали по первичным рекам,— обеспокоенно думал Турасов.— Уровень воды в реках продолжает спадать...» Потом мысли вернулись к Тищенко. Неужто под его диктовку писались жалобы?

В конторе еще тишина. И пахнет по-конторски: клеем, бумагой и, как однажды выразился кто-то из приезжих инженеров, «просиженными местами». «Придумал же — просиженными местами»,— Турасов несколько раз прошелся по кабинету, остановился у окна. Из окна ему был виден угол дома, где сейчас живет его жена. Двор запущен. В соседском уже разбили клумбы, высадили цветы, обжили. А этот запущен, точно хозяева остановились в доме на время или же им не до цветов...

3

Тремя раскатистыми ударами в рельсу было извещено табору, что пора приниматься за дело. Густым потоком двинулись по обеим берегам реки люди. Качались над головами, словно пики древних воителей, багры. Перекличка, треск ломающихся под ногами высушенных солнцем веток. Платон видит слегка согбенную спину Софы и отросшие, закрутившиеся колечками волосы на бронзовой от загара шее. А впереди еще спины, еще багры, еще много метров бестропья по берегу, опутанному травой и прильнувшим к земле сухостоем.

На этом берегу за старшего Софа. Софа знает, что делает — ноги под себя, руки вперед. «Ха!»— съехал на спине с крутого, глинистого откоса, помахал рукой. Вслед за ним на белобрысую гальку косы горохом посыпались рабочие. Устремились к наваленным в раздрай бревнам, загомонили. Где ломиками, а где и баграми, помогая себе азартными выкриками, поскатывали бревна в воду. И снова, теперь уже по широкой отмели, гуськом двинулись дальше, вниз по реке. Шли вразвалку, под подошвами резиновых сапог похрустывали камни. Впереди Платон уже видит не согбенную спину Софы, а прямую, узкую — Генки Заварухина. Тот уже успел выкупаться, волосы на голове прилизаны и блестят. Платон вспоминает вчерашний вечер, долгое отсутствие Генки. Поравнявшись с ним, искоса посмотрел

ему в лицо. Тот будто бы и не замечает Платона. Так молча, плечом к плечу, прошли они до следующего наноса. Вместе скатывали в реку одно бревно.

Солнце начинало жарить головы. Теперь и Платон наскоро окунулся в воду. Рядом отфыркивался Заварухин. Обоим хочется заговорить, гордость ни тому, ни другому не позволяет сделать это первым.

— Слышь, Кореш, а директору, говорят, за Ритку всыпали. У него жена с ребенком приехала. Да ты не убивайся, Кореш.— Хотелось Генке утешить Платона.— На наш век девок хватит, и в полоску, и в крапинку.

— Верно, и в полоску, и в крапинку. — Платон нагнулся, прильнул губами к студеной воде, жадно, большими глотками стал пить. Вода отдавала запахом таежных ягод, и, кажется, выпей всю реку — не напьешься.

— Ребята, не отставайте! — поторопил Софа.

— Вот черт щербатый! — выругался Генка. — Гонит и гонит! — Потом обернулся к Платону и вполне серьезно процитировал: — Уходил он в черную жижу вместе с кочками и тропой... Что, допрыгался, жулик рыжий? Пропадай теперь, черт с тобой! — Для выразительности Генка даже взмахнул рукой, будто и впрямь вгоняя в землю «жулика рыжего».— Что так смотришь? Думаешь Генка стишки начал писать? Нет, Кореш, стишки не в моей натуре, особенно про цветочки, про ахи да вздохи...— Он так и не закончил своей мысли — Софа вторично поторопил их.

Во второй половине дня к сплавщикам приехали Наумов и начальник сплавной конторы долговязый Куприянов. Осталось не более семи километров до большой Тананхезы. Условно граница между Малой и Большой Тананхезой проходила по мосту, тому самому, у которого некогда пришлось Корешову вытаскивать на берег трос.

Леонид Павлович за дни сплава заметно похудел.

— Поторапливайтесь, товарищи, не то пиво в бочках прокиснет,— говорил он, расхаживая среди рабочих. Он не шутил. Пиво, действительно, было заказано, и сегодня Наумов отрядил за ним в районный центр кузовную машину. Ничего не поделаешь, такой обычай у сплавщиков — промочить глотку после трудной сплавной страды. Леонид Павлович испуганно вскинулся, когда рядом послышалось:

— Ай, шайтан!— Софа даже изменился в лице и полез под бревно. Рабочие окружили Хабибулина, не понимая, что так взволновало бригадира. Софа, отдуваясь, встал, держа в руках какой-то мокрый кусочек шерсти. Губы у Софы обиженно отвисли.

— Да это же его шапка!— выкрикнул кто-то из рабочих за спиной у Платона. И над рекой, заглушая шум перекатов, грянул дружный смех. Софа некоторое время оставался серьезным, поглаживая ладонью мокрую шерсть, потом из уголков рта к ушам поползла улыбка, у глаз собрались морщинки, глаза заискрились. Софа размахнулся и бросил шапку в реку.

— Пошутили и ладно,— сказал он.— Время час, потехе работа...

И снова на задубленных лицах сплавщиков проскользнули улыбки — с шуткой да прибауткой легче работа спорится.

Последние километры до моста оказались особенно трудными. В узких, обмелевших лиманах ощерился хаос бревен. Работа на заломе требует не только выносливости, но и смелости. Платон стоит на шатком бревне, носки сапог лижет вода. Шум такой, что не слышно, о чем кричат бригадиры. Перед глазами только длинный багор и бревно, которое надо вытолкнуть из залома, пустить на простор реки. А вода между бревнами клокочет, бурлит... Вода дышит в лица рабочих прохладой, но воздух накален, упруг, рубашки липнут к спинам, на губах соленый привкус пота.

— Генка, брось фокусы показывать! — грозит Софа Заварухину, который лезет в самые опасные места.

— Где наша не пропадала! — скалится в смехе Генка.

Почему-то на ум Корешову пришли строки, недавно прочитанные Генкой: «Уходил он в черную жижу вместе с кочками и тропой... Что, допрыгался, жулик рыжий? Пропадай теперь, черт с тобой!..» Они работают на пару с Генкой. Ни тот, ни другой не уступают друг другу. Оба они лезут в самые опасные места, туда, где шаткие бревна, туда, где клокочет и бурлит вода...

Близился вечер. И закатное солнце было красным, все предвещало, если не бурю, то сильный ветер...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

1

Турасов так и не увидел в этот день своего главного инженера. Перед окном резко затормозила запыленная «победа» секретаря райкома Яшина. «Началось»,— подумал Турасов, но от окна не отошел, только шире поставил ноги и слегка нагнул голову, точно приготовился отразить мощный удар.

Секретарь райкома вылез из машины, достал папироску, закурил. Лицо у него было озабоченное. Потом он резко стянул с головы шляпу, сунул ее в кабину, посмотрел на часы. Девяти еще не было, и он, вероятно, решил, что в конторе никого нет. Турасову бы выйти, встретить начальство, а он продолжал стоять не меняя позы, переводя взгляд с вышагивающего около машины секретаря райкома на угол дома, на запущенный двор...

Неожиданно Турасов заметил, что секретарь райкома остановился и тоже смотрит на этот двор, слегка приподнимаясь на пятки и не выпуская изо рта папироски... «Думай, думай»,— почему-то рассердился Турасов. Прошел к столу, сел, занялся делами. Подвинул к себе пачку корреспонденций, которые не успел просмотреть вчера. Тут были и циркуляры из управления лесдревпрома, и даже запрос какого-то исследовательского института, много ли бархата в водоразделе реки Тананхезы и сколько его заготавливается. «Вот уж совсем не по адресу обратились,— отодвинул письмо Турасов.— Мы не корозаготовительный участок». Мельком глянул на настенные часы. Ровно девять. По коридору слышатся неторопливые шаги. Дверь отворилась, в кабинет вошел секретарь райкома.

— Значит, не желаем встречать начальство? Так-так!— Он первым протянул руку, сел напротив Турасова, облокотившись на стол.

— Хлеб не испекли и рушник в стирку отдали...

— Сердит, брат, сегодня. Что, не с той ноги встал? У моего шофера Николая сегодня жена завтрак на стол ставила да опрокинула кастрюлю. Пришлось ему, бедному, с пустым желудком ехать, тоже всю дорогу ворчал.

— А мне некому завтрак подавать.

— Ну-ну, так уж и некому...— И неожиданно:— Малая Тананхеза сегодня заканчивает?

— Должны, — Турасов зачем-то заглянул в график, хотя по памяти знал, где и как идет сплав. И резкие ответы секретарю райкома партии были вызваны скорей тем, что он хотел скрыть мальчишеское волнение, иначе его не назовешь, которое могло выдать Турасова.

— Поедем-ка, Сергей Лаврентьевич, к мосту. Надо же поздравить сплавщиков,— предложил секретарь райкома. Он был на целую голову выше Турасова, но у́же в плечах. Может быть, он казался еще выше и потому, что носил военного покроя галифе и хромовые сапоги с узкими и длинными голенищами.

У машины секретарь райкома словно нарочно приостановился и снова посмотрел в направлении дома, где жила турасовская жена. Сели они оба на заднее сиденье.

— Ну что, успел перекусить?— спросил секретарь райкома шофера, который только что прибежал из столовой.

— По-орядочек, — промычал тот, прожевывая на ходу. — Вот растяпа, надо же! — Это, верно, относилось к жене, опрокинувшей кастрюлю с завтраком.

Секретарь райкома не упоминал о собрании, как будто еще не знал о нем. «А может быть, он и действительно не знает? — промелькнуло в голове у Турасова. — Ведь собрание закончилось поздно вечером...» Это было не самоуспокоение, а скорее всего нежелание Турасова в интимной обстановке начинать этот тяжелый разговор. Конечно, сейчас бы ему легче было рассказать секретарю райкома, что послужило причиной разрыва между ним и Катей. Но весь этот разговор мог вылиться в то, что Турасов, хотел бы он этого или нет, а выгородил бы себя. Да, именно выгородил.

— Железную дорогу надо, обязательно надо! — стукнул кулаком по коленке секретарь райкома, посматривая в окно машины.

— Мы бы тогда развернулись, — живо поддержал Турасов, и глаза его загорелись. — Построили бы деревообрабатывающий комбинат. Не пришлось бы сплавлять лес, ведь сколько его гибнет, пока дойдет он до запани. — Турасов оседлал своего любимого конька и

говорил, говорил... Секретарь райкома оглянулся и посмотрел на Турасова таким взглядом, будто хотел сказать: «Вот ты какой — мечтатель, не мудрено, что влюбился в девушку».

— Ну, а что с проектом Волошиной? — перебил секретарь райкома и тут же спохватился, что не следовало бы сейчас упоминать эту фамилию. Турасов ошибался, думая, что он не знает о решении партийного собрания: ночью Яшин позвонил секретарю парткома.

— Думаю, что на таких участках, как Тананхеза, он вполне приемлем...

— Вот и хорошо. — Разговаривал с Турасовым, а у самого не выходила из головы «сложившаяся ситуация» в семейной жизни директора леспромхоза. С одной стороны, моральные законы требовали строгого наказания коммуниста и к тому же руководителя за разложение семьи, с другой стороны, чтобы подойти к такому вопросу объективно, следовало очень хорошо знать прежнюю жизнь семьи Турасовых. Ведь неспроста жена не ехала к нему почти год. Фактически семьи уже не было, хотя не было и развода. «Вот дьявол, задал же Турасов задачку», — Яшин даже поскреб в затылке. К тому же райком хотел рекомендовать Волошину на должность начальника участка Тананхеза. А сейчас попробуй сделай это — скажут, что директор леспромхоза по-свойски сделал повышение Волошиной...

Секретарь райкома, глядя на убегающее под колеса машины серое полотно дороги, искоса нет-нет да и поглядывал на Турасова. В голове у него уже созрел план, как разрубить этот «гордиев узел». Пусть это будет не совсем солидно с его стороны, но сегодня же он попробует потолковать с бывшей женой Турасова. Надо, только осторожно, посоветовать ей уехать обратно в город. Если хоть чуточку есть ума, она должна понять, что, сидя в поселке и строча жалобы на бывшего мужа, она уже не вернет его... Яшин даже повеселел, точно ехал сейчас не с Турасовым к месту завершения сплава, а увозил на станцию его жену.

Мост. Обыкновенный деревянный мост с покосившимися перилами, каких много у нас переброшено через таежные реки. Этим мостам достается больше, чем каким-либо. Правда, по ним не пробегают стотонные со-

ставы, зато во время сплава день и ночь бьет по быкам плывущий лес, а в наводнения — и того хуже.

Машину оставили около моста. На мосту ни одной живой души. «Что-то запаздывают, — подумал Турасов, глядя на плывущий сверху лес. — Наверное, залом наворочало...»

— Будем ждать здесь или пойдем навстречу?

— Можно и пойти, — согласился Турасов. — Они, должно быть, недалеко.

И верно, не прошли они по берегу реки и пятисот метров, как за поворотом увидели сплавщиков.

Работа кипела. Платон еще не видывал такого накала: бревна бегом сталкивали с отмелей, небольшие заломы расшвыривали в один присест. Куртки посбрасывали, работали в одних нательных рубашках, а то и вовсе голые по пояс. От одного к другому берегу мотался на моторной лодке Наумов. У Леонида Павловича на лице праздник, и про пенсию забыл. Но когда подошли к самому мосту, он неожиданно исчез.

— Купать начальство! — воскликнул Софа.

— Купа-ать! — хором отозвались рабочие.

Но глядь, а Леонида Павловича и след простыл — сдрейфил. Моторная лодка здесь, а его нет. Кинулись на розыски. Нашли Наумова, притаившегося в кустах, схватили за руки, за ноги, потащили к реке. Наумов умолял, просил, потом начал брыкаться и визжать на всю тайгу. Начальника сплавной конторы, долговязого Куприянова, уже окунули в воду. Сейчас он только похохатывал, глядя на барахтавшегося в объятиях рабочих Наумова.

— Раз, два, три! — скомандовал Софа.

— Ух! — вырвалось из глоток у рабочих.

Подняв тучи брызг, Наумов спиной плюхнулся в воду. Вода привела его в чувство. Быстрехонько на берег. Отдуваясь и отфыркиваясь, вылез на камни. Вода стекала с него ручьем. Леонид Павлович ладонью вытер лицо, выпрямился, попросил внимания:

— Поздравляю вас с окончанием сплава! «Наверное, моего последнего сплава», — тут же подумал он. — Ура, товарищи!

— Ура-а! — понеслось над рекой, перекинулось в сопки и пошло гулять из конца в конец над бескрайней тайгой.

На берег выкатили бочки. К пенистому прохладному пиву потянулись с кружками. Иван Вязов подмигнул Платону, сгреб в ладонь усы, сказал:

— Приеду домой, обязательно сбрею. Стариться еще не хочу.

Гуляли до позднего вечера. Потом Корешова и нескольких других сплавщиков отрядили рубить колья для палаток — по совету Наумова было решено заночевать здесь, а с рассветом выехать в поселок. Колья для палаток рубили в ближнем леске. Он был такой опрятный, аккуратненький...

Ночь надвигалась быстро. Ветви на деревьях обвисли. Воздух словно плотнее стал, не шелохнется. Ближние склоны сопок подернулись дымкой. Быть ветру.

— Отдохните хоть как положено, — расхаживая между палаток, посмеивался Леонид Павлович. — Домой приедете, жены не дадут поспать...

— Вы-то уж теперь, Леонид Павлович, наверное, отдыхаете вволю, — поддел кто-то.

— Но-но, — напыжился Наумов, — я еще того...

Так под шутки и смех укладывались спать. Устраивались с комфортом — набросали веток, поверх расстелили грубые суконные одеяла, укрылись кто чем мог. Рядом с Платоном мостится Софа, а из противоположного угла кто-то мечтательно тянет:

— Эх, братцы вы мои, завтра дорвусь до кровати, сутки не встану! Хорошо, проснешься утром, а из кухни такой запах... Жена у меня добрая хозяйка.

Софа засопел в самое ухо Платону. По верху палатки пробежал любопытный бурундук. И все стихло. Веки у Платона тяжелели. «А ведь завтра снова в поселок. Неужели опять все сначала: день да ночь — сутки прочь?..» — и Платон уснул с неясным и беспокойным чувством за свое будущее, за завтрашний день. Проснулся он от холода и непонятного шума. Не сразу сообразил, что это ветер ударяет и рвет полотнище.

Туго натянутое на колья, оно то страшно гудело, то жалобно и печально плакало. Платону приснилось, будто бы повстречал он на лесосеке деда и тот ему сказал: «Здорово, внук! Думаешь, я погиб, как бы не так, мы живы; вон нас сколько!» — и показал рукой. А за спиной у него тысячи людей с пулеметными лентами и простреленными бескозырками.

Рядом заворочался Софа, потом приподнялся на локте, набросил на Платона свою телогрейку, что лежала у него под головой, придвинулся ближе. Платон ощутил теплое плечо Софы. За палаткой снова завыл ветер, и звучавшая до этого в душе у паренька струна вдруг запела с новой силой... Платон понял, как дороги ему эти люди — хозяева тайги, овладевшие мудростью жить по большому счету.

И ему захотелось быть таким, как они.

А Рита? Что ж Рита. Это поражение в любви его тоже многому научило. Он понял, что Рита была богаче его душой — и раз он, Платон, это понял, то он уже стал другим и он докажет Рите... Плечо Софы согревало. А ветер все рвал палатку.

С рассветом точно ничего и не было — небо синее и глубокое-глубокое. Платон, чтобы не разбудить товарищей, осторожно вышел из палатки, спустился к реке, зачерпнул ладонями холодную воду, умылся. Затем не спеша пошел назад. Только сейчас он обратил внимание на лесок, который показался ему вчера таким неприветливо аккуратным. Деревья стояли встрепанные, буйные, а у их подножий лежали поверженные ночной бурей — те, что не устояли. «Надо и в себе растить такую же крепкую сердцевину, как у тех, что устояли»... — подумал Платон, радуясь буйной и щедрой красоте деревьев-победителей.

Платон широко расставил ноги, сложил ладони рупором и лихо, по-солдатски крикнул:

— Подъем! Подъем!

Ему вдруг захотелось скорее вернуться в поселок, чтобы наступило то завтра, начало которого уже было в сегодняшнем утре.

СОДЕРЖАНИЕ

54 коп.

ПРИМОРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

